

ТРУДЫ, ВЫПУСК 49

1955/56

ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ,
ЭКОНОМИКИ
И ФИЛОСОФИИ

МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СССР
ЧЕЛЯБИНСКИЙ ИНСТИТУТ МЕХАНИЗАЦИИ
И ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

539
Fr. 8539

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ЭКОНОМИКИ И ФИЛОСОФИИ

Т Р У Д Ы · В Ы П У С К 49

169805

БИБЛИОТЕКА
Сам. СХИ
гор. Самара

ЮЖНО-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЧЕЛЯБИНСК, 1970

●

ПЕЧАТАЕТСЯ ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
УЧЕНОГО СОВЕТА ЧИМЭСХ

Редакционная коллегия:

УЛЬМАН И. Е. (ответственный редактор),
ВЕСЕЛОВСКИЙ В. Н. (зам. ответственного редактора),
КУБЫШЕВ В. А., МОЛЧАНОВ Г. Г.,
ПАНУС Ю. В., САШЕНКОВА Л. П.

О ЧИСЛЕННОСТИ МЕХАНИЗАТОРСКИХ КАДРОВ И РАЦИОНАЛЬНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИХ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ

Мощный подъем сельскохозяйственного производства — одна из важных задач коммунистического строительства в нашей стране, так как именно сельское хозяйство призвано обеспечить изобилие высококачественных продуктов питания для населения и сырья для легкой и пищевой промышленности.

Осуществление этой задачи неразрывно связано с повышением уровня технической вооруженности сельского хозяйства. Между тем в настоящее время недостаток технических средств в хозяйствах еще ощущается. В колхозах и совхозах не хватает тракторов, комбайнов и других сложных сельскохозяйственных машин, что приводит к затягиванию сроков полевых работ и снижению урожайности.

«Разве можно считать нормальным,— говорил в докладе на мартовском (1965 год) Пленуме ЦК КПСС Л. И. Брежнев,— когда зяблевая вспашка вместо 18—20 дней нередко продолжается до двух месяцев и прекращается с наступлением морозов, тогда как каждый крестьянин знает, что хороший урожай можно получить лишь на ранней зяби. Из-за недостатка комбайнов и другой техники уборка зерновых культур продолжается нередко 30—40 дней, что вызывает огромные потери урожая.

Интересы подъема сельского хозяйства требуют решительно го усиления материально-технического оснащения колхозно-совхозного производства, резкого увеличения выпуска сельскохозяйственной техники, повышения ее качества, надежности и долговечности»¹.

Развитие материально-технической базы сельского хозяйства обуславливает возрастание роли квалифицированной рабочей силы. Уровень использования земли и современной сельскохозяйственной техники во многом зависит от квалификации механизаторов, их профессиональной и общеобразовательной подготовки, от численности механизаторов (прежде всего, таких профессий, как тракторист, комбайнер, шофер).

¹ Пленум ЦК КПСС 24—26 марта 1965 г. Стенографический отчет. М., Политиздат, 1965, стр. 19.

Если предположить, что темпы роста механизаторских кадров будут такими же, как темпы роста сельскохозяйственной техники, намеченные новым пятилетним планом, то в 1970 году в колхозах и совхозах страны трактористов, машинистов и комбайнеров будет на 60 процентов больше, чем в 1965 году. В то же время произойдет сокращение общей численности людей, занятых в сельском хозяйстве.

Рост механизаторских кадров и сокращение общего количества лиц, занятых в сельскохозяйственном производстве, будут вести к повышению удельного веса кадров механизаторов в общей численности занятых в сельскохозяйственном производстве работников. В 1970 году удельный вес механизаторов среди работников колхозов и совхозов составит 19,9 процента по сравнению с 12,1 процента в 1965 году¹.

Исходя из того положения, что в совхозах и колхозах Челябинской области темпы вооружения сельского хозяйства тракторами, комбайнами, автомобилями и другими машинами будут такими же, как в целом по стране, а рост механизаторских кадров примет темпы, равные темпам роста техники, то количество трактористов, комбайнеров и шоферов возрастет к 1970 году по сравнению с 1965 годом на 44 процента, их удельный вес среди всех занятых в колхозах и совхозах работников увеличится с 20,3 процента в 1965 году до 30 процентов в 1970².

С увеличением числа механизаторов, как наиболее опытных и квалифицированных работников села, возрастает важность проблемы их эффективного использования.

Совершенно очевидна тесная связь в использовании рабочего времени механизаторских кадров и существующего машинно-тракторного парка. Улучшая использование внутрисменного и годового фонда рабочего времени трактористов, комбайнеров и шоферов, колхозы и совхозы добиваются более эффективной эксплуатации машин и механизмов в хозяйстве.

В настоящее время, когда испытывается относительный недостаток в сельскохозяйственной технике, вопросы наиболее эффективного использования имеющихся машин и механизмов приобретают особо важное значение.

К. Маркс писал: «Одни и те же средства труда... можно использовать более эффективно как посредством удлинения времени его ежегодного употребления, так и посредством увеличения интенсивности его применения...»³

¹ Подсчитано по данным статистических сборников: Народное хозяйство СССР в 1965 г. М., Госстатиздат, 1966, стр. 424, 405; Народное хозяйство СССР в 1964 г. М., Госстатиздат, 1965, стр. 427, 428; СССР в новой пятилетке. М., Политиздат, 1966, стр. 92.

² Здесь и далее цифры по Челябинской области даны на основании годовых отчетов первичных и бухгалтерских документов колхозов и совхозов области за соответствующие годы.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 24, стр. 399.

Улучшения использования машинно-тракторного парка в колхозах и совхозах можно достигнуть двумя путями. Во-первых, экстенсивным путем, то есть увеличивая продолжительность работы машины как за счет повышения коэффициента сменности, внедрения повсеместно двухсменной работы, так и добиваясь ликвидации или сведения до минимума простоев и непроизводительных затрат. Во-вторых, интенсивным путем, то есть добиваясь более эффективного и производительного использования машин именно на таких работах и в таких режимах эксплуатации, которые дают максимальный экономический эффект. Это требует внедрения научной организации использования машин, выявления имеющихся резервов.

Многочисленные исследования, проведенные в колхозах и совхозах, показывают, что экономические и другие показатели использования сельскохозяйственной техники в хозяйствах во многом зависят от времени, в течение которого она находится в производственных процессах. Сюда относятся: количество дней, отработанных той или иной машиной за год, коэффициент сменности, величина годовой, дневной и сменной выработки на машину.

Большинство исследователей считает, что именно увеличение коэффициента сменности является одним из главных экстенсивных путей повышения использования имеющейся в колхозах и совхозах сельскохозяйственной техники¹.

Увеличение коэффициента сменности, при всех прочих равных условиях, ведет к росту дневной и годовой выработки на каждую машину, поднимает общий объем механизированных работ при том же самом количестве машин и снижает сроки проведения важнейших сельскохозяйственных кампаний. Добиваясь продолжительного использования машинно-тракторного парка в течение одного и того же отрезка времени, можно обеспечить уменьшение морального износа техники, улучшение фондоотдачи, снижение себестоимости единицы механизированных работ.

---

¹ Сельское хозяйство Омской области и пути его дальнейшего развития по зонам. Научные труды Омского сельскохозяйственного института им. С. М. Кирова, т. LXV. Западно-Сибирское кн. изд., 1967, стр. 125; Бело-зерцев А. Г. Экономические основы механизации производства зерна. М., «Колос», 1966, стр. 166—167; Грачев В. Повышение эффективности использования машинно-тракторного парка в сельском хозяйстве.—«Вопросы экономики», 1966, № 7, стр. 41;

Гериг С. Анализ использования техники в совхозах Алтайского края.—«Экономика сельского хозяйства», 1965, № 8; Кардапольцев А. Прогрессивные формы использования и обслуживания машин.—«Экономика сельского хозяйства», 1965, № 12; Курбатов И. Опыт организации труда в сельском хозяйстве.—«Социалистический труд», 1967, № 7;

Горячкин М. И. Повышение производительности труда сельских механизаторов. М., «Колос», 1965, стр. 104—111; Повышение производительности труда — важнейшее условие строительства коммунизма. Под редакцией академика С. Г. Струмилина. М., Госэкономиздат, 1963, стр. 220.

На этом основании высказываются положения и даже требования о необходимости увеличения количества механизаторов, приходящихся на одну машину. Например, газета «Сельская жизнь» эти пожелания поддерживала, основываясь на опыте передовых колхозов и совхозов нашей страны, где на каждый трактор приходится 3—4 тракториста, а на каждый грузовой автомобиль 2—3 шофера. При таком штате удастся организовать двухсменную работу машинно-тракторного парка и тем самым улучшить его использование¹.

Если бы удалось поставить на каждый трактор в среднем хотя бы по два тракториста, оставив по одному механизатору на комбайн и фактически имеющееся количество шоферов, то еще в 1965 году общее количество трактористов-машинистов, трактористов, комбайнеров и шоферов возросло бы в колхозах и совхозах: в целом по стране — на 35 процентов², по Челябинской области — на 44 процента, в том числе трактористов-машинистов, трактористов и комбайнеров соответственно на 52 и 60 процентов. Удельный вес механизаторов в общем количестве лиц, занятых сельским хозяйством, составил бы в колхозах и совхозах страны 16,7 процента, в Челябинской области — 29 процентов.

К 1970 году в сельском хозяйстве страны для двухсменной работы потребуется 10 миллионов механизаторов, не считая персонала, занятого на работах по техническому обслуживанию машинного парка³. В колхозах и совхозах Челябинской области для работ тракторов в две смены и остальных машин в одну смену количество механизаторов должно увеличиться к 1970 году по сравнению с 1965 годом в 2,2 раза. Удельный вес механизаторов среди всех занятых в колхозах и совхозах будет при этом составлять по стране⁴ и по Челябинской области 48 процентов.

Высокие темпы роста численности механизаторских кадров и большой их удельный вес среди занятых в сельскохозяйственном производстве колхозов и совхозов создали бы значительные трудности для эффективного использования рабочего времени механизаторов.

Вместе с тем, надо признать, что фактическое увеличение численности механизаторов в колхозах и совхозах не соответствует высказанным выше пожеланиям и требованиям. Темпы роста машинно-тракторного парка значительно обгоняют темпы роста численности механизаторов. За 10 лет — с 1950 по 1960 год — тракторный парк в колхозах и совхозах страны увеличился в 2 раза, парк комбайнов — в 2,27 раза. Количество трактористов

¹ «Сельская жизнь», 1963, 28 сентября.

² Подсчитано по данным статистических сборников: Народное хозяйство СССР в 1964 г., стр. 427, 428; Народное хозяйство СССР в 1965 г., стр. 424, 405.

³ «Известия», 1967, 12 августа.

⁴ Подсчитано по данным статистического сборника «Народное хозяйство СССР в 1965 г.», стр. 424, 435 и газеты «Известия», 1968, 12 августа.

за этот же период выросло лишь на 50 процентов, комбайнеров — на 73 процента. За последующие 5 лет количество тракторов увеличилось на 429 тыс. штук, или 42 процента, комбайнов — на 16 тыс. штук, или 5 процентов, а численность трактористов-машинистов, трактористов и комбайнеров увеличилась на 484 тыс. человек, или 26,5 процента¹.

В Белорусской ССР с 1953 по 1963 год темпы роста тракторного парка были в 1,6 раза выше темпов роста численности трактористов².

В колхозах и совхозах Челябинской области за 5 лет — 1961—1966 годы — количество тракторов увеличилось на 35,6 процента, а численность трактористов возросла на 26 процентов.

Более низкие темпы роста численности механизаторов по сравнению с ростом сельскохозяйственной техники ведут к сокращению количества механизаторов, приходящихся на одну машину. Данные о количестве механизаторов в расчете на одну машину в колхозах и совхозах страны и Челябинской области приведены в табл. 1.

Приведенные в табл. 1 данные свидетельствуют о том, что в колхозах и совхозах как страны, так и Челябинской области идет процесс сокращения количества механизаторов, приходящихся на одну машину. За 11 лет — 1950—1961 годы — в колхозах и совхозах страны количество трактористов, приходящихся на один физический трактор, сократилось на 28,9 процента, комбайнеров, приходящихся на комбайн, — на 22,5 процента. За 15 лет — 1950—1965 годы — количество трактористов-машинистов, трактористов и комбайнеров, приходящихся на один трактор и комбайн, уменьшилось на 30 процентов, шоферов на одну автомашину — на 45 процентов.

В колхозах и совхозах Челябинской области за 6 лет — 1961—1967 годы — численность трактористов в расчете на один трактор уменьшилась на 10 процентов, количество трактористов-машинистов, трактористов и комбайнеров, приходящихся на один трактор и комбайн, уменьшилось за это время на 5 процентов.

Сокращение количества механизаторов, приходящихся в среднем на каждую машину, особенно отражается в периоды напряженных сельскохозяйственных кампаний, когда важно провести сельскохозяйственные работы в лучшие агротехнические сроки.

¹ Подсчитано по данным статистических сборников: Народное хозяйство СССР в 1958 г., М., Госстатиздат, 1959, стр. 494, 518—519; Народное хозяйство СССР в 1963 г., М., Госстатиздат, 1964, стр. 330, 357; Народное хозяйство СССР в 1965 г., стр. 405, 424; Народное хозяйство СССР в 1960 г., М., Госстатиздат, 1961, стр. 527, 528; Народное хозяйство СССР в 1964 г., стр. 427, 428.

² Орлов Г. В. О комплектовании и использовании машинно-тракторного парка в колхозах и совхозах БССР.— В кн.: Состояние и перспективы механизации сельскохозяйственного производства БССР, Минск, ЦСУ БССР, 1967, стр. 242.

Таблица 1

Количество механизаторов в расчете на одну машину в колхозах и совхозах страны¹ и Челябинской области

Квалификации	Г о д ы										
	1940	1950	1960	1961	1962	1963	1964	1965	1966	1967	
По стране	2,08 0,96	1,9 1,02	1,42 0,77	1,35 0,79	1,135 1,03	1,15 1,02	1,135 1,04	1,155 1,04			
Трактористы на физический трактор Комбайнеры на комбайн Трактористы-машинисты, трактористы и комбайнеры на один трактор и зерноуборочный комбайн Шоферы на I автомашину	1,79 2,73	1,66 1,91	1,22 1,17	1,185 1,13	1,135 1,03	1,15 1,02	1,135 1,04	1,155 1,04			
По области				1,43 0,57	1,38 0,6	1,32 0,82	1,3 0,61	1,22 0,7	1,31 0,7	1,29 0,68	
Трактористы на физический трактор Комбайнеры на комбайн Трактористы-машинисты, трактористы и комбайнеры на один трактор и зерноуборочный комбайн				1,14	1,13	1,07	1,06	1,07	1,10	1,08	

¹ Подсчитано по статистическим справочникам: Народное хозяйство СССР в 1956 г., М., Госстатиздат, 1957, стр. 150, 151; Народное хозяйство СССР в 1958 г., М., Госстатиздат, 1959, стр. 518, 519; Народное хозяйство СССР в 1960 г., М., стр. 527, 528; Народное хозяйство СССР в 1961 г., М., Госстатиздат, 1962, стр. 467, 468; Народное хозяйство СССР в 1962 г., М., Госстатиздат, 1963, стр. 330, 357, 376; Народное хозяйство СССР в 1963 г., М., стр. 341, 358, 369, 370; Народное хозяйство СССР в 1964 г., стр. 427, 428; Народное хозяйство СССР в 1965 г., стр. 405, 424; Сельское хозяйство СССР. М., Госстатиздат, 1960, стр. 463, 464, 465.

Наиболее остро ощущался недостаток механизаторов в эти периоды в хозяйствах, расположенных в районах освоения целинных и залежных земель, в 1962 году только в Целинный край на уборку урожая было завезено из других областей 57 тыс. механизаторов¹.

В сельском хозяйстве БССР в 1963 году недоставало 35,1 тыс. трактористов (или 59 процентов к имеющемуся количеству трактористов) и 4 тыс. комбайнеров².

По данным областного управления сельского хозяйства, в колхозах и совхозах Челябинской области в период уборки урожая на протяжении ряда лет не хватает по несколько тысяч механизаторов.

Авторы ряда научных работ объясняют недостаток механизаторских кадров в колхозах и совхозах страны и отдельных ее районов замедленными темпами их подготовки³.

В колхозах и совхозах нашей страны за 15 лет — 1950—1965 годы — численность механизаторов возросла на 1738 тыс. человек. За этот же период было подготовлено для сельского хозяйства всеми формами учебы 10 248 тыс. механизаторов, в том числе в системе профтехобразования за 12 лет — 1953—1965 годы — 3688 тыс. человек. Число трактористов-машинистов, трактористов и комбайнеров в колхозах и совхозах выросло за этот период с 1152 тыс. человек до 2245 тысяч, то есть на 1963 тыс. человек, тогда как всеми формами обучения за это время подготовлено 7651 тыс. трактористов и комбайнеров. Иными словами, количество подготовленных за 15 лет трактористов-машинистов, трактористов, комбайнеров (именно тех кадров, недостаток которых остро ощущается в колхозах и совхозах) почти в 7 раз превышает их прирост и в 3,4 раза их абсолютное число⁴.

¹ «Правда», 1963, 10 января.

² Орлов Г. В. О комплектовании и использовании машинно-тракторного парка в колхозах и совхозах БССР.— В кн.: Состояние и перспективы механизации сельскохозяйственного производства БССР. Минск, ЦСУ БССР, 1967, стр. 242.

³ Джанибекова Р. Х. Численный рост рабочих и повышение их культурно-технического уровня в совхозах РСФСР (1953—1961 гг.).— В кн.: Рост творческой активности рабочего класса СССР, М., 1963, стр. 316; Мертучова Ш. М. О некоторых вопросах дальнейшего развития и совершенствования профессионально-технического образования колхозных кадров.— В кн.: Вопросы экономики сельского хозяйства на современном этапе. М., 1963, стр. 114; Кочин И. А. Преодоление социально-экономических различий между городом и деревней. М.,— «Экономика», 1964, стр. 182; Грачев В. Повышение эффективности использования машинно-тракторного парка в сельском хозяйстве.— «Вопросы экономики», 1966, № 7, стр. 41; Корягин А. Г. Воспроизводство в социалистическом сельском хозяйстве. М., «Колос», 1966, стр. 233.

⁴ Подсчитано по данным статистических справочников: Народное хозяйство СССР в 1960 г., М., стр. 665, 667; Народное хозяйство СССР в 1962 г., стр. 474, 476; Народное хозяйство СССР в 1964 г., стр. 427, 428, 568, 570; Народное хозяйство СССР в 1965 г., стр. 583, 585.

В колхозах и совхозах Челябинской области количество механизаторов за 5 лет — 1961—1966 годы — увеличилось на 6800 человек, тогда как подготовлено за это время всеми формами учебы 46 тыс. механизаторов. Только училища системы профтехобразования подготовили для колхозов и совхозов за это время 24 тыс. механизаторов¹. Лишь за 3 года — 1962—1965 — число трактористов-машинистов, трактористов и комбайнеров увеличилось на 4000 человек, тогда как за то же время было подготовлено 23 700² механизаторов этих специальностей, то есть подготовка механизаторов в 6 раз превысила прирост.

В Краснодарском крае за 6 лет — 1959—1964 — было подготовлено 65 424 механизатора. За это же время численность этих работников в колхозах и совхозах края увеличилась только на 9833 человека. Таким образом, подготовка механизаторов превышает их прирост почти в 7 раз³.

В конце 1963 года в колхозах и совхозах БССР имелось 59,1 тыс. трактористов, что составило 33,3 процента от числа подготовленных за 12 лет, и 48,8 тыс. комбайнеров, или 59,4 процента от числа подготовленных⁴.

Приведенные данные о соотношении численности и подготовки механизаторских кадров как в целом по СССР, так и по отдельным районам страны наглядно показывают, что существующие масштабы подготовки в целом не могут служить причиной недостаточной обеспеченности колхозов и совхозов кадрами механизаторов. Если бы в Челябинской области половина из числа подготовленных только за последние три года трактористов-машинистов, трактористов и комбайнеров, а в БССР треть из числа подготовленных за 12 лет работали бы по специальности, то колхозы и совхозы этих районов имели бы достаточное количество механизаторов для организации двухсменной работы тракторов.

Вместе с тем приведенные выше примеры о соотношении численности и подготовки механизаторов свидетельствуют о том, что значительное большинство механизаторских кадров, подготовленных для работы в сельском хозяйстве, переходит в другие отрасли народного хозяйства. В РСФСР на каждые 100 пришедших трактористов выбывало 84⁵.

По данным областного управления сельского хозяйства Челябинской области за 5 лет (1956—1961 гг.) из колхозов и совхозов

¹ Данные Челябинского областного управления ЦСУ.

² Челябинская область в цифрах. Челябинск, «Статистика», 1967, стр. 284—285.

³ Вишняков А., Моисеев А. Экономические вопросы воспроизводства механизаторских кадров села.— «Вопросы экономики», 1967, № 7, стр. 127.

⁴ Орлов Г. В. О комплектовании и использовании машинно-тракторного парка в колхозах и совхозах БССР, стр. 242.

⁵ Корягин А. Г. Воспроизводство в социалистическом сельском хозяйстве, М., «Колос», 1966, стр. 234.

области выбыло более 35 тыс. механизаторов, то есть столько, сколько их было в хозяйствах в 1966 году.

Результаты исследований показывают, что уходят из колхозов и совхозов в основном молодые рабочие, недавно окончившие училища механизации, ремесленные училища по механизации сельского хозяйства, сельские профессионально-технические училища.

В 1961—1963 годах из 50 совхозов Свердловской области выбыло 609 человек, или 41 процент выпускников училищ профтехобразования, направленных в эти хозяйства¹.

В 1961—1963 годах было направлено в колхозы и совхозы Челябинской области свыше 15 тысяч выпускников училищ механизации и ремесленных училищ по механизации сельского хозяйства, из которых 70 процентов ушли из колхозов и совхозов на предприятия промышленности, строительства, транспорта².

В Нагайбакском совхозе Нагайбакского района Челябинской области в 1963—1964 годах принято 79 выпускников училищ механизации и ремесленных училищ, из которых за это же время выбыло 52 человека, или 66 процентов. Из 232 механизаторов, направленных в Брединский совхоз Брединского района, в течение 1961—1964 годов выбыло, не проработав двух лет, 170 человек, или 73 процента. В Калининском совхозе было принято на работу из числа выпускников училищ механизации и ремесленных училищ в 1964—1965 годах 152 механизатора, из которых 111, или 73 процента, выбыли в течение этих же двух лет.

Переход механизаторских кадров из колхозов и совхозов в другие отрасли народного хозяйства и стихийное перераспределение кадров между этими отраслями находятся в явном противоречии с плановым ведением социалистического производства. Это явление создает значительные трудности в дальнейшем развитии сельскохозяйственного производства, приносит значительные убытки обществу.

Из-за текучести кадров механизаторов нарушается одно из важнейших преимуществ социалистической системы хозяйства — планомерный характер подготовки, распределения и использования квалифицированной рабочей силы.

Однако этим лишь отчасти можно объяснить процесс относительного сокращения механизаторов в расчете на одну машину в колхозах и совхозах.

Текучесть кадров — явление, характерное для всех отраслей народного хозяйства, причем в какой-то степени оно имеет неустранимые, естественные причины. Но можно с полной уверенностью сказать, что из отраслей народного хозяйства отлив таких

¹ Филиппов Н. Н. Подготовка и рациональное использование механизаторских кадров совхозов — важнейшее условие дальнейшего развития сельскохозяйственного производства. Кандид. диссертация. Свердловск, 1965.

² «Челябинский рабочий», 1964, 4 марта.

специалистов, как механизаторы, наибольший, и это ведет к уменьшению их в расчете на одну машину.

Имеются различные взгляды на причины, вызывающие переход механизаторских кадров в другие отрасли народного хозяйства. Авторы ряда научных работ склонны объяснять это стремлением части сельского населения в город, к лучшим культурно-бытовым условиям¹, а некоторые — недостатками организации труда и производства, оплаты труда, жилищно-бытовыми условиями в ряде колхозов и совхозов.

Большинство этих причин является следствием и конкретным выражением существенных различий между городом и деревней в период социализма и постепенного перехода от социализма к коммунизму. По мере продвижения нашего общества к коммунизму будет происходить выравнивание социально-экономических и культурно-бытовых условий жизни и производственной деятельности в городе и деревне. «При коммунизме... — указывает Программа КПСС, — исчезнут социально-экономические и культурно-бытовые различия между городом и деревней; по уровню развития производительных сил и характеру труда, формам производственных отношений, бытовым условиям, степени благосостояния населения деревня поднимется до уровня города»².

Ликвидация существенных различий в условиях труда, культуры и быта трудящихся города и деревни будет способствовать исчезновению ряда причин, вызывающих неплановое перемещение подготовленных для сельского хозяйства квалифицированных кадров в другие отрасли народного хозяйства.

В течение ряда лет переход механизаторских кадров в другие отрасли народного хозяйства был связан с нарушением принципа материальной заинтересованности их в увеличении производства сельскохозяйственной продукции.

Заметные изменения произошли после Постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О повышении материальной заинтересованности трактористов-машинистов совхозов и других государственных предприятий сельского хозяйства в увеличении производства сельскохозяйственной продукции», принятого в 1966 году. В соответствии с этим постановлением оплата труда трактористов-машинистов в осенне-зимний период, занятых на конно-ручных, хозяйственных и ремонтных работах, должна производиться не ниже ставки II разряда тарифной сетки трактористов-машинистов. Введена надбавка к заработной плате за стаж работы по специальности в данном хозяйстве.

Увеличение заработной платы трактористам и комбайнерам,

¹ См. Анто́в Н. Некоторые вопросы изменения классовой структуры СССР. — «Вопросы философии», 1965, № 3; Дудник Ю. Ю. Некоторые вопросы преодоления текучести рабочей силы в деревне. — В кн.: Экономические проблемы интенсификации сельского хозяйства, ч. 4, МГУ, 1966.

² Материалы XXII съезда КПСС. М., Госполитиздат, 1962, стр. 366.

Таблица 2

Текучесть кадров трактористов и комбайнеров
в совхозах «Новый Урал», «Увельском», «Багарякском»,
«Андреевском» Челябинской области

Годы	Совхозы									
	„Новый Урал“		„Увельский“		„Багарякский“		„Андреевский“		всего по 4 совхозам	
	принято	уволено	принято	уволено	принято	уволено	принято	уволено	принято	уволено
1963	59	54	92	57	84	61	114	75	349	247
1964	81	30	39	25	54	65	112	73	286	202
1965	69	57	84	53	73	47	44	76	270	283
В среднем за 3 года	70	47	72	42	70	57	90	75	302	227
1966	55	43	50	34	79	61	37	22	221	160

доплата за выслугу лет, оплата натурой (зерном) оказали влияние на снижение текущесть механизаторских кадров.

Из табл. 2 видно, что в 1966 году в совхозах «Новый Урал», «Увельском» и «Андреевском» Челябинской области было принято и, что особенно важно, уволено значительно меньше механизаторских кадров, чем в среднем за три предшествующих года — 1963, 1964 и 1965. Исключение составил только Багарякский совхоз, где количество принятых и уволенных механизаторов сохраняется в течение ряда последних лет на одном и том же уровне, а в 1966 году было даже несколько больше, чем в среднем за три предыдущие года.

В 1966 году из четырех указанных выше совхозов выбыло трактористов-машинистов на 24 процента меньше, чем в среднем за 4 последних года, и на 35 процентов меньше, чем в 1963 году. Больше всего сократилась текучесть механизаторских кадров в Андреевском совхозе (в 3 раза), трактористы-машинисты которого имеют самую высокую заработную плату (среди перечисленных совхозов).

По данным Челябинского областного управления производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов, в 1966 году по всей области выбыло из совхозов и колхозов механизаторов на 25—50 процентов меньше, чем за любой из предшествующих 5 лет. Если при этом принять во внимание тот факт, что значительная часть выбывших из хозяйств механизаторов была призвана в Советскую Армию, пошла учиться в техникумы и вузы или переведена в другие хозяйства, то количество уволенных «по собственному желанию», освобожденных от работы по другим аналогичным причинам сократилось по сравнению с предыдущими годами в два раза и более.

Таким образом, в результате принятых мер текучесть кадров

механизаторов в колхозах и совхозах уменьшилась. Однако проблема относительного увеличения числа механизаторов, приходящихся в среднем на одну машину, еще не решена (см. табл. 1).

В совхозах Челябинской области в 1966 и 1967 годах трактористы и комбайнеры получали очень высокую заработную плату — 140 и 149 рублей в месяц, что против 1965 года составило рост в пределах 56—66 процентов. И все же механизаторов в совхозах в 1966 году, по сравнению с 1965, как это видно из данных табл. 1, не прибавилось: численность механизаторов, приходящихся на каждую машину, поднялась очень незначительно (в сотых долях процента), а в 1967 году, хотя и в малых размерах, но продолжался процесс относительного сокращения количества их.

Выше уже отмечалось, что пожелания о необходимости введения двухсменной работы тракторов и других машин исходят, главным образом, из стремления улучшить работу машинно-тракторного парка. При этом все расчеты строятся, исходя из технических возможностей машин и механизмов. Однако произведенные теоретические расчеты, совершенно правильные по существу, не всегда, на наш взгляд, согласуются с практическим состоянием дел. Так, доказывая возможность увеличения объема тракторных работ в расчете на одну машину, сторонники этой точки зрения совершенно упускают из виду потребности хозяйств той или иной зоны в увеличении объема работ и то как все это отразится на себестоимости произведенной продукции.

Практика увеличения объема тракторных работ, не вызванная производственной необходимостью, а преследующая цель лишь лучшего использования техники, была осуждена на февральском (1958 год) Пленуме ЦК КПСС и первой сессии Верховного Совета СССР пятого созыва (март 1958 год). Ненужное и неоправданное увеличение объема их — одна из причин, приведших впоследствии к реорганизации МТС и продаже техники колхозам.

Деятельность МТС оценивалась, главным образом, по тому, как ею выполнялся план по объему тракторных работ. Поэтому машинно-тракторная станция нередко проводила тракторные работы, не предусмотренные технологией производства и не вызывавшиеся интересами повышения урожайности. Зачастую необходимые работы проводились с такими нарушениями агротехнических сроков, что практически они не оказывали никакого влияния на величину производства продукции.

И действительно, в каждом колхозе и совхозе, на основании рекомендаций, выработанных районными, кустовыми и областными агрономическими конференциями, проходящими ежегодно, составляются технологические карты на каждое поле. Они кладутся в основу текущего годового производственно-финансового плана, в котором предусматривается нужный годовой объем трак-

торных работ, как в целом, так и в расчете на каждую машину. Абсолютное большинство хозяйств Челябинской области перевыполняют годовые планы по объему тракторных работ. Спрашивается: для какой цели то или иное хозяйство должно увеличивать в настоящее время на 10, 20 и 50 процентов объем выработки в гектарах мягкой пахоты на каждую машину, если это увеличение не будет сопровождаться соответствующим ростом сельскохозяйственной продукции, повышением уровня механизации производственных процессов.

Теоретические рассуждения о возможности увеличения объема тракторных работ на каждую машину без связи с практической надобностью хозяйств вызывали и могут вызывать представление о том, что совсем не обязательно увеличивать количество техники в сельском хозяйстве, что нехватка ее вполне восполняется за счет лучшего использования имеющегося машинно-тракторного парка. Очевидно, по этой причине в семилетнем плане развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы было заложено резкое снижение темпов производства сельскохозяйственных машин, и ряд заводов сельскохозяйственного машиностроения: Запорожский завод «Коммунар», Кременчугский комбайновый завод и другие были переданы в другие отрасли народного хозяйства, потому что оказались по существу не загруженными¹. Мартовский (1965 год) Пленум ЦК КПСС отметил, что такая практика является следствием субъективного волевого решения неотложных сельскохозяйственных вопросов, и наметил широкую программу дальнейшего укрепления материально-технической базы сельского хозяйства.

Увеличение сельскохозяйственной техники в колхозах и совхозах вызывается не только необходимостью повышения уровня механизации, но и сезонностью сельскохозяйственного производства. В условиях Урала, Сибири, Северного Казахстана, Центральной части Европейской части СССР в силу определенных погодных и природных условий и биологических особенностей растений нельзя организовать поточное производство в полеводстве, чтобы все работы проводились равномерно и регулярно в течение всего года. Поэтому основные полевые работы (весенний сев, уборка урожая, вспашка зяби и другие) должны быть выполнены в строго определенное время года и за очень короткие сроки. Это, в свою очередь, вызывает сезонное использование машинно-тракторного парка.

В настоящее время при практикуемой технологии производства и конструкции машин многие из них, в том числе тракторы и комбайны, используются в сельскохозяйственном производстве в течение короткого периода и крайне неравномерно на протя-

---

¹ Пленум ЦК КПСС 24—26 марта 1965 г. Стенографический отчет, стр. 148—149.

жении всего года. Тракторный парк особенно напряженно используется только в период весенне-полевых и уборочных работ, комбайны — только в период уборочных работ. Наши колхозы и совхозы должны иметь достаточное количество тракторов, комбайнов и других машин, чтобы проводить все сельскохозяйственные работы в лучшие агротехнические сроки. Это положение доказано теоретически и подтверждается практически состоянием дел.

Темпы роста сельскохозяйственной техники при всех прочих равных условиях значительно выше, чем темпы увеличения объема механизированных работ. За 12 лет — 1953—1965 годы — тракторный парк колхозов и совхозов страны увеличился в 2,68 раза, парк зерноуборочных комбайнов — в 1,73 раза, в то же самое время объем тракторных работ в гектарах мягкой пахоты вырос в 2 раза, а посевная площадь зерновых — на 17 процентов¹.

Поэтому, на наш взгляд, совершенно правильно рядом экономистов поднимается вопрос о том, что обеспеченность производственными фондами работников сельского хозяйства должна быть выше, чем работников промышленности². Об этом говорят и работники сельского хозяйства. С. В. Пругло, главный инженер Чебаркульского районного производственного управления сельского хозяйства, выступая на первой областной экономической конференции, состоявшейся в июне 1966 года, по вопросу эффективного использования техники в растениеводстве, отметил, что увеличение числа тракторов в хозяйствах управления привело к уменьшению годовой нагрузки на условный трактор. За 4 года — с 1962 по 1966 — объем тракторных работ на условный трактор уменьшился в совхозах управления на 11 процентов, колхозах — на 37 процентов. Снижение годовой выработки на условный трактор не повлекло за собой невыполнения годового объема тракторных работ, предусмотренного производственно-финансовым планом по хозяйствам управления. Он предлагает степень обеспеченности машинами каждого хозяйства определять не по средней годовой нагрузке, а по нагрузке на машины в наиболее напряженные периоды работ, исходя из конкретных агроклиматических условий, сложившихся в зоне нахождения хозяйства, агротехнических сроков проведения полевых работ, сменной или суточной производительности агрегата³.

Это также подтверждается мировой практикой ведения сельскохозяйственного производства. В 1961 году в США приходилось на одного круглогодичного работника основных фондов в

¹ Подсчитано по статистическим справочникам: Народное хозяйство СССР в 1965 г., стр. 399, 425, 424; Народное хозяйство СССР в 1962 г., стр. 330, 357; Народное хозяйство СССР в 1965 г., стр. 150, 151.

² См. Василенко М., Колесников С. Проблемы использования трудовых ресурсов села. — «Коммунист», 1965, № 18.

³ Пругло С. В. Эффективное использование техники в растениеводстве. — В кн.: Пути повышения рентабельности сельского хозяйства, Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство, 1967, стр. 185—186.

сельском хозяйстве (без земли) на 10 тыс. долларов и в обрабатывающей промышленности на 5,97 тыс. долларов. В нашей стране приходилось основных фондов на одного работника в промышленности на 4250 рублей, в сельском хозяйстве — на 1700 рублей. Таким образом, если фондовооруженность работника сельского хозяйства в США в 1,7 раза выше, чем в промышленности, то в нашей стране почти в 2,5 раза меньше, чем в промышленности, и в 5 раз меньше, чем в сельском хозяйстве США¹.

Из сказанного выше следует, что улучшение обеспеченности колхозов и совхозов сельскохозяйственной техникой, при всех прочих равных условиях, будет сопровождаться уменьшением выполненного каждой машиной объема работ. Практически это будет проходить путем сокращения времени работы той или иной сельскохозяйственной машины. А это, в свою очередь, при всех прочих равных условиях вызовет сокращение времени работы механизаторов, закрепленных за этими машинами, то есть времени работы их по специальности, и вызовет необходимость использовать механизаторов на других работах, зачастую не связанных с их специальностью. Вполне понятно, что увеличение коэффициента сменности, увеличение численности механизаторов, приходящихся на одну машину при сокращении времени использования данной машины, приводит к значительному уменьшению как количества времени работы на машинах, так и времени, отработанного в году.

В. Я. Чураков и Л. И. Суворова², анализируя использование труда трактористов в колхозах Российской Федерации, отмечают низкий уровень использования труда механизаторов в колхозах Волго-Вятского, Центрально-Черноземного, Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского районов (средняя выработка в год соответственно составляет 163, 166, 154, 155 и 178 дней, тогда как выработка на одного колхозника в среднем за год составила 180—230 дней). Здесь на одну машину приходится соответственно 2,11; 2,09; 1,99; 1,64 и 1,8 трактора и объясняют это недостаточной обеспеченностью тракторами. Если высказать приведенные выше мысли другими словами, то получится, что чем выше относительная численность механизаторов, приходящихся на одну машину, тем меньше эти механизаторы выработывают в году дней в среднем на одного человека. Требование увеличения этим районам тракторов для лучшего использования механизаторов означает не что иное, как уменьшение количества трактористов, приходящихся на одну машину. Причем в колхозах Волго-Вятского, Центрально-Черноземного, Западно-Сибирского и Восточ-

¹ Шмелев Г. Современный капитализм и абсолютная рента.— «Мировая экономика и международные отношения», 1966, № 1; Народное хозяйство СССР в 1961 году, стр. 69, 461, 567.

² См. Чураков В. Я., Суворова Л. И. Использование трудовых ресурсов в колхозах и совхозах. М., «Колос», 1967, стр. 55—57.

но-Сибирского районов страны, имеющих высокий уровень обеспеченности трактористами, коэффициент сменности при работе на тракторах составляет всего лишь 1,2—1,3.

Имеются и другие подобные мнения, говорящие о том, что при достаточной обеспеченности хозяйств тракторами, машинами и трактористами занятость последних на полевых работах снизится (а тракторный парк в основном используется на полевых работах), сократится число дней работы в году, приходящихся на одного тракториста¹.

Такие же результаты получены при исследовании использования рабочего времени механизаторов в ряде совхозов Челябинской области. В Багарякском и Увельском совхозах, где на каждый трактор и комбайн в среднем приходится 1,45, 1,33 механизатора, трактористы и комбайнеры выработали в среднем в 1966 году 220—240 дней, в совхозах «Новый Урал» и «Уйский», где приходится 0,98 механизатора на каждый трактор и комбайн, средняя выработка на тракториста и комбайнера составляет 270—280 дней в год. Механизаторы совхозов, имеющих большую среднюю обеспеченность трактористами и комбайнерами, значительно меньшее количество времени работали в 1966 году на машинах и механизмах. Если механизаторы совхозов «Новый Урал» и «Уйский» $\frac{1}{5}$ рабочего времени работали на машинах и механизмах, то механизаторы Багарякского и Увельского совхозов — примерно $\frac{2}{3}$ рабочего времени. В Багарякском совхозе, который имеет самую высокую обеспеченность механизаторами среди названных совхозов и самый низкий показатель среднегодовой выработки на каждого человека, очень велика текучесть механизаторских кадров.

Анализ использования механизаторских кадров показывает также, что рост числа трактористов не оказывает влияния на объем выполненных работ (в гектарах мягкой пахоты), приходящихся в среднем на одного механизатора. Больше того, этот показатель из года в год увеличивается. За 6 лет — 1961—1967 годы — количество выполненных работ (в гектарах мягкой пахоты), приходящихся на одного тракториста в колхозах и совхозах области, увеличилось на 16,5 процента.

Объем тракторных работ (в гектарах мягкой пахоты), приходящихся в среднем на одного механизатора, является косвенным показателем количества времени, отработанного трактористом по своей основной специальности. Увеличение объема этих работ в расчете на одного работающего при одновременном росте техники и уменьшении выработки на условный трактор свидетельствует о заинтересованности тракториста, его стремлении не сокращать количество времени, отработанного им на тракторе.

¹ Лоза П. С. Использование труда механизаторов в колхозах РСФСР. — В кн.: Использование трудовых ресурсов в сельском хозяйстве СССР. М., «Наука», 1964, стр. 148—149.

Все сказанное выше по этому вопросу дает основание предполагать, что между показателем относительной численности механизаторов, приходящихся на одну машину, и использованием рабочего времени механизатора существует определенная взаимосвязь. С увеличением относительного количества механизаторов ухудшается использование их рабочего времени. А ухудшение использования рабочего времени, отсутствие или недостаточное количество работы согласно приобретенной специальности побуждает механизатора переходить в такое хозяйство или отрасль, где он может полностью приложить свой труд, согласно полученной им специальности.

Таким образом, уровень относительной численности механизаторов в колхозах и совхозах во многом зависит от того, как в данном хозяйстве используется рабочее время механизатора, какую часть времени он имеет возможность трудиться по своей специальности. Следовательно, для того, чтобы увеличить количество механизаторов, приходящихся на одну машину, нужно изыскать возможности наиболее полного использования их рабочего времени в течение всего года, возможности использовать механизаторов в основном по специальности.

Однако все сказанное не вызывает сомнения в необходимости максимального использования тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин в периоды наиболее напряженных сельскохозяйственных кампаний: сева и особенно уборки урожая. В Челябинской области и других районах страны вместе с уборкой урожая проводятся и другие трудоемкие работы: вспашка зяби, очистка массивов от пожнивных остатков, заготовка силоса и т. п. От уровня использования сельскохозяйственной техники во многом зависит своевременность проведения тех или иных работ, что имеет огромное значение для улучшения всей деятельности хозяйств.

Одним из основных путей максимального использования сельскохозяйственной техники в период напряженных сельскохозяйственных работ является организация двухсменной работы. Это, естественно, потребует, например, не менее двух трактористов на каждый физический трактор. Это можно решить за счет собственных кадров механизаторов, на что сейчас в основном и ориентируются колхозы и совхозы соответствующие сельскохозяйственные органы.

Однако значительное большинство хозяйств Урала, Сибири, Казахстана испытывают недостаток механизаторских кадров для организации двухсменной работы в период сельскохозяйственных кампаний, о чем говорилось выше. Поэтому создание собственных кадров на практике означает завод большого числа механизаторов в эти районы на постоянное место жительства. Это же связано с большими капитальными затратами средств на жилье, культурно-бытовые объекты. Кроме того, с увеличением

количества механизаторов будут возрастать трудности эффективного использования их рабочего времени, нужно будет создавать какие-то промышленные объекты или промысла, чтобы полностью использовать труд механизаторов в осенне-зимний период.

Существует и другой способ решения задачи обеспечения двухсменной работы тракторов в период напряженных сельскохозяйственных работ — привлечение механизаторов со стороны. Этот путь широко использовался и используется в Челябинской области и других районах страны. Вместе с тем руководители колхозов и совхозов, куда завозят механизаторов, и руководители тех предприятий, с которых привлекается рабочая сила на село, обращают внимание на имеющиеся в этом деле недостатки.

Руководители совхозов и колхозов, например, говорят о том, что привлеченные трактористы и комбайнеры имеют невысокую подготовку, нарушают правила эксплуатации машин, не проявляют необходимой заботы о сохранении машин и что требуются дополнительные затраты средств на бытовое устройство привлеченных трактористов и комбайнеров.

Эти недостатки действительно имеют место. Промышленные предприятия, отбирая рабочих для посылки на сельскохозяйственные работы, часто стараются направить тех, кто менее квалифицирован, хуже работает, не дисциплинирован, то есть далеко не лучших и даже не средних рабочих. На промышленных предприятиях Челябинска и других городов имелись и такие факты, когда предприятие специально проводило набор временных рабочих, чтобы направить их для работы на село.

Анализ данных о привлеченной рабочей силе из городов в колхозы и совхозы Чебаркульского района Челябинской области за 1965 год показал, что почти $\frac{2}{3}$ привлеченных имели возраст, в котором люди или еще не имеют необходимых трудовых навыков и не подготовлены к сельскохозяйственным работам, или не могут выполнять тяжелые работы по состоянию здоровья.

Но эти недостатки можно устранить, если заблаговременно учить рабочих тем специальностям, по которым они будут использоваться на селе, и повысить ответственность промышленных предприятий за отбор рабочих, направляемых на сельскохозяйственные работы, установив соответствующие постоянные связи между промышленными предприятиями и совхозами и колхозами. Что касается затрат на бытовое устройство, привлекаемых со стороны, то они будут в несколько раз меньше, чем затраты на бытовое устройство механизаторов, завезенных на постоянное местожительство.

В итоге получается, что руководители сельскохозяйственных предприятий не выступают против самого принципа привлечения рабочей силы со стороны, они лишь критикуют недостатки, которые имеют место при проведении этого мероприятия и кото-

рые устранимы в условиях социалистического планового ведения хозяйства.

Руководители промышленных предприятий объясняют свое нежелание посылать рабочих на село тем, что даже временное отсутствие их на производстве нарушает ритмичность в работе цехов и предприятия в целом. Однако если предприятие заранее будет знать, когда, куда и какое количество рабочих оно направляет на сельскохозяйственные работы, то оно может так спланировать свою деятельность, что посылка людей на село не будет оказывать сколько-нибудь значительного влияния на работу предприятия.

Рабочим, направляемым на сельскохозяйственные работы, в зависимости от среднемесячной заработной платы и количества отработанных в колхозах и совхозах дней предприятие выплачивает определенную сумму средств. Это дает основание руководителям и отдельным авторам научных работ сделать вывод об экономической невыгодности для государства привлекать рабочую силу из промышленности на сельскохозяйственные работы¹. Этот довод в последнее время выдвигается как основной и решающий против привлечения механизаторов со стороны. Например, Е. С. Русанов считает экономически нецелесообразным привлечение рабочей силы из города на сельскохозяйственные работы потому, что выработка на одного работающего в промышленности в 3,5 раза больше, чем в сельском хозяйстве².

Данное экономическое обоснование как раз и доказывает определенную целесообразность временного использования рабочей силы с предприятий на сельскохозяйственных работах. Для этого рассмотрим табл. 4. Цифры, приведенные в ней, свидетельствуют о том, что в ряде отраслей народного хозяйства — промышленности, строительства, торговли, заготовки и материально-технического снабжения — в расчете на одного работающего создается в 2,4—2,8 раза больше национального дохода, чем в сельском хозяйстве.

Если из суммы национального дохода, приходящегося в среднем на одного работающего, вычесть среднегодовую заработную плату (продукт для себя), то оставшаяся сумма его будет представлять продукт для общества и равняться для работников промышленности — 2500 рублей, строительства — 1890 рублей, торговли, заготовок и материально-технического снабжения — 2600 рублей, совхозов и государственных подсобных предприя-

---

¹ Кузовлев П. М., Плотникова В. Е. Трудовые ресурсы в сельском хозяйстве Свердловской области и их использование. Свердловск, 1965, стр. 22; Черемисин Н. С. Интенсификация целинного земледелия и использование трудовых ресурсов. — В кн.: Некоторые проблемы интенсификации сельского хозяйства. М., «Мысль», 1964, стр. 232.

² См. Русанов Е. С. Занятость населения и использование трудовых ресурсов. М., «Экономика», 1965, гл. III, § 2.

Таблица 3

**Национальный доход и среднегодовая заработная плата
в расчете на одного занятого в различных отраслях
народного хозяйства в 1965 году¹**
(в рублях, в ценах 1965 года)

Отрасли	Создано национального дохода на одного занятого	Среднегодовая заработная плата
Промышленность	3740	1240
Строительство	3200	1310
Торговля, заготовки, материально-техническое снабжение	3500	900
Сельское хозяйство	1330	888 ²

тий — всего лишь 642 рубля. Промышленный рабочий, отработав два месяца на сельскохозяйственных работах, а остальное время в промышленности, создает своим трудом продукта для общества на 2200 рублей, рабочий строительства — на 1695 рублей, торговли, заготовок и материально-технического снабжения на 2270 рублей. Даже при условии, если этим рабочим на собственных предприятиях выплатят дополнительно за два месяца среднемесячную заработную плату, то за вычетом двухсменной заработной платы продукт для общества, созданный трудом промышленного рабочего, будет составлять 2000 рублей, строительного — 1490 рублей, торговли, заготовок и материально-технического снабжения — 2100 рублей.

Эти простые расчеты показывают, что продукт для общества (остаток национального дохода после вычета из него суммы заработной платы), созданный в течение года рабочими промышленности, строительства, торговли и материально-технического снабжения, привлеченными на сельскохозяйственные работы, в расчете на каждого работающего, после вычета из него затрат предприятия на посылку рабочих на село, значительно больше, чем в целом национальный доход, созданный в расчете на одного занятого в сельском хозяйстве, и в 2,3—3,2 раза больше, чем продукт для общества, созданный сельскохозяйственными рабочими в среднем на одного работающего.

Таким образом, возражения юридических сторон против привлечения механизаторов из других мест на период напряженных сельскохозяйственных работ не имеют достаточного обоснования. Проблему лучшего использования рабочего времени механизато-

¹ Подсчитано по данным справочника: Народное хозяйство СССР в 1965 году, стр. 63, 260, 558, 567—568, 591, 592.

² Заработная плата работников совхозов и государственных подсобных предприятий.

ров, включая необходимость организации двухсменной работы их в целях максимального использования техники в период сельскохозяйственных кампаний, можно решать достаточно эффективно. Пути к этому следующие: создание собственных механизаторских кадров в хозяйствах в количестве, которое можно с полной загрузкой использовать в течение всего года, мобилизация внутренних резервов в колхозах и совхозах для пополнения недостающего числа механизаторов, а также завоз недостающего количества трактористов и комбайнеров со стороны.

ПОДЪЕМ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И РОСТ РЯДОВ РАБОЧЕГО КЛАССА УРАЛА НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

К концу восстановительного периода советский народ, руководимый Коммунистической партией, добился значительных успехов в развитии народного хозяйства страны. Уже в 1924 году удалось преодолеть трудности, возникшие осенью 1923 года: устранить расхождение цен на промышленные и сельскохозяйственные товары («ножницы») и ликвидировать кризис сбыта, перейти к устойчивой денежной валюте. Все это создало необходимые экономические предпосылки для дальнейшего роста производительных сил страны. В 1923/24 хозяйственном году¹ объем валовой продукции всей промышленности достиг 48 процентов, а крупной — 40,5 от довоенного уровня².

Возрождение и развитие экономики проходило в обстановке острой борьбы между социалистическими и капиталистическими элементами. Советское государство планомерно направляло развитие экономики по социалистическому пути, ограничивало и сдерживало рост капиталистических элементов. В результате удельный вес частного капитала в промышленности резко сократился. В 1923/24 году на государственных социалистических предприятиях страны было занято 94,4 процента рабочих и фабрично-заводской (цензовой) промышленностью производилось 90,84 процента валовой продукции³.

Лишь во второстепенных отраслях промышленности, преимущественно мелкой, преобладал еще частный капитал.

Итоги восстановления промышленного производства страны свидетельствовали, во-первых, об общем подъеме производительных сил и, во-вторых, о том, что этот подъем идет в направлении развития и укрепления социалистических производственных отношений, определяет ведущую роль социалистического уклада в экономике страны.

Заметные сдвиги произошли в сельском хозяйстве. В 1924 году

¹ До 1931 года хозяйственный год не совпадал с календарным. Он начинался 1 октября, а заканчивался 30 сентября следующего года.

² Советское народное хозяйство в 1921—1925 гг. Изд-во АН СССР, М., 1960, стр. 198.

³ Там же.

посевные площади СССР достигли 93,3 процента довоенного уровня¹. Увеличился валовой сбор зерновых культур, развивается животноводство.

Упрочение экономических связей между промышленностью и сельским хозяйством, экономической смычки между городом и деревней позволило установить правильное соотношение цен на промышленные товары и сельскохозяйственную продукцию. В конце 1923 начале 1924 годов были значительно снижены отпускные цены на ряд промышленных изделий. В целом за 1923/24 хозяйственный год они снизились на 25,3 процента². Одновременно были повышены заготовительные цены на хлеб и технические культуры. Таким образом создавались благоприятные условия для налаживания товарооборота в стране.

Исключительно важное значение для упрочения экономических связей между промышленностью и сельским хозяйством имело повышение удельного веса социалистического сектора в торговле. Уже в 1923/24 году общественный сектор занимал ведущее место. Доля же частника в оптовой торговле составляла 18,1 процента. Однако в розничной торговле преобладал еще частный капитал³.

Успехи в восстановлении народного хозяйства страны создавали необходимые предпосылки для расширения фронта социалистического строительства, усиления наступления на частнокапиталистические элементы. «Партия,— подчеркивалось в решениях XIII съезда РКП(б) (май 1924 год),—...считает очередной задачей на почве новой экономической политики систематическую работу над усилением социалистических элементов в общественном хозяйстве»⁴.

Вместе с тем в конце восстановительного периода Коммунистическая партия столкнулась с рядом трудностей в развитии народного хозяйства. Темпы восстановления промышленного производства, особенно в отраслях тяжелой промышленности, отставали от темпов восстановления сельского хозяйства. Создавалась известная диспропорция в развитии двух главных отраслей народного хозяйства — промышленности и сельского хозяйства. Это, в свою очередь, грозило ослаблением экономической смычки между городом и деревней, создавало серьезные затруднения в накоплении необходимых средств для дальнейшего развития промышленности.

Интересы укрепления экономических связей между промышленностью и сельским хозяйством, а эта задача являлась опреде-

¹ Социалистическое строительство СССР. М., 1936, стр. 280.

² Советское народное хозяйство в 1921—1925 гг. Изд-во АН СССР, М., 1960, стр. 416.

³ Советское народное хозяйство в 1921—1925 гг., стр. 416.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7-е, ч. 2, Госполитиздат, 1954, стр. 11.

ляющей в период восстановления народного хозяйства, требовали преодоления в кратчайшие сроки отставания тяжелой промышленности, отраслей, производящих средства производства. Особенно остро встал вопрос о подъеме металлопромышленности, увеличении выпуска металла в стране. С этим было связано дальнейшее развитие сельскохозяйственного машиностроения, станкостроения, транспорта и др.

XIII съезд партии, подводя итоги первых лет нэпа, подчеркнул: «В области поднятия государственной промышленности важнейшей задачей наступающего периода является поднятие металлургии. Наладить производство средств производства внутри Союза означает создать действительно прочную базу для социального хозяйства...»¹

Вопрос о состоянии металлопромышленности и необходимых мерах по ее восстановлению обсуждался на январском Пленуме ЦК и ЦКК РКП(б) 1925 года и XIV партийной конференции в апреле 1925 года. Партия приняла решения об увеличении бюджетных ассигнований и расширении кредита для металлопромышленности, определила конкретные меры в области промышленной программы, снижения себестоимости, повышения производительности труда. Перед всеми партийными организациями промышленных районов страны были выдвинуты задачи быстрого восстановления тяжелой промышленности.

Деятельность Уральской областной партийной организации была направлена на подъем основных отраслей промышленности края — металлической и горнодобывающей, имевших жизненно важное значение для страны.

На Урале в 1923/24 году на долю тяжелой промышленности приходилось 82,1 процента валовой продукции, а легкой — 17,9². В целом же по стране удельный вес тяжелой промышленности составлял 48,1 процента, легкой — 51,9³.

Ведущая на Урале отрасль — металлическая (черная и цветная металлургия и металлообрабатывающая отрасль) производила 71 процент всей валовой продукции тяжелой промышленности области и 54,1 процента валовой продукции фабрично-заводской (ценовой) промышленности⁴. В 1924/25 году основные фонды крупной трестированной и окружной промышленности Урала составляли 224,8 млн. рублей. В том числе 175,2 млн. рублей, или 76,6 процента падало на металлическую и горную отрасли⁵. В этих отраслях трудилось две трети рабочих от общего количества занятых в ценовой промышленности Урала⁶.

¹ КПСС в резолюциях..., Изд. 7-е, ч. 2, Госполитиздат, 1954, стр. 12—13.

² Хозяйство Урала в 1924—1925 гг. Свердловск, 1925, стр. 19.

³ Промышленность СССР. М., 1936, стр. 3.

⁴ Хозяйство Урала в 1924—1925 гг. Свердловск, 1925, стр. 19.

⁵ Экономика Урала в таблицах и диаграммах. Свердловск, 1929, табл. 32.

⁶ Уральское хозяйство в цифрах. Свердловск, 1927, стр. 268.

Подъему уральской промышленности в известной степени способствовало проведенное в 1923 году районирование. В конце 1923 — начале 1924 годов в соответствии с решениями XII съезда РКП(б) была организована Уральская область, объединившая бывшие Екатеринбургскую, Пермскую, Челябинскую губернии. Промышленные и сельскохозяйственные районы Урала составляли единый экономический комплекс.

В ходе районирования была создана четкая система организации и управления уральской промышленностью.

Была упорядочена система управления промышленностью. Тресты — крупные производственные объединения, являвшиеся основной формой организации крупной промышленности в восстановительный период, как хозрасчетные объединения промышленных предприятий, оставались. Но их права были значительно расширены. Им предоставлялась большая свобода действий на рынке. Последнее было очень важно для налаживания прочных связей между промышленностью и сельским хозяйством.

В конце 1923 — начале 1924 годов местные партийные и хозяйственные органы пересмотрели тресты с точки зрения рациональности, обеспеченности ресурсами, производственными мощностями. В результате произошел отбор наиболее экономически мощных и рентабельных объединений. Тресты, экономически себя не оправдавшие, ликвидировались.

Вся крупная промышленность Уральской области была объединена в 31 трест, из которых 10 имели союзное, 3 — республиканское и 18 — областное значение. Средняя промышленность объединялась в 10 промкомбинатов, в которые входило 90 предприятий окружного значения¹.

Отдельные отрасли легкой промышленности — деревообрабатывающая, текстильная также были объединены в тресты.

Объединениями союзного значения являлись: Надеждинский комбинат «Горнозаводск», куда вошло 9 заводов по производству чугуна, рельсов, сортового и кровельного железа, трест «Уралплатина», объединивший 9 заводов по добыче золота, платины, иридия, трест «Уралмедь», объединивший медеплавильные заводы — Пышминско-Ключевский, Карабашский, Верхне-Кыштымский и др. К трестам областного значения относились «Уралсельмаш», «Уралтекстиль», Северный химический трест, «Пермьсоль» и др. В 1924/25 году в состав трестов входило 56 процентов предприятий цензовой промышленности Урала².

Руководство крупной промышленностью осуществлял Уральский областной совет народного хозяйства, созданный вместо су-

¹ Отчет Уралобкома РКП(б) VII облпартконференции, Уралкнига, Свердловск, 1925, стр. 29.

² Обзор хозяйства Урала за 1924—1925 гг. Свердловск, 1926, стр. 304.

ществовавшего до районирования Уралпромбюро. Предприятия средней промышленности, ранее находившиеся в ведении губернских советов народного хозяйства, перешли в подчинение окружных исполнительных комитетов; предприятия мелкой промышленности — в ведение исполнительных комитетов районных Советов. Такая структура управления обеспечивала единство политического и хозяйственного руководства, повышала роль Советской власти в хозяйственной жизни, создавала широкие возможности для всестороннего учета хозяйственных интересов страны в целом, а также отдельных районов и округов.

VI Уральская областная партийная конференция дала положительную оценку созданной в ходе районирования системе управления уральской промышленностью, наметила практические меры по улучшению работы ее: дальнейший отбор наиболее рентабельных предприятий, более рациональная организация производства на заводах и рудниках, рационализация отдельных производственных процессов.

В результате создавались благоприятные условия для планового восстановления основных отраслей государственной промышленности на Урале, рационального размещения производства, экономической целесообразности развития отдельных районов Уральской области.

В январе 1924 года по постановлению ВЦИК при исполнительном комитете Уральского областного Совета была создана плановая комиссия — Уралплан. В ее задачи входила разработка текущего и перспективного планов по отдельным отраслям хозяйственно-культурного строительства области в соответствии с общим планом по РСФСР. В округах и районах действовали окружные и районные плановые комиссии.

Вскоре под руководством Уралплана был разработан «Производственный и финансовый план промышленности Урала на 1924/25 операционный год» (с июля 1924 по июль 1925 года), который практически служил планом восстановления промышленности. Он наметил более быстрое развитие металлической промышленности и изменение ее структуры в сторону развития сельскохозяйственного машиностроения и металлообрабатывающей отрасли. План предусматривал также дальнейшую концентрацию производства на более мощных и технически совершенных предприятиях и первоочередное снабжение их в плановом порядке сырьем, квалифицированной рабочей силой, государственными ассигнованиями.

Процесс концентрации имел особо важное значение для Урала, где было множество мелких заводов с устаревшим оборудованием. Распыленность мелких предприятий, главным образом, в горной промышленности, низкая техническая оснащенность заводов, отсутствие материальных ресурсов в сочетании с теми

материальными потерями, которые понесла уральская промышленность в период колчаковщины, все это создавало значительные трудности в восстановлении промышленного производства Урала.

Концентрация производства затронула все отрасли крупной уральской промышленности. Из 261 предприятия в 1922/23 году действовало 156, в 1923/24 — 141, в 1924/25 — 136¹. Процесс концентрации продолжался на Урале включительно по 1924—1925 год. Наряду с этим вступали в строй ранее законсервированные предприятия текстильной и металлической отраслей, которые выпускали продукцию, имевшую большой спрос как в целом по стране, так и на внутриобластном рынке. В 1925—1926 году процесс концентрации уральской промышленности закончился. Число действующих предприятий увеличилось до 151².

Сосредоточивая производство на технически более совершенных и лучше оборудованных предприятиях, Коммунистическая партия и Советское государство решали проблему обеспечения полной нагрузки действующих фабрик и заводов, бесперебойной снабжения их материальными ресурсами, повышения производительности труда и снижения себестоимости выпускаемой продукции. Это создавало возможности для более успешного социалистического накопления в промышленности и роста государственных ассигнований в крупную промышленность. В 1925—1926 году капитальные вложения в государственную промышленность Урала составили 39,3 млн. рублей³.

Технически отсталое оборудование уральских заводов было сильно изношено и требовало обновления. Основная часть капитальных вложений использовалась на текущий и капитальный ремонт его. Поэтому восстановление промышленности, особенно в первые годы нэпа, шло преимущественно на старой технической основе. Но уже и в эти годы Коммунистическая партия направляла часть ассигнований на частичную реконструкцию старых заводов и новое строительство.

Особо важное значение для Урала имело создание энергетической базы. До революции по выработке и использованию электроэнергии Урал был наиболее отсталым из всех промышленных районов России. В 1913 году выработка электроэнергии здесь составляла 115 млн. квт. Преобладали мелкие станции, разбросанные по заводам. Из 114 электростанций 22 имели мощность менее 50 квт.⁴

В материалах Государственной комиссии по электрификации России, уделившей большое внимание разработке перспектив

¹ Отчет Уралобкома РКП(б) VII облпартконференции, Уралкнига, Свердловск, 1925, стр. 29.

² Там же.

³ Экономика Урала в таблицах и диаграммах, табл. 32.

⁴ Энергетика Урала за 40 лет. М.—Л., 1958, стр. 5.

экономики Урала, отмечалось: «Весь строй жизни Уральского района настолько запоздал в своем развитии, что по существу вся программа электрификации Урала является первоочередной и не терпящей отлагательств»¹. Потребности Урала в электроэнергии для рационального использования его богатств определялись комиссией в 604 555 квт². По плану ГОЭЛРО намечалось строительство 4 районных электростанций: Кизеловско-Губахинской мощностью в 40 тыс. квт., Егоршинской — 40 тыс. квт., Челябинской — 60 тыс. квт., Чусовской ГЭС — 25 тыс. квт. Одновременно предлагалось наиболее рациональное и экономичное использование существующих электростанций и объединение их линиями электропередач³.

В конце восстановительного периода на Урале были сделаны первые шаги по реализации ленинского плана электрификации страны. В 1924 году вступила в строй первая очередь Кизеловско-Губахинской электростанции, которая обслуживала Кизеловский угольный бассейн, снабжавший углем металлургические заводы Среднего и Западного Урала и Пермскую, Горно-Заводскую и частично Омскую железные дороги. Несколько раньше — в 1922 году была пущена первая очередь Егоршинской электростанции, снабжавшей энергией угольные шахты. В 1925 году начали давать ток Свердловская и Челябинская электростанции.

Одновременно проводились работы по кустованию уральских электростанций в четырех районах: Сатко-Бакальском, Челябинском, Калат-Невьянском и Пермском. Именно здесь были сосредоточены важнейшие отрасли горнодобывающей промышленности: угля, железной руды, меди, платины. В результате производство электроэнергии выросло на Урале в 1924—1925 году на 26,8 процента против предыдущего года, а в 1925—1926 — на 68,4 против 1923—1924 года⁴.

Тем самым были созданы возможности для частичного удовлетворения потребности в ней металлургической и металлообрабатывающей промышленности Урала.

В конце восстановительного периода внимание уральской партийной организации было сконцентрировано на выполнении решений Центрального Комитета РКП(б), направленных на подъем металлургической и металлообрабатывающей промышленности.

С 30 января по 3 февраля 1925 года в Свердловске проходил расширенный пленум Уральского обкома партии, на котором был заслушан доклад об итогах январского Пленума ЦК РКП(б) 1925 года по вопросу восстановления металлопромышленности.

¹ План ГОЭЛРО. Изд. 2-е, М., 1955, стр. 537—538.

² Там же, стр. 534.

³ Там же, стр. 207—208.

⁴ Контрольные цифры хозяйства Урала на 1927—1928 гг. Свердловск, 1927, стр. 86.

Пленум обратил внимание уральских коммунистов на то, что решения партии налагают особые обязательства на партийные организации Урала и требуют от них значительного улучшения постановки партийной работы на крупных промышленных предприятиях этой отрасли.

«Пленум обкома,— указывалось в резолюции по докладу об итогах Пленума ЦК,— приветствует решение Пленума по вопросу о металлопромышленности, имеющее для Урала, как для металлургического района, особенно важное значение. Пленум обкома призывает всех рабочих Урала, партийных и беспартийных, еще более приналечь на дело восстановления промышленности Урала. Высокая производительность труда, максимальная экономия в накладных расходах, усовершенствование техники и оборудования, дешевые цены — вот лучший залог дальнейшего улучшения опыта рабочих и закрепления союза рабочего с крестьянством»¹.

В связи с решениями Центрального Комитета партии в 1924—1925 годах были увеличены государственные ассигнования, направленные на частичную реконструкцию основных отраслей уральской промышленности — металлургической и горной.

В 1925 году вступил в строй действующих крупнейший в стране Карабашский медеплавильный завод. Начались работы по строительству на горе Благодать обогатительной и агломерационной фабрик. На Златоустовском металлургическом заводе была достроена вторая мощная доменная печь, рассчитанная на среднесуточную выплавку чугуна в 12 тыс. пудов. В мартеновском цехе заработала печь с производством 17 тонн железа и фасонного литья.

В отдельных производствах Южно-Уральского треста устанавливались новые машины и оборудование². Важнейшее значение для уральской металлургии имела начатая в конце восстановительного периода работа по минерализации топлива. В 1924 году была успешно проведена первая пробная плавка чугуна на кузнецком угле на Верхне-Туринском, Кушвинском заводах Нижне-Тагильского округа. В 1926/27 году минеральное топливо составляло уже 47,7 процента топливного баланса вместо 7,7 — в 1913 году³. Это дало возможность значительно снизить себестоимость чугуна, стали, проката. Восстановленные уральские заводы постепенно переходили к работам по замкнутому металлургическому циклу. В 1925 году по этому методу работали Надеждинский, Чусовской, Нижне-Тагильский, Нижне-Салдинский, Нижне-Сергиевский, Златоустовский и Белорецкий заводы.

¹ Партийный архив Челябинского обкома КПСС (в дальнейшем ПАЧО), ф. 170, оп. 1, ед. хр. 49, л. 55.

² Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма (в дальнейшем ЦПА ИМЛ), ф. 17, оп. 216, ед. хр. 290/1, л. 109.

³ Весь промышленный и торговый Урал. Свердловск, 1927, стр. 26.

Концентрация производства на технически более совершенных заводах в сочетании с частичной реконструкцией и совершенствованием отдельных технологических процессов создавали возможности для постепенного увеличения числа действующих доменных и мартеновских печей. Если в 1921/22 году на заводах Урала действовало 12 доменных печей (из 73 — в 1913 г.) со средней нагрузкой 20,6 процента и 15 мартеновских (из 65) с нагрузкой 17,6 процента, то в 1923/24 году вступило в строй уже 19 доменных печей с нагрузкой 47,3 процента и 25 мартеновских — с нагрузкой 42,4 процента¹. По мере приближения нагрузки к предельной технической норме увеличивалось и число действующих заводов металлической промышленности: в 1925/26 году их стало 99 против 59 в 1924/25². Валовая выработка металлической промышленности Урала увеличилась в 1924/25 году на 87,1 процента против предыдущего года. Выплавка чугуна за этот же период увеличилась в 1,5 раза и достигла 368,3 тыс. тонн, производство стали — в 1,8 раза и составило 574 тыс. тонн³.

Однако несмотря на известные успехи, положение в черной металлургии оставалось очень напряженным. Восстановление этой отрасли промышленности тормозилось отставанием топливной и рудной базы. В 1925/26 году производство чугуна составляло всего 56,5 процента, стали — 89,4, проката — 91 процент довоенного уровня⁴. Восстановительный процесс для черной металлургии затянулся на несколько лет. Практически задача снабжения страны металлом была решена в период советских пятилеток. Но уже и те успехи, которые были достигнуты, создавали некоторые возможности для развития сельскохозяйственного машиностроения и металлообрабатывающей промышленности.

Задачи восстановления промышленного производства Коммунистическая партия решала, исходя, в первую очередь, из необходимости налаживания экономических связей между городом и деревней, удовлетворения потребностей крестьянства как в товарах широкого потребления, так и в орудиях сельскохозяйственного производства. Интересы укрепления экономических связей между промышленностью и сельским хозяйством требовали расширения обеих форм смычки. В. И. Ленин в 1921 году подчеркивал, что установление правильных взаимоотношений рабочего класса с крестьянством, а следовательно, и успех все-

¹ Уральский торгово-промышленный справочник. Пермь, Пермкинга, 1925, стр. 132.

² Хозяйство Урала в 1924—1925 гг., стр. 109.

³ Уральское хозяйство в цифрах. Свердловск, 1926, стр. 227.

⁴ Контрольные цифры хозяйства Урала на 1928—1929 гг. Свердловск. Изд. Уралплана, 1929, стр. 11; Локацкий Ф. И. Хозяйственно-политическое состояние и задачи Советов Уральской области. Доклад VI съезду Советов. Свердловск, 1927, стр. 75.

го дела социалистического строительства, находятся в прямой зависимости от того, насколько социалистическая промышленность окажется в состоянии удовлетворить, во-первых, личные потребности крестьянства и, во-вторых, его хозяйственные потребности¹.

Обе формы экономической смычки возникли одновременно с переходом к новой экономической политике. Но степень их развития определялась уровнем промышленного и сельскохозяйственного производства. В первые годы восстановительного периода смычка осуществлялась преимущественно путем обмена продукции сельского хозяйства на предметы личного потребления. Тяжелое положение крупной промышленности затрудняло снабжение крестьянских хозяйств машинами, орудиями и т. д.

Деревня все больший спрос предъявляла на орудия сельскохозяйственного производства. Учитывая это, Коммунистическая партия в восстановительный период предприняла соответствующие меры, направленные на развитие сельскохозяйственного машиностроения и расширение выпуска продукции, удовлетворявшей хозяйственные потребности крестьянства. В перспективном плане, утвержденном Советом Труда и Оборона в 1922 году, намечалось расширение существовавших и создание новых заводов сельскохозяйственного машиностроения с общей производительностью, вдвое превышающей довоенную. В результате уже в 1925 году, по сравнению с 1921 годом, производство плугов в стране увеличилось в 6,3 раза, борон — в 28, жнеек — в 10,8, молотилок — в 26,5, веялок — в 31,2 раза. Коммунистическая партия и Советское государство усиленное внимание уделяли созданию отечественного тракторостроения. За период с 1922/23 — по 1924/25 годы советскими заводами было выпущено 1206 тракторов. Кроме того, ввоз из-за границы составил 21081 трактор².

На Урале выпуск продукции сельскохозяйственного машиностроения был очень мал. А того, что ввозилось из других районов страны, не хватало для удовлетворения возросшего спроса уральского крестьянства на машины и другие орудия производства.

В 1924—1925 годах местные партийные и хозяйственные органы предприняли ряд мер для расширения производства сельскохозяйственных машин, орудий, предметов хозяйственного обихода на уральских заводах.

До революции Урал выпускал в основном на внутренний рынок страны чугуны и сталь. Продукция металлообрабатывающей промышленности была очень незначительна. В рассматриваемый период, согласно плану восстановления уральской промышлен-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 7.

² Советское народное хозяйство в 1921—1925 гг. Изд-во АН СССР, М., 1960, стр. 251—252.

ности на 1924/25 год, произошло расширение металлообрабатывающих заводов, производивших продукцию на крестьянский рынок (косы, кровельное железо, топоры, гвозди, вилы, эмалированная посуда и т. д.).

Производство сельскохозяйственных орудий и предметов хозяйственного обихода стало налаживаться на крупнейших уральских заводах. Так, на Лысьвенском заводе начали производить эмалированную посуду, жечь, кровельное железо, на Кусинском — был пущен новый цех эмалированной посуды. Предприятия Прикамского и Свердловского горнозаводских трестов наладили производство гвоздей. Проволоку и гвозди начали производить Атигский и Нижне-Сергинский заводы, подковы и гвозди — Юрюзанский¹.

Необходимость всемерного развития и оживления товарооборота между городом и деревней и скорейшего восстановления производительных сил сельского хозяйства определила и более быстрые темпы роста продукции металлообрабатывающей промышленности, идущей на крестьянский рынок. Так, если производство чугуна на Урале в 1924/25 году составило 40,8 процента довоенного уровня, то производство гвоздей — 114, кос — 477, луженой и оцинкованной посуды — 426 процентов².

Одновременно местные партийные и хозяйственные органы уделяли значительное внимание расширению производства сельскохозяйственных машин.

В соответствии с указаниями Уральского областного комитета партии в августе 1924 года Президиум Уралплана принял решение «О плане развития сельскохозяйственного машиностроения на Урале», в котором предлагалось областному совету народного хозяйства совместно с областным земельным управлением разработать дополнительную программу развития сельскохозяйственного машиностроения в предстоящем году³.

Бюро Уральского областного комитета партии, проходившее 6 февраля 1925 года, детально ознакомилось с представленным планом и приняло решение: «Первоначальный план развертывания производства сельхозмашин в общем одобрить, передать его на детальное рассмотрение и заключение в Уралплан. Срок 2 недели». Бюро также признало необходимой организацию на Урале акционерного общества сельскохозяйственного машиностроения⁴.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 216, ед. хр. 290/1, л. 109; ПЛЧО, ф. 170, оп. 1, ед. хр. 46, л. 240; Торгово-промышленный справочник, Пермкнига, Пермь, 1926, стр. 67—68; СССР по районам. Уральская область. Госиздат, М.—Л., 1928, стр. 145.

² «Хозяйства Урала». Журнал Уралсовета. 1925, № 5—6, стр. 144; Весь промышленный и торговый Урал. Свердловск, 1927, стр. 33.

³ Государственный архив Свердловской области (в дальнейшем — ГАСО), ф. 339, оп. 2, ед. хр. 366, л. 1.

⁴ ПАЧО, ф. 170, оп. 1, ед. хр. 49, л. 30.

Планом предусматривались дополнительные ассигнования на переоборудование отдельных уральских заводов в связи с переходом их на производство продукции сельскохозяйственного машиностроения и расширение ранее действовавших заводов.

Почти полностью был переоборудован Челябинский завод сельскохозяйственного машиностроения имени Колющенко, выпускавший плуги и молотилки. В 1923 году Воткинский машиностроительный завод, который до революции имел только цех, выпускавший молотилки, полностью перешел на их производство. Через год в Перми был создан новый завод «Сепаратор» (на основе бывшего леснеровского завода), освоивший в короткие сроки производство сепараторов высокого качества. Только на переоборудование этих трех, наиболее крупных на Урале заводов сельскохозяйственного машиностроения, было затрачено в 1924/25 году более миллиона рублей¹, а в 1925/26 — им было выделено еще 2 833 151 рубль на капитальный ремонт, оборудование и новое строительство².

Одновременно улучшилось управление заводами сельскохозяйственного машиностроения. В 1923 году завод имени Колющенко, «Сепаратор» и Воткинский были объединены в трест «Уралсельмаш». В 1925 году создано «Акционерное общество сельскохозяйственного машиностроения на Урале», учредителями которого были исполком уральского областного Совета, промышленный банк, трест «Уралметаллургстрой» и другие государственные организации. Через общество крестьяне снабжались сельскохозяйственными машинами и орудиями, производившимися на уральских заводах.

В результате предпринятых мер выпуск продукции на заводах треста «Уралсельмаш» значительно увеличился. Завод имени Колющенко в 1924/25 году выпустил 10 173 плуга (в 4 раза больше, чем в предыдущем)³. В течение 1924/25—1925/26 годов завод «Сепаратор» дал крестьянству Урала, Сибири и других районов страны свыше 24 тысяч сепараторов, которые до революции на Урале вообще не производились⁴.

Значительно были увеличены государственные ассигнования уральским заводам, производившим сельскохозяйственные орудия и не входившим в трест «Уралсельмаш». В 1925 году для расширения старейших на Урале заводов, выпускавших косы, — Павловского и Артинского — отпущено 180 тыс. рублей. За два года (1924—1925) эти заводы произвели около 4 млн. кос⁵.

В конце восстановительного периода вновь вступили в дейст-

¹ Весь промышленный и торговый Урал. Свердловск, 1927, стр. 121.

² ПАЧО, ф. 170, оп. 1, ед. хр. 46, л. 249.

³ ПАЧО, ф. 75, оп. 1, ед. хр. 277, л. 100.

⁴ Там же, ф. 170, оп. 1, ед. хр. 46, л. 244.

⁵ ПАЧО, ф. 170, оп. 1, ед. хр. 46, л. 249; ГАСО, ф. 241, оп. 1, ед. хр. 500, л. 334.

ности на 1924/25 год, произошло расширение металлообрабатывающих заводов, производивших продукцию на крестьянский рынок (косы, кровельное железо, топоры, гвозди, вилы, эмалированная посуда и т. д.).

Производство сельскохозяйственных орудий и предметов хозяйственного обихода стало налаживаться на крупнейших уральских заводах. Так, на Лысьвенском заводе начали производить эмалированную посуду, жечь, кровельное железо, на Кусинском — был пущен новый цех эмалированной посуды. Предприятия Прикамского и Свердловского горнозаводских трестов наладили производство гвоздей. Проволоку и гвозди начали производить Атигский и Нижне-Сергинский заводы, подковы и гвозди — Юрюзанский¹.

Необходимость всемерного развития и оживления товарооборота между городом и деревней и скорейшего восстановления производительных сил сельского хозяйства определила и более быстрые темпы роста продукции металлообрабатывающей промышленности, идущей на крестьянский рынок. Так, если производство чугуна на Урале в 1924/25 году составило 40,8 процента довоенного уровня, то производство гвоздей — 114, кос — 477, луженой и оцинкованной посуды — 426 процентов².

Одновременно местные партийные и хозяйственные органы уделяли значительное внимание расширению производства сельскохозяйственных машин.

В соответствии с указаниями Уральского областного комитета партии в августе 1924 года Президиум Уралплана принял решение «О плане развития сельскохозяйственного машиностроения на Урале», в котором предлагалось областному совету народного хозяйства совместно с областным земельным управлением разработать дополнительную программу развития сельскохозяйственного машиностроения в предстоящем году³.

Бюро Уральского областного комитета партии, проходившее 6 февраля 1925 года, детально ознакомилось с представленным планом и приняло решение: «Первоначальный план развертывания производства сельхозмашин в общем одобрить, передать его на детальное рассмотрение и заключение в Уралплан. Срок 2 недели». Бюро также признало необходимой организацию на Урале акционерного общества сельскохозяйственного машиностроения⁴.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 216, ед. хр. 290/1, л. 109; ПАЧО, ф. 170, оп. 1, ед. хр. 46, л. 240; Торгово-промышленный справочник, Пермкнига, Пермь, 1926, стр. 67—68; СССР по районам. Уральская область. Госиздат, М.—Л., 1928, стр. 145.

² «Хозяйства Урала». Журнал Уралсовета. 1925, № 5—6, стр. 144; Весь промышленный и торговый Урал. Свердловск, 1927, стр. 33.

³ Государственный архив Свердловской области (в дальнейшем — ГАСО), ф. 339, оп. 2, ед. хр. 366, л. 1.

⁴ ПАЧО, ф. 170, оп. 1, ед. хр. 49, л. 30.

Планом предусматривались дополнительные ассигнования на переоборудование отдельных уральских заводов в связи с переходом их на производство продукции сельскохозяйственного машиностроения и расширение ранее действовавших заводов.

Почти полностью был переоборудован Челябинский завод сельскохозяйственного машиностроения имени Колющенко, выпускавший плуги и молотилки. В 1923 году Воткинский машиностроительный завод, который до революции имел только цех, выпускавший молотилки, полностью перешел на их производство. Через год в Перми был создан новый завод «Сепаратор» (на основе бывшего лессерновского завода), освоивший в короткие сроки производство сепараторов высокого качества. Только на переоборудование этих трех, наиболее крупных на Урале заводов сельскохозяйственного машиностроения, было затрачено в 1924/25 году более миллиона рублей¹, а в 1925/26 — им было выделено еще 2 833 151 рубль на капитальный ремонт, оборудование и новое строительство².

Одновременно улучшилось управление заводами сельскохозяйственного машиностроения. В 1923 году завод имени Колющенко, «Сепаратор» и Воткинский были объединены в трест «Уралсельмаш». В 1925 году создано «Акционерное общество сельскохозяйственного машиностроения на Урале», учредителями которого были исполком уральского областного Совета, промышленный банк, трест «Уралметаллургстрой» и другие государственные организации. Через общество крестьяне снабжались сельскохозяйственными машинами и орудиями, производившимися на уральских заводах.

В результате предпринятых мер выпуск продукции на заводах треста «Уралсельмаш» значительно увеличился. Завод имени Колющенко в 1924/25 году выпустил 10 173 плуга (в 4 раза больше, чем в предыдущем)³. В течение 1924/25—1925/26 годов завод «Сепаратор» дал крестьянству Урала, Сибири и других районов страны свыше 24 тысяч сепараторов, которые до революции на Урале вообще не производились⁴.

Значительно были увеличены государственные ассигнования уральским заводам, производившим сельскохозяйственные орудия и не входившим в трест «Уралсельмаш». В 1925 году для расширения старейших на Урале заводов, выпускавших косы, — Павловского и Артинского — отпущено 180 тыс. рублей. За два года (1924—1925) эти заводы произвели около 4 млн. кос⁵.

В конце восстановительного периода вновь вступили в дейст-

¹ Весь промышленный и торговый Урал. Свердловск, 1927, стр. 121.

² ПАЧО, ф. 170, оп. 1, ед. хр. 46, л. 249.

³ ПАЧО, ф. 75, оп. 1, ед. хр. 277, л. 100.

⁴ Там же, ф. 170, оп. 1, ед. хр. 46, л. 244.

⁵ ПАЧО, ф. 170, оп. 1, ед. хр. 46, л. 249; ГАСО, ф. 241, оп. 1, ед. хр. 500, л. 334.

вие ранее законсервированные Симский и Очерский заводы, производившие плуги, молотилки, бороны. В 1924 году был расширен и дополнительно переоборудован Свердловский завод «Уральский пролетарий», выпустивший 190 веялок и 928 сортировок¹.

Объем продукции заводов сельскохозяйственного машиностроения (в ценностном выражении) в 1925/26 году вырос в три с лишним раза против предыдущего года². Производство плугов на Урале увеличилось в 1925 году в сравнении с 1913 годом в 7 раз, молотилок — в 3,5 раза³. Все это создало благоприятные условия для лучшего удовлетворения потребностей крестьянского хозяйства за счет местного производства и способствовало оживлению товарооборота. При общем подъеме основных отраслей тяжелой промышленности возникли реальные возможности для восстановления кустарной мелкой промышленности, получившей еще до революции широкое развитие на Урале. В рассматриваемый период мелкая промышленность обеспечивалась сырьем в основном за счет крупной и средней промышленности. Последние поставляли ей чугун, сталь, железо, кожу, мануфактуру, пиломатериалы и обеспечивали тем самым выпуск более двух третей продукции мелкой промышленности.

В целях всемерного расширения товарооборота между промышленностью и сельским хозяйством XIV конференция РКП (б) в решении «О металлопромышленности» постановила принять ряд мер, направленных на поддержку кустарной промышленности. Конференция обратила особое внимание на проблемы снабжения кустарной промышленности сырьем, полуфабрикатами, кредитом, выдвинула задачу всемерного поощрения кооперирования кустарей.

В 1925 году при Уральском областном Совете народного хозяйства был создан комитет содействия кустарной промышленности, в задачи которого входило обеспечение мелкой промышленности сырьем. 7 сентября 1925 года этим комитетом при поддержке Уральского обкома партии был проведен первый в стране съезд по вопросам кустарной промышленности Урала. Он наметил практические мероприятия, направленные на восстановление мелкой промышленности. На съезде подчеркивалось, что наиболее целесообразной формой организации кустарей является промысловая кооперация, через которую должно идти снабжение сырьем, материалами, кредитом. Большая работа по кооперированию кустарей была проведена на Урале в конце восстановительного периода. Кооперированные предприятия уже в

¹ ГАСО, ф. 241, оп. 1, ед. хр. 500, л. 334.

² Контрольные цифры хозяйства Урала на 1928—1929 гг., стр. 71.

³ Локацков Ф. И. Хозяйственно-политическое положение и задачи Советов Уральской области, стр. 77.

1925 году выпускали четвертую часть продукции мелкой промышленности.

В 1925/26 году мелкая промышленность выпускала пятую часть промышленной продукции, производившейся всей промышленностью Урала. Она существенно дополняла крупную государственную промышленность в производстве предметов личного потребления, а в некоторой мере и в производстве средств производства для сельского хозяйства. Так, пятую часть продукции в общем объеме продукции мелкой промышленности составляли орудия, инструменты и предметы крестьянского хозяйства (топоры, вилы, кайла, телеги, сани, деготь, сбруя, строительные материалы и т. д.)¹.

1924 год — переломный в восстановлении промышленного производства страны, в том числе Урала. Причем темпы роста уральской промышленности даже превысили общесоюзные. Объем валовой продукции крупной промышленности СССР увеличился в 1925 году на 66,1 процента, а Урала — на 71,3². Валовая выработка металлической промышленности на Урале возросла на 87,1 процента, горной — на 57,8 процента против предыдущего года³.

К 1926 году восстановительный процесс в промышленности был в основном завершен. Страна вплотную подошла к довоенному уровню производства. Промышленное производство достигло 98 процентов, а крупная промышленность — 108 процентов довоенного уровня⁴.

О восстановлении крупной уральской промышленности можно судить по приведенным ниже данным (в процентах к 1913 г.)⁵:

1920/21	1921/22	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27
12,8	14,7	25,1	38,5	66,6	93	111

Таким образом, в 1926 году было в основном завершено восстановление уральской промышленности. За пять лет (с 1920/21 по 1924/25 гг.) объем продукции крупной промышленности Урала увеличился в пять раз⁶.

Экономические достижения крупной государственной промышленности явились основой успешного вытеснения частного капитала из сферы производства. Сказалось превосходство крупной социалистической промышленности над раздробленными

¹ Конъюнктурный обзор хозяйства Урала за 1926—1927 гг. Свердловск, Изд. Уралплана, 1927, стр. 298.

² Советское народное хозяйство в 1921—1925 гг., стр. 223; Отчет Уралобкома РКП(б) VII облпартконференции, Уралкнига, Свердловск, 1925, стр. 31.

³ Обзор хозяйства Урала за 1924—1925 гг. Свердловск, 1926, стр. 31.

⁴ Советское народное хозяйство в 1921—1925 гг. Изд-во АН СССР, М., 1960, стр. 226.

⁵ Уральское хозяйство в цифрах. Свердловск, 1927, стр. 280.

⁶ Там же.

частными капиталистическими предприятиями. Плановое развитие, снабжение материальными ресурсами, квалифицированной рабочей силой определяли преимущественное развитие социалистического уклада в советской экономике. К концу восстановительного периода капиталистические элементы были вытеснены из ведущих отраслей промышленности. Об этом свидетельствуют данные о социальной структуре СССР, в том числе Урала, представленные в табл. 1¹.

Таблица 1

Социальная структура промышленности СССР и Урала в 1924/25 году
(в процентах)

Показатели	В целом по СССР				По Уралу			
	госуд.	коопер.	частн.	итого	госуд.	коопер.	частн.	итого
По числу предприятий ценовой промышленности	65,73	17,77	16,5	100	79,1	16,4	4,5	100
По валовой продукции ценовой промышленности	90,63	5,67	3,7	100	96,5	2,9	0,6	100
По валовой продукции мелкой промышленности	2,6	20,4	77,0	100	2,6	25,5	71,9	100
По валовой продукции всей промышленности	79	3	20,7	100	81,8	6,9	11,3	100

Данные показывают господство социалистического сектора в производстве валовой продукции как в ценовой, так и во всей промышленности. Частный сектор преобладал в мелкой промышленности, представленной незначительными заведениями с малым числом рабочих. Причем большинство из этих заведений на Урале — мелкие кустарные мастерские без наемных рабочих. Удельный вес социалистического сектора в промышленности Урала был выше, чем в СССР, как по количеству предприятий ценовой промышленности, так и по выпуску валовой продукции. Несколько выше на Урале и удельный вес кооперативного сектора в промышленности.

К концу восстановительного периода социалистические пред-

¹ Таблица составлена автором по материалам: Советское народное хозяйство в 1921—1925 гг. Изд-во АН СССР, М., 1960, стр. 194. Обзор хозяйства Урала за 1924—1925 гг., стр. 299, 302; Конъюнктурный обзор хозяйства Урала за 1926—1927 гг., Свердловск, изд. Уралплана, стр. 101.

приятя Урала производили 87,6 процента всей промышленной продукции. И такое положение не осталось стабильным. В 1926/27 году доля частника в производстве промышленной продукции на Урале снизилась до 10,6 процента.

Мероприятия партии в области промышленности органически сочетались с мерами по подъему материального благосостояния рабочего класса. Такое соответствие мер являлось одним из основных требований в области экономической политики. «Подъем промышленности и транспорта, основывающийся на героическом напряжении сил рабочего класса, — указывала XIII партийная конференция РКП(б), — должен находить свое отражение в улучшении положения рабочих»¹.

Переход к новой экономической политике вызвал необходимость изменений в системе заработной платы. Она была приведена в соответствие с новыми формами организации производства, основанными на хозрасчете, с социалистическими принципами оплаты по количеству и качеству труда.

В. И. Ленин указывал, что одним из важнейших принципов организации заработной платы должна быть прямая, непосредственная связь роста заработной платы с ростом производительности труда и степенью участия рабочего в повышении производства, его совершенствовании.

В восстановительный период Коммунистическая партия провела комплекс мероприятий, направленных на последовательное внедрение принципа материальной заинтересованности трудящихся в развитии производства. Это были ликвидация уравнительности, переход к сдельной оплате труда, к денатурализации заработной платы, замене ее денежной формой. Так постепенно при соответствующем подъеме промышленности и укреплении советской валютной системы создались реальные возможности для роста заработной платы рабочих.

В конце восстановительного периода заработная плата растет во всех отраслях уральской промышленности. В 1923/24 году средний заработок уральского рабочего (по всем отраслям) составлял 29,44 рубля, в 1924/25 — 34,76 рубля, в 1925/26 — 43,49 рубля².

Осуществление денежной реформы 1924 года ускорило переход к денежной оплате труда. Однако на Урале денатурализация заработной платы шла медленнее, чем в центральных промышленных районах страны. Так, если в 1923 году денежная часть заработной платы в совокупной заработной плате промышленных рабочих Москвы составляла 96,8 процента, Петроградской губернии — 88,3, то в Екатеринбургской — 73,5, Перм-

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7-е, ч. 1, М., Госполитиздат, 1954, стр. 792.

² Локацкий Ф. И. Хозяйственно-политическое положение и задачи Советов Уральской области, стр. 27.

ской — 73,8, Челябинской — 53,5 процента¹. Это объяснялось тем, что восстановление уральской промышленности, основная доля которой падала на тяжелые отрасли, началось интенсивно в конце восстановительного периода. На крупных предприятиях действовала дольше система пайков, оплаты натурой, преследующая цель сохранения здесь квалифицированной рабочей силы. С другой же стороны, сохраняя элементы уравниловки, натуральная оплата не стимулировала рост материальной заинтересованности в развитии производства у отсталой части рабочих. Этот недостаток начал преодолеваться на многих уральских заводах (особенно в Златоустовском округе) в 1924—1925 годах.

Пуск фабрик и заводов и улучшение материального положения ускорили процесс отрыва уральских рабочих от земли, связь с которой сложилась исторически и определялась спецификой развития уральской промышленности в капиталистический период, опиравшейся на полукрепостную рабочую силу. Показателем этого отрыва явилось резкое увеличение в промышленных округах области хозяйств, не имевших посева. В Свердловском округе их удельный вес составлял в 1923 году 15,9 процента, в 1924 — 33,3, в 1925 — 42,8 процента². Но все же немалая часть уральских рабочих в рассматриваемый период еще сохраняла связь с землей (в Златоустовском округе — 23,3 процента от числа всех хозяйств округа, в Тагильском — 17,4, Свердловском — 16,6 процента)³.

Связь с землей указывает на социальную неоднородность рабочего класса, на наличие в его рядах мелкобуржуазной прослойки. Она накладывает определенный отпечаток на степень классовой зрелости рабочих, сдерживает рост социалистической сознательности и усиливает возможность мелкобуржуазных колебаний в его рядах.

Однако нельзя переоценивать значение этого фактора, механически переносить отрицательное влияние его на степень сознательности всех, связанных с землей уральских рабочих. Необходимо учитывать конкретные условия, порождавшие и поддерживавшие эту связь, характер самого хозяйства, насколько все это отражается на отношении к труду, к социалистической собственности.

В тех случаях, когда с землей были связаны рабочие мелких предприятий или недавние выходцы из деревни, все эти явления, конечно, имели место. И эта часть рабочих составляла мелкобуржуазную прослойку в рядах рабочего класса. Но на Урале связь с землей не всегда являлась показателем социальной

¹ Народное хозяйство СССР за 1922—1923 гг., М., ЦСУ, 1923, стр. 593.

² Отчет Уралобкома РКП(б) VII облпартконференции, Уралкинга, стр. 20.

³ «Хозяйство Урала», 1928, № 3, стр. 135.

неоднородности рабочего класса. Здесь землю имели и кадровые потомственные пролетарии, для которых занятие сельским хозяйством являлось лишь подспорьем. Большинство их не имели посевов и обрабатывали лишь приусадебные огороды. Такой натуральный характер подсобного хозяйства не оказывал отрицательного влияния на уровень политической сознательности и классовой зрелости рабочего класса Урала, ибо он практически исключал накопление и связь с рынком.

По материалам обследования фабрично-заводских хозяйств Свердловского округа, в 1926 году посевы имели только 27,9 процента хозяйств. Причем сеялся преимущественно овес на содержание рабочих лошадей. Остальные использовали земельные наделы под огороды, сенокосы, выпасы. 81,2 процента хозяйств имели рабочих лошадей, которые применялись не на сельскохозяйственных работах, а на промышленных, на «извозе», как правило, членами семей кадровых рабочих, а не самими рабочими¹.

Практически связь большинства фабрично-заводских уральских рабочих с землей поддерживалась не их привязанностью к своему хозяйству, а низким техническим уровнем уральской промышленности и являлась показателем ее экономической отсталости.

Отрыв уральских рабочих от земли, с точки зрения социалистического строительства, при всех обстоятельствах имел положительное значение. Возрастали культурно-технический уровень, социалистическая сознательность, сплоченность рабочего класса.

Успешное восстановление промышленности, улучшение материального положения рабочего класса послужили основой для активизации процесса собирания сил рабочего класса, прекращения его распыления и деклассирования.

Концентрируя производство промышленной продукции на крупных фабриках и заводах, Коммунистическая партия вместе с тем стремилась максимально сохранить квалифицированную рабочую силу. Так, если число действующих предприятий трестированной промышленности Урала в 1924/25 году составляло 55 процентов, то численность рабочих на них достигла 71 процент в сравнении с 1913 годом². К тому же в определенной степени сохранению основных кадров потомственных квалифицированных рабочих на крупных уральских заводах способствовала их связь с землей. Уральские рабочие, имевшие земельные наделы, как правило, не покидали горнозаводские поселки, на территории которых были расположены заводы. А если обстоятельства и вынуждали их к этому, то с расширением производства на действу-

¹ «Хозяйство Урала», 1928, № 7, стр. 142.

² Отчет Уралобкома РКП(б) VII облпартконференции, Уралкинга, стр. 36.

ющих предприятиях большинство из них вновь возвращались на те фабрики и заводы, на которых они работали ранее.

Наиболее бурный рост рабочей силы в промышленности Урала происходил в 1924/25 году в связи с общим подъемом промышленного производства. Только с 1 октября 1924 года по 1 октября 1925 года численность уральского рабочего класса в фабрично-заводской (цензовой) промышленности увеличилась на 40 тысяч¹. Причем в главной доле прирост рабочей силы падал на крупную государственную промышленность.

Рассмотрим, как шел процесс восстановления кадров фабрично-заводского рабочего класса Урала в течение 1922—1925 годов (см. табл. 2)².

Таблица 2

Количественный рост фабрично-заводских рабочих Урала

Годы	Численность рабочих фабрично-заводской промышленности Урала			
	всего	в том числе на предприятиях		
		государственных	кооперативных	частных
1922	82407	79575	1467	1365
1923	104970	101247	1864	1859
1924	99924	97917	1460	547
1925	142942	139253	3343	346

Данные табл. 1 показывают, во-первых, общий рост численности рабочего класса за восстановительный период. Некоторое снижение числа фабрично-заводских рабочих Урала в 1924 году вызвано тем, что уральская промышленность не смогла быстро преодолеть кризиса сбыта 1923 года. Это привело к временному сокращению производства на отдельных предприятиях. Во-вторых, рост численности рабочего класса характерен для государственных и кооперативных предприятий, составлявших социалистический сектор в промышленности. И, в-третьих, данные таблицы показывают уменьшение численности рабочих, занятых на частных предприятиях цензовой промышленности Урала, что было вызвано успешным вытеснением частного капитала. В 1925 году 94,4 процента уральских фабрично-заводских рабочих насчитывалось на государственных социалистических предприятиях, 2,3 в кооперативных и лишь 0,3 процента — на частных.

Концентрация фабрично-заводских рабочих на социалистических предприятиях Урала была выше, чем в целом по стране. По данным, приведенным А. А. Матюгиным в работе «Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства», в

¹ Хозяйство Урала за 1924—1925 гг., стр. 22.

² Уральское хозяйство в цифрах. Свердловск, 1927, стр. 268.

1925/26 году в СССР на долю крупной социалистической промышленности приходилось 97,5 процента рабочих, на долю частных — 2,5 процента¹. Подобное положение объяснялось преобладанием на Урале крупной государственной промышленности.

Передовой отряд уральского рабочего класса представляли рабочие металлической и горной промышленности. В этих отраслях было занято две трети фабрично-заводских рабочих. Большинство из них работало на государственных предприятиях. Только на социалистических предприятиях трудились рабочие химической, полиграфической, энергетической отраслей промышленности Урала.

Рост общей численности рабочего класса и соотношение ее по секторам в народном хозяйстве являются показателями важнейших качественных изменений, происходивших в рядах рабочего класса страны, одним из передовых отрядов которого были рабочие Урала. Они свидетельствуют о прекращении наблюдавшегося в начале восстановительного периода процесса распыления и деклассирования рабочего класса, собирании сил его. Концентрация рабочих на социалистических предприятиях является экономическим признаком нового качественного сдвига в рядах советского рабочего класса — консолидации его. В развитии этого процесса восстановительный период занимал важное место.

* * *

В 1924—1925 годах партийная организация Урала под руководством Центрального Комитета РКП (б) возглавила всю работу по восстановлению основных отраслей уральской промышленности, имевших жизненно важное значение для страны, и добилась больших успехов. К 1926 году восстановительный процесс в промышленности Урала был в основном завершен.

Важнейшим итогом восстановительного периода явилось вытеснение частного капитала из основных отраслей промышленности. В 1925 году господство социалистического сектора определилось во всех отраслях уральской фабрично-заводской промышленности.

Восстановление промышленности было материальной основой консолидации рабочего класса Урала. За годы восстановления народного хозяйства численность рабочих в фабрично-заводской промышленности края увеличилась в полтора раза. Здесь на предприятиях крупной социалистической промышленности была достигнута высокая степень концентрации фабрично-заводских рабочих, что являлось экономическим признаком консолидации советского рабочего класса.

---

¹ Матюгин А. А. Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства, М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 211.

Восстановление уральской промышленности имело существенное значение для страны. В конце восстановительного периода уральские заводы давали 23 процента общесоюзного производства чугуна, 27 процентов — проката, 32 процента — мартековского металла. На Урале концентрировались две трети всей добычи меди, вся добыча платины, магнетита, хромовой руды, асбеста.

Успешное решение задач восстановления промышленности Урала создавало реальные предпосылки для перехода к социалистической индустриализации, в результате практического претворения которой в жизнь Урал превратился в мощную индустриальную базу страны.

**КОММУНИСТЫ В БОРЬБЕ ЗА ПОВЫШЕНИЕ
ТРУДОВОЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
АКТИВНОСТИ РАБОЧЕГО КЛАССА УРАЛА
В КОНЦЕ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПЕРИОДА
(1924—1925 гг.)**

В конце восстановительного периода с расширением фронта социалистического строительства, усилением наступления на частнокапиталистические элементы возросла руководящая роль рабочего класса в хозяйственной и политической жизни страны.

В трудные годы разлуки рабочие проявили невиданный в истории трудовой героизм. Все свои силы они направили на восстановление разрушенного народного хозяйства. Новое отношение к труду, общественной собственности, высокая общественно-политическая активность становились отличительными чертами наиболее передовой, сознательной части рабочего класса.

Однако этими чертами еще не обладала значительная часть фабрично-заводского пролетариата, что свидетельствовало о неоднородности его состава. Неоднородность состава, в частности, уральских рабочих усилилась вследствие больших потерь, которые они понесли в борьбе с бандами Дутова, Колчака, с кулацкими мятежниками. Защищая Советскую власть, погибли многие сознательные, преданные партии рабочие. На предприятия пришли выходцы из крестьян и других непролетарских слоев населения, над которыми давили пережитки частнособственнической психологии и которые более всего были подвержены мелкобуржуазной неустойчивости, колебаниям. Это были малоквалифицированные рабочие с низким уровнем политического сознания. Отсюда и нарушения трудовой дисциплины и хищения социалистической собственности среди этой части рабочих.

К тому же при высокой концентрации рабочих на крупных фабриках и заводах Урала немалое количество их работало в мелкой промышленности. В 1925 году на Урале насчитывалось свыше 234 тыс. рабочих, из которых 64,5 процента были заняты в фабрично-заводской (ценовой) промышленности, а 35,5 процента в мелкой¹. 31,5 процента рабочих было занято на частных предприятиях, преимущественно в мелкой промышленности. Основная часть их — кустари-ремесленники. Наемных рабочих в

¹ Уральское хозяйство в цифрах. Свердловск, 1926, стр. 248. В СССР в 1925 году в мелкой промышленности работало более половины рабочих (см. Советское народное хозяйство в 1921—1925 гг., М., 1960, стр. 199).

мелкой промышленности Урала насчитывалось всего 9669 из 83397¹. Рабочие мелкой промышленности были распылены, плохо организованы, мало сознательны.

Развертывая работу среди беспартийных трудящихся, Коммунистическая партия исходила из заветов В. И. Ленина. Владимир Ильич учил, что уровень политической и трудовой активности трудящихся в решающей степени зависит от социалистической сознательности масс, которая не рождается автоматически, а воспитывается Коммунистической партией. Он всегда требовал от партийных организаций умения сосредоточить энергию, инициативу, способности масс на решении главных задач и в процессе их осуществления формировать у них черты социалистического труженика.

Главным полем борьбы за социализм после свержения капитализма, подчеркивал Ленин, является хозяйственное строительство, подъем социалистической экономики, на основе развития которой возможно решение задач переходного периода. В процессе борьбы за подъем экономики, в процессе хозяйственного строительства развивается творчески энтузиазм масс, проявляются, растут и крепнут новые черты коллективизма, социалистического отношения к труду, общественной собственности, повышается ответственность трудящихся за общее дело. «Только в труде вместе с рабочими и крестьянами,— учил Ленин,— можно стать настоящими коммунистами»².

Партийные организации ставили целью охватить своим влиянием широкие слои рабочего класса, создать вокруг партийных ячеек беспартийный рабочий актив. Необходимо было активизировать деятельность массовых организаций трудящихся, шире развить рабочую демократию в хозяйственной и политической жизни страны, привлечь более широкие слои рабочих к управлению производством и государством.

Для осуществления этих задач требовалось, прежде всего, чтобы сама правящая партия опиралась на внутривнутрипартийную демократию в работе всех своих организаций и последовательно развивала ее, выдвигая новых активных работников, вовлекая всех коммунистов в практическую партийную работу, привлекая их к разработке и обсуждению партийных решений и строго соблюдая выборность и отчетность во всех партийных организациях.

Важнейшим условием дальнейшего развития внутривнутрипартийной демократии и повышения на этой основе уровня партийного руководства массами являлось качественное укрепление рядов партии, улучшение ее специального состава за счет приема лишь самых достойных представителей рабочего класса.

¹ Уральское хозяйство в цифрах, стр. 248.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 317.

Большую роль в улучшении качественного состава партии сыграл ленинский призыв. Рабочие приходили в партийные организации с заявлениями о приеме в ряды созданной В. И. Лениным партии. Идя навстречу этой инициативе, пленум Центрального Комитета партии в конце января 1924 года принял решение о массовом приеме — ленинском призыве рабочих от станка в коммунистическую партию. На Урале за время ленинского призыва в партию вступило 11 тысяч передовых рабочих¹.

В результате существенно увеличилась рабочая прослойка уральской партийной организации: в сентябре 1923 года коммунистов-рабочих от станка было 5194, или 18,9 процента, а в июле 1924 года — 17622, или 41,8 процента². Наиболее окрепли партийные организации промышленных предприятий. Если на 1 января 1924 года коммунистов-рабочих было в парторганизациях предприятий ценовой промышленности Урала 3,6 процента от общего числа занятых в ней рабочих, то на 1 июля 1924 года — 12,1 процента³.

Больше стало первичных партийных организаций промышленных предприятий, транспорта. Лишь за один год — с 1924 по 1925 — количество производственных ячеек на Урале увеличилось в полтора раза. В 1925 году 522 производственных ячейки объединяли свыше 27 тысяч членов и кандидатов партии, то есть половину состава уральской партийной организации⁴. На крупных промышленных предприятиях в партийных организациях насчитывалось по нескольку сотен коммунистов. В 1924 году в партийной организации Мотовилихинского завода состояло на учете 1191 коммунист, то есть почти 20 процентов от общего количества работавших на предприятии, Лысьвенского завода — 1500 при общем количестве рабочих 4539 человек, Чусовского завода — 1068 из 2919 рабочих⁵.

В 1924—1925 годах Коммунистическая партия и ее Центральный Комитет провели ряд мер по укреплению производственных ячеек и усилению их роли в хозяйственном строительстве. На это нацелила внимание всех партийных организаций страны резолюция XIII съезда партии «Об очередных задачах партийного строительства». С целью приближения партийного руководства к беспартийным рабочим массам съезд принял решение о создании в крупных фабрично-заводских коллективах цеховых партийных ячеек.

В сентябре 1924 года Центральный Комитет партии созвал

¹ «Уральский коммунист», 1924, № 10, стр. 52.

² Партийный Урал (в цифрах). Екатеринбург, 1924, стр. 15; ПАЧО, ф. 170, оп. 1, ед. хр. 46, лл. 50—59; Партийный архив Свердловского обкома КПСС (в дальнейшем ПАСО), ф. 4, оп. 4, ед. хр. 332, л. 117.

³ Отчет Уралобкома РКП(б) VII облпартконференции. Свердловск, изд. Уралкинига, 1925, приложение; ПАЧО, ф. 170, оп. 1; ед. хр. 46, л. 59.

⁴ Отчет Уралобкома РКП(б) VII облпартконференции, стр. 121.

⁵ ПАЧО, ф. 170, оп. 1, ед. хр. 46, л. 73.

специальное совещание секретарей низовых партийных организаций промышленных предприятий страны, в том числе Урала. Совещание, основываясь на опыте работы лучших ячеек, приняло конкретные рекомендации, определившие структуру и содержание деятельности производственных ячеек, а также цеховых партийных ячеек. В создании цеховых партийных ячеек сыграли большую роль цеховые организаторы, избравшиеся собранием коммунистов цеха или назначавшиеся заводской ячейкой. Такие организаторы наиболее активно проявили себя на крупнейших предприятиях Ленинграда, Москвы, Сормова, Украины и Урала. За сравнительно короткий срок они сумели организовать коммунистов цеха, сплотить вокруг них значительные слои беспартийных рабочих¹.

Цеховые ячейки впервые возникли в начале 1924 года на крупных предприятиях Москвы и Ленинграда, затем — Украины, Иваново-Вознесенска и Урала². К числу первых на Урале относятся цеховые ячейки, возникшие на заводах — Мотовилихинском, Лысьвенском, Надеждинском. В 1925 году на Мотовилихинском заводе их было 34, на Лысьвенском — 24, Надеждинском — 16³. За год (с 1925 по 1926) число цеховых ячеек на уральских заводах увеличилось со 178 до 261. По их численности уральская партийная организация занимала третье место после Москвы и Ленинграда⁴. Уровень партийного воздействия на широкие круги рабочих в результате значительно поднялся.

Повысился уровень партийного руководства производственными ячейками. Отчеты производственных ячеек регулярно заслушивались на бюро областного и окружных комитетов партии. Чаще проводились обследования, инструктирование первичных партийных организаций, совещания секретарей заводских ячеек.

Действенную помощь уральская партийная организация получала со стороны ЦК РКП (б). Для непосредственной связи с ЦК были выделены промышленные округа — Свердловский, Пермский, Нижне-Тагильский, Златоустовский⁵.

В течение 1924—1925 годов Центральный Комитет обследовал ряд партийных организаций Урала. Так, в феврале 1925 года на заседании Секретариата ЦК РКП(б) обсуждался доклад о состоянии партийной работы в Златоустовском округе. В результате проверки, проводившейся инструкторами ЦК РКП(б), были вскрыты существенные недостатки в политико-воспитательной работе среди рабочих. В Златоустовский округ была послана пропагандистская группа ЦК. Члены этой группы помогли на-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2а, ед. хр. 543/2, л. 45.

² Там же.

³ ПАСО, ф. 4, оп. 3, ед. хр. 39, л. 11; оп. 2, ед. хр. 64, л. 4; «Уральский рабочий», 1925, № 78.

⁴ «Два года работы». Свердловск, 1927, стр. 15.

⁵ «Известия ЦК РКП(б)», 1925, № 35—37, стр. 5.

ладить систему партийного просвещения, лекционную пропаганду¹.

В феврале 1925 года на заседании оргбюро ЦК РКП(б) после предварительной проверки был заслушан доклад секретаря Челябинского окружкома о состоянии партийной работы в округе. Незадолго перед этим — в январе ЦК РКП(б) обсудил работу крупнейшего промышленного райкома Урала — Надеждинского. В этом же году проводилось обследование работы партийных организаций среди женщин. Практические рекомендации ЦК РКП(б) оказывали большую помощь уральским коммунистам в партийной, советской и хозяйственной работе. Наряду с совершенствованием структуры партийных организаций, важнейшими условиями повышения авангардной роли коммунистов на предприятиях были качественный рост рядов партии, повышение идейно-теоретического уровня коммунистов.

VI Уральская областная конференция РКП(б) (май 1924 г.) потребовала от всех партийных организаций «...уделять вопросам коммунистического просвещения максимум сил и внимания» и отметила особую важность массового изучения ленинизма и истории партии². Задачи партийно-политического просвещения были обсуждены на всех окружных и районных партийных конференциях области в 1924 г.

Для улучшения постановки агитационно-пропагандистской работы при всех окружных и частично районных комитетах партии были созданы агитационно-пропагандистские отделы (АПО). В крупных фабрично-заводских ячейках начали организовываться институты агитпропорганизаторов, агитпропкомиссии³. В Перми, Свердловске, Златоусте открылись кабинеты агитпропаганды.

В области была создана сеть курсов по подготовке пропагандистов. Значительно расширился контингент слушателей в совпартшколах. Большую роль в подготовке кадров пропагандистов для Урала и Сибири играл Урало-Сибирский коммунистический университет имени Ленина. Для постановки систематической работы по политическому воспитанию при Уральском обкоме партии была образована пропагандистская группа. В 1924 году по решению ЦК РКП(б) на Урал были направлены три, а в 1925 — четыре пропгруппы ЦК. Они работали в Тагильском, Пермском, Златоустовском и Челябинском округах⁴. Пропгруппы ЦК оказывали большую помощь в постановке дела партийного просвещения, устной пропаганды, подготовке кадров пропагандистов.

¹ «Известия ЦК РКП(б)», 1925, № 8, стр. 4.

² Стенографический отчет VI Уральской областной конференции РКП(б). Свердловск, 1924, стр. 6.

³ ПАСО, ф. 4, оп. 2, ед. хр. 526, лл. 3, 7.

⁴ Там же, л. 7.

В результате систематическая и углубленная работа по политическому воспитанию коммунистов была налажена на всех крупнейших промышленных предприятиях Урала. Действовала широкая сеть партийного просвещения. Она охватывала не только коммунистов, но и беспартийных рабочих. В 1924/25 учебном году в городах и заводских поселках области работало 79 школ политграмоты, в которых обучалось 24024 слушателя. Этой формой учебы было охвачено 54 процента состава городских и заводских партийных организаций, около 15 процентов беспартийных рабочих и 35 процентов комсомольцев¹. Кроме того, работали марксистские и ленинские кружки, группы самообразования.

Широкое развитие получила устная пропаганда: чтение циклов лекций по истории партии, вопросам ленинизма, разъяснение решений съездов и конференций РКП(б). Значительно большее место вопросам теории и практики социалистического строительства отводилось на страницах местных газет и журналов.

Все это способствовало повышению уровня воспитания коммунистов, их идейно-теоретической закалке, вооружило конкретными знаниями по важнейшим проблемам социалистического строительства. Из среды рабочих-коммунистов выделялись новые кадры агитаторов и пропагандистов. Они вели активную работу среди беспартийных рабочих, содействуя формированию у них социалистического мировоззрения.

Рост идейно-теоретического уровня — необходимое условие повышения творческой инициативы коммунистов во всех областях общественной жизни. Но В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что каждый коммунист должен не только овладеть теорией, но и активно бороться за претворение в жизнь идей марксизма, проявлять готовность и умение на деле проводить политику партии. Поэтому важнейшим средством политического воспитания он считал практическую работу членов и кандидатов партии. Важность этих указаний В. И. Ленина была особо подчеркнута в решениях XIII съезда и XIV партийной конференции РКП(б).

Работа по вовлечению коммунистов в общественную деятельность развернулась во всех партийных организациях Урала. На партийных собраниях ячеек систематически ставились отчеты коммунистов о выполнении партийных поручений, проводились кампании по вовлечению всех коммунистов в общественную работу. Например, в 1924 году Лысьвенская партийная организация провела кампанию по вовлечению всех коммунистов в общественную работу под лозунгом «Нет члена РКП(б) без работы». Многие делалось в этом направлении цеховыми ячейками

---

¹ ПАСО, ф. 4, оп. 2, ед. хр. 526, л. 3.

Златоустовского, Мотовилихинского и др. заводов¹. К концу года партийные ячейки вовлекли в практическую партийную работу без отрыва от производства 1416 рабочих, советскую — 654, профсоюзную — 1739, кооперативную — 409, культурно-просветительную — 1227². Ячейки Мотовилихи вовлекли в практическую работу две трети вновь вступивших в партию рабочих, Златоустовского завода — 60 процентов, Надеждинского комбината — свыше половины³.

Активное участие коммунистов в общественных организациях укрепило коммунистические фракции Советов, кооперации, профсоюзов, через которые Коммунистическая партия осуществляла связь и руководство широкими слоями беспартийных рабочих.

Рост идейно-теоретического уровня и политической закалки коммунистов имел огромное значение для усиления боеспособности и монолитного единства партийных рядов. Важнейшим показателем зрелости и сознательности коммунистов являлся идейный разгром троцкизма в 1924 году.

Антибольшевистские взгляды Троцкого, изложенные, в частности, в его книге «Уроки Октября», подверглись резкой критике в уральской партийной организации.

Рабочие-коммунисты Урала дали суровый отпор попыткам троцкистов ревизовать ленинизм. «...Из полутора тысяч организаций,— писал секретарь Лысьвенского райкома,— нашелся только один колеблющийся, который был и против «Уроков Октября» и за Троцкого, да и тот при голосовании голосовал за резолюцию, вынесенную нашей организацией»⁴.

Резолюции, единодушно осуждавшие антипартийные взгляды троцкистов, были приняты всеми окружными партийными организациями Урала. Коллективное мнение всех коммунистов было выражено в решении расширенного Пленума Уральского обкома партии, единогласно одобдившего решения январского Пленума ЦК и ЦКК РКП(б) 1925 года, осудившего антибольшевизм Троцкого. «Пленум обкома,— отмечалось в резолюции,— вполне одобряет решение ЦК в отношении Троцкого, направленное к тому, чтобы покончить с троцкизмом в нашей партии, как с идейным течением, опасным для прочности пролетарской диктатуры в нашей стране»⁵. Пленум Уральского обкома партии призвал всех коммунистов еще тверже и последовательнее отстаивать ленинские принципы внутрипартийной демократии и решительно пресекать всякие попытки расколоть единство рядов Коммунистической партии.

Единство своих рядов, которое партия отстояла в борьбе с

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 67, ед. хр. 294, л. 37.

² ПАСО, ф. 4, оп. 2, ед. хр. 64, л. 172.

³ Там же, лл. 118, 120.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 216, ед. хр. 56, л. 19.

⁵ ПАЧО, ф. 170, оп. 2, ед. хр. 49, л. 55.

В результате систематическая и углубленная работа по политическому воспитанию коммунистов была налажена на всех крупнейших промышленных предприятиях Урала. Действовала широкая сеть партийного просвещения. Она охватывала не только коммунистов, но и беспартийных рабочих. В 1924/25 учебном году в городах и заводских поселках области работало 79 школ политграмоты, в которых обучалось 24024 слушателя. Этой формой учебы было охвачено 54 процента состава городских и заводских партийных организаций, около 15 процентов беспартийных рабочих и 35 процентов комсомольцев¹. Кроме того, работали марксистские и ленинские кружки, группы самообразования.

Широкое развитие получила устная пропаганда: чтение циклов лекций по истории партии, вопросам ленинизма, разъяснение решений съездов и конференций РКП(б). Значительно большее место вопросам теории и практики социалистического строительства отводилось на страницах местных газет и журналов.

Все это способствовало повышению уровня воспитания коммунистов, их идейно-теоретической закалке, вооружило конкретными знаниями по важнейшим проблемам социалистического строительства. Из среды рабочих-коммунистов выделялись новые кадры агитаторов и пропагандистов. Они вели активную работу среди беспартийных рабочих, содействуя формированию у них социалистического мировоззрения.

Рост идейно-теоретического уровня — необходимое условие повышения творческой инициативы коммунистов во всех областях общественной жизни. Но В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что каждый коммунист должен не только овладеть теорией, но и активно бороться за претворение в жизнь идей марксизма, проявлять готовность и умение на деле проводить политику партии. Поэтому важнейшим средством политического воспитания он считал практическую работу членов и кандидатов партии. Важность этих указаний В. И. Ленина была особо подчеркнута в решениях XIII съезда и XIV партийной конференции РКП(б).

Работа по вовлечению коммунистов в общественную деятельность развернулась во всех партийных организациях Урала. На партийных собраниях ячеек систематически ставились отчеты коммунистов о выполнении партийных поручений, проводились кампании по вовлечению всех коммунистов в общественную работу. Например, в 1924 году Лысьвенская партийная организация провела кампанию по вовлечению всех коммунистов в общественную работу под лозунгом «Нет члена РКП(б) без работы». Многие делалось в этом направлении цеховыми ячейками

---

¹ ПАСО, ф. 4, оп. 2, ед. хр. 526, л. 3.

Златоустовского, Мотовилихинского и др. заводов¹. К концу года партийные ячейки вовлекли в практическую партийную работу без отрыва от производства 1416 рабочих, советскую — 654, профсоюзную — 1739, кооперативную — 409, культурно-просветительную — 1227². Ячейки Мотовилихи вовлекли в практическую работу две трети вновь вступивших в партию рабочих, Златоустовского завода — 60 процентов, Надеждинского комбината — свыше половины³.

Активное участие коммунистов в общественных организациях укрепило коммунистические фракции Советов, кооперации, профсоюзов, через которые Коммунистическая партия осуществляла связь и руководство широкими слоями беспартийных рабочих.

Рост идейно-теоретического уровня и политической закалки коммунистов имел огромное значение для усиления боеспособности и монолитного единства партийных рядов. Важнейшим показателем зрелости и сознательности коммунистов являлся идейный разгром троцкизма в 1924 году.

Антибольшевистские взгляды Троцкого, изложенные, в частности, в его книге «Уроки Октября», подверглись резкой критике в уральской партийной организации.

Рабочие-коммунисты Урала дали суровый отпор попыткам троцкистов ревизовать ленинизм. «...Из полутора тысяч организаций, — писал секретарь Лысьвенского райкома, — нашелся только один колеблющийся, который был и против «Уроков Октября» и за Троцкого, да и тот при голосовании голосовал за резолюцию, вынесенную нашей организацией»⁴.

Резолюции, единодушно осуждавшие антипартийные взгляды троцкистов, были приняты всеми окружными партийными организациями Урала. Коллективное мнение всех коммунистов было выражено в решении расширенного Пленума Уральского обкома партии, единогласно одобрявшего решения январского Пленума ЦК и ЦКК РКП(б) 1925 года, осудившего антибольшевизм Троцкого. «Пленум обкома, — отмечалось в резолюции, — вполне одобряет решение ЦК в отношении Троцкого, направленное к тому, чтобы покончить с троцкизмом в нашей партии, как с идейным течением, опасным для прочности пролетарской диктатуры в нашей стране»⁵. Пленум Уральского обкома партии призвал всех коммунистов еще тверже и последовательнее отстаивать ленинские принципы внутрипартийной демократии и решительно пресекать всякие попытки расколоть единство рядов Коммунистической партии.

Единство своих рядов, которое партия отстаивала в борьбе с

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 67, ед. хр. 294, л. 37.

² ПАСО, ф. 4, оп. 2, ед. хр. 64, л. 172.

³ Там же, лл. 118, 120.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 216, ед. хр. 56, л. 19.

⁵ ПАЧО, ф. 170, оп. 2, ед. хр. 49, л. 55.

троцкизмом, повысило ее роль в сплочении рабочего класса, укреплении его единства, только на основе этого единства рабочий класс мог твердо и последовательно осуществлять руководящую роль в социалистическом строительстве.

Первичные партийные организации, последовательно проводя в жизнь внутрипартийную демократию, укрепляя единство своих рядов, становились центром политического руководства всей жизни на предприятиях. Содержание их деятельности стало глубже. Они начали более детально вникать в важнейшие хозяйственные проблемы, развернули работу по политическому воспитанию широких масс беспартийных рабочих, подъему их политической и трудовой активности.

Развертывая работу по политическому воспитанию беспартийных рабочих, партийные организации сосредоточили внимание на вовлечении их в решение важнейших производственных проблем, на привлечении рабочих к активному участию в управлении производством и развитии на этой основе рабочей демократии в хозяйственном строительстве.

Важнейшую роль в осуществлении этих задач призваны были играть профсоюзы — наиболее массовые организации рабочего класса. Для миллионов беспартийных рабочих они являлись первой школой хозяйствования, школой коммунизма, воспитывавшей у них социалистическое отношение к труду и навыки в управлении производством.

Оживление работы профсоюзов в 1924—1925 годах обеспечилось количественным ростом их рядов, усилением коммунистических фракций, через которые партия осуществляла руководство профсоюзами и связь с массами рабочих, и повышением их роли в решении хозяйственных вопросов.

В конце восстановительного периода численность членов профсоюзов значительно возросла. Если на 1 января 1923 года профсоюзы на Урале объединяли 254,5 тысячи рабочих, то в апреле 1925 — 355,1 тысячи, а в октябре 1925 — 410,4 тысячи¹. Особенно быстро росла численность членов в профсоюзах металлистов, горняков. Только за год (октябрь 1924 — октябрь 1925 гг.) в союз металлистов вступило 19,5 тысячи рабочих, а число всех членов достигло 113,3 тысячи².

С ростом партийных рядов повысился удельный вес коммунистов в профессиональных союзах, и их участие в практической работе становится живым и непосредственным. В 1925 году без отрыва от производства в профсоюзную работу было вовлечено 1739 коммунистов ленинского призыва. Многие из них являлись профорганизаторами, членами фабзавкомов. Укрепился руко-

¹ Профессиональные союзы Урала. Отчет о работе Президиума III Пленума Уралпрофсовета о работе в 1925 г. Свердловск, 1926, стр. 12—13.

² Социалистическое строительство на Урале за 15 лет. Свердловск, Изд. Уральского областного управления народнохозяйств. учета, 1932, стр. 16.

дящий состав профсоюзных органов за счет пополнения их новыми кадрами из среды рабочих с производства.

Значительный сдвиг в работе профсоюзов был достигнут в период широкой кампании по заключению коллективных договоров на предприятиях, проходившей на Урале в апреле 1925 года. Приступая к ней, Уральский областной совет профсоюзов обязал все фабрично-заводские комитеты неукоснительно соблюдать принципы демократического централизма и привлекать к разработке и обсуждению коллективных договоров всех рабочих предприятия. На большинстве заводов Урала фабзавкомы организовывали комиссии, которые разрабатывали предварительные проекты договоров. В цехах проводилась разъяснительная работа и обсуждались договора, при активном участии рабочих¹.

На многих крупных предприятиях Урала профсоюзы пользовались большим авторитетом у рабочих. Так, на асбестовых рудниках Белоярского района из 2378 рабочих и служащих 1668 являлись членами профсоюза. Рудком состоял из 19 человек, 18 из которых были членами партии. Всей деятельностью профсоюзной организации руководил Пленум, состоявший наполовину из кандидатов в члены партии ленинского призыва. Вопросы, которые решал рудком, широко обсуждались низовыми профячейками. Рабочие принимали активное участие в разработке решений, принимаемых как на собраниях в цехах, так и на общих собраниях коллектива рудника. При рудкоме действовали комиссии: культурная, по охране труда, производственная, кооперативная. В их работе принимали участие беспартийные рабочие предприятия².

Через профсоюзы уральские партийные организации вовлекали тысячи трудящихся в движение за укрепление трудовой дисциплины, повышение производительности труда.

Основным вопросом в области промышленности в 1924 году была проблема установления правильного соотношения заработной платы и производительности труда. В первые годы восстановительного периода Коммунистическая партия и Советское государство предприняли ряд мер по улучшению тяжелого материального положения рабочего класса. В результате уровень заработной платы рос быстрее, чем производительность труда. Этот процесс в сложившихся экономических условиях был закономерен и явился в дальнейшем основой повышения производительности труда. Но последующее сохранение подобного положения представляло серьезную угрозу для промышленности. Практически это лишало возможности нашу социалистическую промышленность обеспечить такой рост накоплений, на основе

¹ Профессиональные союзы Урала, стр. 83.

² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 67, ед. хр. 285, л. 26.

которого осуществлялось бы непрерывное расширенное социалистическое воспроизводство.

19 августа 1924 года Пленум ЦК РКП(б) принял специальное постановление «О политике заработной платы», выдвинувшее в качестве первоочередной задачи — повышение производительности труда. Пленум ЦК обязал все партийные организации сосредоточить внимание на решении этой задачи и начать проведение длительной кампании по вовлечению рабочих в движение за повышение производительности труда. Постановление Пленума ЦК РКП(б) явилось поворотным пунктом в мобилизации всех сил рабочего класса на подъем производительности труда, как основы успешного социалистического строительства.

Выполняя решение Центрального Комитета партии, уральские коммунисты возглавили эту работу. По всему Уралу проходили конференции, пленумы, партийные собрания, на которых обсуждалось постановление ЦК партии. Так, состоявшаяся 14 октября 1924 года в городе Златоусте 2-я городская партийная конференция заслушала специальный доклад о выполнении директив партии по поднятию производительности труда. Конференция указала на целый ряд фактов халатного отношения к делу самих рабочих и технического персонала, в результате чего предприятия давали много брака. Особенно плохо обстояло дело с трудовой дисциплиной: на некоторых предприятиях невыработка рабочего времени составляла от 3 до 5 часов. Конференция определила основные направления работы партийных и профсоюзных организаций заводов, нацелив их внимание на вопросы рационального использования рабочего времени, пересмотра норм выработки, повышения качества продукции¹.

Третья окружная Челябинская партийная конференция в своем решении указала: «...Необходимо центр тяжести перенести на обеспечение промышленности сырьем из расчета на полную нагрузку в течение производственного периода, на повышение производительности труда и снижение накладных расходов. Необходимо добиться в предприятиях такой работы, чтобы производительность труда была выше заработной платы»².

Рассматривая вопрос о повышении производительности труда, районная Кусинская партийная конференция (декабрь 1924 год) приняла следующее решение: «2-я районная конференция выставленный лозунг «Внимание мелочам» постановила всемерно поддерживать и проводить в жизнь, борясь с бесхозяйственностью, разгильдяйством и непроизводительными расходами, обратить внимание на восстановление трудовой дисциплины на заводе, загружая полностью рабочий день — 7 часов

¹ ПАЧО, ф. 75, оп. 1; ед. хр. 36, л. 89.

² Там же.

40 минут. Через партийку и профсоюзы разъяснять рабочим эти вопросы на партийных, общественных собраниях и производственных совещаниях... Безупречно вести техническое улучшение, поднятие производительности труда, сокращение накладных расходов»¹. Аналогичные решения принимались в большинстве заводских партийных организаций.

В течение 1924—1925 годов кампания по повышению производительности труда охватила все промышленные районы Урала.

Партийные организации уральских предприятий использовали различные формы мобилизации рабочих на борьбу за повышение производительности труда. Наиболее доступными и распространенными формами являлись партийно-производственные конференции трестов и предприятий, рабочие собрания, производственные совещания.

Широкое распространение начали получать рабочие собрания, всесторонне обсуждавшие производственные вопросы. На собраниях заслушивались доклады заводоуправления, вносились со стороны рабочих деловые предложения. Регулярно собирались рабочие собрания на Уральском заводе сельскохозяйственного машиностроения имени Колющенко в г. Челябинске. Так, в июле 1925 года собрание заслушало доклад заводоуправления о работе за III квартал. Выступавшие в прениях рабочие остро ставили вопрос о необходимости снижения себестоимости плугов и молотилок. Они отмечали, что цены на продукцию завода имеют очень большое значение для крестьян. Решение, принятое собранием, подчеркивало необходимость пересмотра норм выработки с учетом технического состояния завода, снижения брака, сокращения накладных расходов².

Рабочие собрания, проводившиеся систематически на крупных уральских заводах, имели большое воспитательное значение. Они помогали рабочим активно вникать в работу всего предприятия, рождали у них не только чувство ответственности за свой участок работы, но и за результаты работы всего предприятия. Оценивая положительное значение собраний, делегат VI Уральской областной партийной конференции от Надеждинского комбината т. Сергеев говорил: «...Мы ввели цеховые партийные собрания, совещания, на которых заслушиваются доклады заведующих цехов, затем прорабатываются на общих собраниях рабочих, где рабочие указывают на хозяйственные недостатки, они дают абсолютно положительные результаты»³.

При парткомах и фабзавкомах заводов организовались специальные комиссии по борьбе с бесхозяйственностью, нарушениями

¹ ПАЧО, ф. 317, оп. 1, ед. хр. 31, л. 53.

² Государственный архив Челябинской области (в дальнейшем ГАЧО), ф. 40, оп. 1, ед. хр. 729, л. 1.

³ Стенографический отчет VI Уральской областной конференции РКП(б), стр. 65—66.

ми трудовой дисциплины. В их работе, наряду с коммунистами, активно участвовали беспартийные рабочие.

Одним из замечательных средств вовлечения миллионов трудящихся в социалистическое строительство, управление производством являлись производственные совещания, возникшие в восстановительный период.

Коммунистическая партия всемерно поддерживала эту новую форму мобилизации творческой активности масс. XIII партийная конференция РКП(б) обязала партийные организации регулярно проводить производственные совещания, обсуждать на них текущие вопросы производства, организовывать обмен опытом.

Организационные формы производственных совещаний были разнообразны: цеховые, общезаводские, производственные кружки, комиссии. На крупных уральских заводах создавались цеховые и общезаводские производственные совещания. Повседневное руководство осуществлялось бюро производственных совещаний, в которое входили представители рабочих, главный инженер и начальники цехов. Такая структура способствовала установлению содружества рабочих и инженерно-технического персонала, повышению технической эффективности предложений, вносимых рабочими¹. Несмотря на некоторое разнообразие форм, работа производственных совещаний была основана на ленинском принципе демократизма в управлении хозяйством. Социалистические совещания подчинялись задачам правильного управления предприятием широким привлечением рабочих к управлению.

К осени 1924 года производственные совещания были организованы на большинстве крупных предприятий. Но работа их не сразу приняла широкие размеры. Отдельные предприятия недостаточным образом усвоили значение производственных совещаний, не выявили все возможности этой формы мобилизации творческой инициативы рабочих. В 1925 году ЦК изучил работу производственных совещаний на предприятиях. Это помогло вскрыть ряд существенных недостатков, а также подытожить положительный опыт и на этой основе определить дальнейшее направление деятельности производственных совещаний.

27 января 1925 года бюро Уральского обкома партии рассмотрело вопрос о производственных совещаниях. В своем решении оно отмечало ряд существенных недостатков в работе производственных совещаний: слабое руководство со стороны профсоюзов, администрирование, отсутствие обмена опытом, слабое использование принципа материального поощрения, медленное внедрение рекомендаций совещаний в жизнь. Бюро обкома предложило всем окружным комитетам партии усилить руководство

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 67, ед. хр. 285, л. 220.

совещаниями, одобрило решение Президиума Уралпрофсовета об организации конкурса на лучшее производственное совещание¹.

Вопрос о работе производственных совещаний детально обсудили окружные партийные конференции Урала в 1925 году. Так, в решении IV партийной конференции Златоустовского округа указывалось: «Придавая большое значение производственным совещаниям и комиссиям, окружная конференция считает, что производственные совещания провели огромную и серьезную (работу — Л. С.) в деле выявления и проведения в жизнь конкретных мер по поднятию производительности труда, улучшению производства вообще и достижения высокого качества выпускаемой продукции: поэтому необходимо профсоюзам и хозорганам усилить внимание на постановку и работу производственных совещаний с тем, чтобы всякое целесообразное предложение производственных совещаний проводилось в жизнь. Со стороны партийных органов и отдельных членов партии необходимо более внимательное, чем до сих пор, отношение к производственным совещаниям и более детальное участие в них»².

В феврале 1925 года газета «Уральский рабочий» и окружные газеты объявили конкурс на лучшее производственное совещание. Уже в период проведения конкурса партийные организации стали уделять значительно больше внимания их работе, шире применять опыт лучших производственных совещаний на предприятиях Урала.

Проведенные мероприятия позволили оживить в 1925 году работу производственных совещаний и комиссий, превратить их в массовые организации. Только по Южно-Уральскому тресту в работе производственных совещаний участвовало 13800 рабочих³. На предприятиях металлопромышленности (по данным пяти округов) — 19 тысяч рабочих⁴.

Внимание производственных совещаний сосредоточивалось на мероприятиях по повышению производительности труда, снижению себестоимости продукции, улучшению организации труда, сокращению брака и т. д.

На базе производственных совещаний на отдельных предприятиях и трестах Урала проводились партийно-производственные, производственно-технические конференции с привлечением широкого круга беспартийных рабочих.

Используя различные формы мобилизации масс на хозяйственное строительство, Коммунистическая партия добивалась повышения трудовой и творческой активности широких слоев рабочих на основе правильного сочетания материальных и моральных

¹ ПАЧО, ф. 170, оп. 1, ед. хр. 49, л. 26.

² ПАЧО, ф. 317, оп. 1, ед. хр. 218, л. 28.

³ ПАЧО, ф. 317, оп. 1, ед. хр. 269, л. 9.

⁴ ГАСО, ф. 272, оп. 1, ед. хр. 114, л. 86.

стимулов к труду, роста его производительности, внедрения рационализаторских предложений.

В 1925 году обком Уральского союза металлистов принял положение о введении премиальных вознаграждений за предложения, внедренные в производство. В 1925/26 хозяйственном году премирование рабочих и ИТР за производственные достижения, полученные в результате рационализаторских предложений, было введено на всех предприятиях Урала. Одновременно более широко начали использовать такие моральные стимулы как награждение грамотами передовиков производства, широкое оповещение о трудовых успехах рабочих и коллективов в печати. Это воспитывало у рабочих сознание, что труд — дело чести каждого труженика социалистического общества.

Все это повысило материальную и моральную заинтересованность широких рабочих масс в повышении производительности труда и улучшении экономических показателей работы предприятий.

Рабочие Урала горячо откликнулись на призыв Коммунистической партии. Они активнее начали включаться в решение важнейших производственных проблем. «Поднятие производительности труда,— писал в отчете Центральному Комитету партии секретарь Мотовилихинского райкома партии,— встречено и воспринято рабочими весьма сочувственно, это видно из работ производственно-технических цеховых совещаний, заводских и профсоюзных конференций, где рабочие вносят ряд ценных мероприятий и практических предложений»¹. Широкое участие рабочих в движении за повышение производительности труда отмечали большинство окружных комитетов партии. Так, бюро Златоустовского окружкома партии (июль 1925 год) отмечало, что рабочие Златоустовских заводов ответили на призыв партии новыми трудовыми успехами, что привело к значительному повышению производительности труда на заводах округа².

Экономический эффект от внедрения в производство предложений рабочих и инженерно-технического персонала был значителен. Так, прочтением докладов на совещаниях предприятий Челябинского округа в 1925 года внесли 387 рационализаторских предложений, из которых 192 их было внедрено в производство. Экономический эффект составил 30743 руб. На предприятиях Челябинской области действовало 10 производственных комиссий, из которых 83 ИТР было внесено 284 предложения, из которых 192 в производство⁴.

Интересные данн.

производственных совещаний

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 67, ед. хр. 289, л. 80.

² ПАЧО, ф. 317; оп. 1, ед. хр. 199, л. 308.

³ Там же, ф. 75, оп. 1; ед. хр. 48, л. 229.

⁴ Отчет Уралобкома РКП(б) VII облпартконференции, стр. 110.

на повышение производительности труда и улучшение работы предприятий имеются в материалах Златоустовских заводов. В 1925 году только по Южно-Уральскому тресту было проведено 496 общезаводских и цеховых производственных совещаний. На них было выдвинуто 1772 рационализаторских предложения¹. Предложениями предусматривалось улучшение работы цехов, ремонт и обновление машин и станков, рациональное использование рабочей силы, экономия сырья, топлива и т. д. В результате творческой активности рабочих валовая выработка заводов треста превысила довоенный уровень почти в два раза. Производственная программа по Южно-Уральскому тресту (с октября 1924 по август 1925 года) была выполнена по чугуну на 113,7 процента, литейному производству на 190,9, прокату — на 146,5².

Трудовой подъем, охвативший массы уральских рабочих, сыграл огромную роль в восстановлении промышленности. Рабочие Урала добились значительных успехов в повышении производительности труда, снижении себестоимости продукции, укреплении трудовой дисциплины. В течение 1924/25 хозяйственного года производительность труда на уральских предприятиях повысилась на 18 процентов, а в металлической промышленности — на 33,3³. В 1923/24 году на одного рабочего ценовой промышленности приходилось ежедневно валовой продукции на сумму 6,1 рубля, в 1924/25 — 7,2 рубля. За этот же период себестоимость чугуна снизилась на 25,7 процента, мартена — на 25,5, кровельного железа — на 23,6⁴.

В связи с этим произошло значительное снижение себестоимости сельскохозяйственных машин и орудий. Себестоимость молотилок на заводе имени Коллющенко снизилась на 28,2 процента, плугов — на 16,4. Это дало возможность понизить продажные цены на сельскохозяйственные орудия и машины уральского производства⁵. Значительно укрепилась трудовая дисциплина на заводах, сократилось число прогулов. В 1924/25 году процент неявки на работу (к общему количеству рабочих дней) сократился до 5,9 против 8 в предыдущем году⁶.

Делясь своими впечатлениями о поездке по Уралу, А. А. Андреев в докладной записке ЦК РКП(б) писал: «Без преувеличения можно сказать, что сдвиг в области промышленного хозяйства на Урале по сравнению с тем, что я видел 2 года назад, колоссальный. Заводы в смысле упорядочения хозяйственного, производительности — не узнаваемы»⁷.

¹ ПАЧО, ф. 317, оп. 1, ед. хр. 269, лл. 8, 9.

² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 216, ед. хр. 290, л. 111.

³ Обзор хозяйства Урала за 1924—1925 гг. Свердловск, 1926, стр. 30.

⁴ Там же, стр. 183.

⁵ ПАЧО, ф. 75, оп. 1, ед. хр. 163, л. 101.

⁶ Обзор хозяйства Урала за 1924—1925 гг., стр. 191.

⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 67, ед. хр. 285, л. 106.

Советское государство высоко оценивало трудовой героизм рабочего класса. На предприятиях устраивались чествования лучших рабочих. Их опыт широко пропагандировался в печати. В июне 1925 года решением ВЦИК СССР 10 уральским рабочим за трудовую доблесть была вручена высокая правительственная награда — орден Трудового Красного Знамени. 18 уральских рабочих по постановлению уральского съезда профсоюзов получили почетное звание «Героя труда уральской промышленности». Высокая оценка, которой был удостоен труд лучших рабочих, вдохновляла тысячи рабочих Урала на новые трудовые подвиги.

Широкое вовлечение рабочих в хозяйственное строительство, привлечение их к решению важнейших производственных проблем, управлению производством давали не только чисто экономический эффект. Используя такие экономические рычаги, как общественная собственность, планирование, социалистическое распределение по труду, хозрасчет, Коммунистическая партия воспитывала у рабочих новое отношение к труду, социалистической собственности.

Привлечение рабочих к управлению производством повышало у них ответственность за работу всего коллектива, воспитывало чувство коллективизма, сознание общественного долга и понимание тех задач, которые стоят перед рабочим классом как руководителем трудящихся в борьбе за социализм.

Правильное использование преимуществ социалистической экономики, материальных и моральных стимулов к труду повышало эффективность всех звеньев идеологической работы партии по политическому воспитанию рабочего класса, формированию у него социалистического мировоззрения, основу которого составляет социалистическое отношение к труду.

В 1924—1925 годах большой размах приобрела агитационно-массовая работа партийных организаций среди рабочих. По области проводились широкие политические кампании, связанные с итогами XIII съезда партии, съездов Советов, с годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции и др. Только за один год на Урале прошло свыше 50 массовых кампаний¹.

После XIII съезда РКП(б) агитационно-массовая работа партии стала конкретнее. Она теснее увязывалась с задачами экономической политики. Центр тяжести в агитационно-пропагандистской работе перенесся с массовых кампаний на повседневную систематическую индивидуальную и групповую работу среди беспартийных рабочих. На отдельных предприятиях Урала начали применяться такие формы агитационно-пропагандистской работы, как групповые беседы, вечера вопросов и ответов,

¹ ПАСО, ф. 4, оп. 2, ед. хр. 526, л. 16.

читки газет в цехах, красных и ленинских уголках. Шире стали использоваться культурно-просветительные учреждения. Центром политического воспитания рабочих в городах и фабрично-заводских поселках являлись рабочие клубы. В 1925 году на Урале работало 294 рабочих клуба, членами которых являлось 45 115 человек¹. В клубах проводились лекции, беседы о ленинизме, жизни и деятельности В. И. Ленина, политике партии и правительству, культурные мероприятия. Беспартийные рабочие учились в сети партийного просвещения, активно посещали школы-передвижки, кружки марксизма-ленинизма.

Могучим орудием политического воспитания масс являлась печать. В 1925 году на Урале издавалось 67 периодических изданий, из них массовых газет — 24². О том, насколько живой интерес проявляли рабочие к политике партии, международным проблемам, можно судить по количеству подписчиков на газеты и журналы. Так, по Главному Златоустовскому заводу на 5 тысяч рабочих выписывалось 3222 экземпляра центральных и местных газет и журналов. На Миньярском заводе на 900 рабочих — 780, Саткинском — на 850 рабочих — 832 экземпляра³. Только с января по сентябрь 1925 года тираж уральских массовых газет увеличился с 179 233 до 293 243 экземпляров⁴.

Общественно-политическая активность рабочего класса проявлялась в росте рабкоровского движения. На страницах местных газет чаще стали публиковаться заметки рабочих. Корреспонденты смело вскрывали недостатки, помогали партийным организациям осуществлять действенный контроль снизу.

Рост политической сознательности рабочего класса проявлялся в оживлении деятельности государственных органов Советской власти.

В. И. Ленин считал, что работа трудящихся в государственных органах — действенное средство политического воспитания масс. Он указывал, что без вовлечения рабочих в управление государством не может быть и речи о социализме, что диктатура пролетариата немыслима без участия рабочих и крестьян в ее политических органах — Советах.

Указания В. И. Ленина легли в основу решений XIII съезда партии, который отметил, что подлинное развитие пролетарской демократии может быть достигнуто только при условии привлечения широких масс трудящихся к управлению государством. Съезд подчеркнул, что в условиях политической активности рабочих масс «особое значение имеют: оживление работы Советов рабочих и крестьянских депутатов (создание при них секций,

¹ ПАСО, ф. 4, оп. 2, ед. хр. 526, л. 16.

² Там же, л. 45.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 67, ед. хр. 285, л. 223.

⁴ ПАСО, ф. 4, оп. 2, ед. хр. 526, л. 45.

комиссий и совещаний с привлечением в них значительного количества рабочих, служащих и крестьян)»¹.

В конце восстановительного периода внимание уральских партийных организаций было нацелено на вовлечение в работу Советов более широкого круга беспартийных рабочих.

Июльский Пленум Уральского областного комитета партии в 1924 году, обсуждая вопрос о работе Советов в свете решений XIII съезда РКП(б), принял постановление об увеличении количественного состава городских, сельских Советов, окружных и районных исполнительных комитетов. Пленум обкома партии поручил окружным парткомам «немедленно приступить к назначению беспартийных кандидатов рабочих от станка и крестьян от сохи, преданных Советской власти и пользующихся авторитетом на заводе и в деревне»².

Избирательную кампанию перевыборов Советов Уральской области партийные организации проводили под лозунгом укрепления низового советского аппарата, вовлечения в Советы лучших представителей рабочих с производства. По области проходили собрания с отчетами депутатов перед избирателями. Кандидатуры выдвигаемых в Советы рабочих тщательно обсуждались на предприятиях Урала.

В 1925 году в состав городских Советов Уральской области было избрано 2227 рабочих. 60,5 процента состава горсоветов составляли коммунисты и 6,1 процента — комсомольцы³. 380 рабочих было избрано в районные исполнительные комитеты, из них 71 — на должность председателей⁴. Результатом перевыборов в 1924—1925 годах было значительное увеличение пролетарского ядра в окружных и районных Советах Уральской области. Рабочие активно участвовали в практической работе секций, советов пленумов, съездов, ревизионных комиссий.

В процессе практической работы партийные организации воспитывали новые кадры руководителей из гущи рабочего класса. Смело выдвигались на ответственную партийную, советскую, профсоюзную работу лучшие рабочие-производственники. 560 рабочих было выдвинуто с января по октябрь 1925 года Свердловским окружным комитетом партии⁵. Только за пять месяцев 1925 года 34 рабочих от станка были направлены на партийную, советскую, кооперативную работу Златоустовским окружным комитетом партии⁶. В течение года на работу в окружные, областные, районные организации Уральской области

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7-е, ч. 2, М., Госполитиздат, 1954, стр. 19.

² «Уральский коммунист», 1924, № 18, стр. 4.

³ ПАЧО, ф. 170, оп. 1, ед. хр. 46, л. 75.

⁴ ПАСО, ф. 4, оп. 3, ед. хр. 347, л. 3.

⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2а, ед. хр. 464/4, л. 43.

⁶ Там же, оп. 67, ед. хр. 285, л. 98.

было выдвинуто 2175 человек. Половину из них составляли рабочие¹. 170 рабочих занимало ответственные посты в судебных органах. 37 процентов работников прокуратуры области составляли рабочие².

Из среды рабочих выдвинулись многие партийные и советские работники. 9 из 15 секретарей окружных комитетов партии Урала были выходцами из среды рабочего класса³.

В 1925 году свыше 50 рабочих с производства были избраны делегатами V Уральского областного съезда Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов⁴. 60 рабочих от станка принимали участие в работе VII Уральской областной партийной конференции (декабрь 1925 год)⁵.

Школой политического воспитания нового пополнения рядов рабочего класса являлась массовая общественная организация молодежи — комсомол.

Комсомольцы были верными помощниками партии на всех участках хозяйственного и государственного строительства. 3600 комсомольцев Урала принимали участие в работе Советов, 1100 — кооперации, 40 тысяч — в различных добровольных обществах⁶.

Характерной чертой уральской областной комсомольской организации в конце восстановительного периода являлся быстрый количественный рост ее рядов. В октябре 1924 года в рядах комсомола состояло 44 698 юношей и девушек, в июле — 75 661. Только за счет рабочей молодежи уральская комсомольская организация увеличилась на 16 270 членов⁷. В ее рядах состояло около половины всей рабочей молодежи области⁸.

Комсомол был не только помощником партии, но и тем резервом, из которого партия черпала новое пополнение своих рядов. С декабря 1924 по март 1925 года комсомол передал в партию 2247 человек⁹. Укрепление партийного ядра в комсомольских организациях области еще более усиливало влияние партии на беспартийные массы.

Таким образом, к концу восстановительного периода вокруг партийных организаций Урала сложился широкий беспартийный актив из рабочих, который прочно связал партию с массами.

С количественным ростом рядов рабочего класса, концентрацией его на социалистических предприятиях, повышением трудо-

¹ Отчет Уралобкома РКП(б) VII облпартконференции, стр. 342.

² Ослоновский А. и Орлов А. Десять лет борьбы и строительства Советов на Урале. Свердловск, 1928, стр. 111—112.

³ ПАЧО, ф. 170, оп. 1, ед. хр. 46, л. 77.

⁴ Труды V Уральского съезда Советов. Свердловск, 1925, стр. 1.

⁵ Отчет Уралобкома РКП(б) VII облпартконференции, стр. 258.

⁶ Там же, стр. 271.

⁷ ПАСО, ф. 4, оп. 3, ед. хр. 123, л. 89.

⁸ Там же, ед. хр. 124, л. 2.

⁹ ПАСО, ф. 4, оп. 3, ед. хр. 123, л. 53.

комиссий и совещаний с привлечением в них значительного количества рабочих, служащих и крестьян)»¹.

В конце восстановительного периода внимание уральских партийных организаций было нацелено на вовлечение в работу Советов более широкого круга беспартийных рабочих.

Июльский Пленум Уральского областного комитета партии в 1924 году, обсуждая вопрос о работе Советов в свете решений XIII съезда РКП(б), принял постановление об увеличении количественного состава городских, сельских Советов, окружных и районных исполнительных комитетов. Пленум обкома партии поручил окружным парткомам «немедленно приступить к назначению беспартийных кандидатов рабочих от станка и крестьян от сохи, преданных Советской власти и пользующихся авторитетом на заводе и в деревне»².

Избирательную кампанию перевыборов Советов Уральской области партийные организации проводили под лозунгом укрепления низового советского аппарата, вовлечения в Советы лучших представителей рабочих с производства. По области проходили собрания с отчетами депутатов перед избирателями. Кандидатуры выдвигаемых в Советы рабочих тщательно обсуждались на предприятиях Урала.

В 1925 году в состав городских Советов Уральской области было избрано 2227 рабочих. 60,5 процента состава горсоветов составляли коммунисты и 6,1 процента — комсомольцы³. 380 рабочих было избрано в районные исполнительные комитеты, из них 71 — на должность председателей⁴. Результатом перевыборов в 1924—1925 годах было значительное увеличение пролетарского ядра в окружных и районных Советах Уральской области. Рабочие активно участвовали в практической работе секций, советов пленумов, съездов, ревизионных комиссий.

В процессе практической работы партийные организации воспитывали новые кадры руководителей из гущи рабочего класса. Смело выдвигались на ответственную партийную, советскую, профсоюзную работу лучшие рабочие-производственники. 560 рабочих было выдвинуто с января по октябрь 1925 года Свердловским окружным комитетом партии⁵. Только за пять месяцев 1925 года 34 рабочих от станка были направлены на партийную, советскую, кооперативную работу Златоустовским окружным комитетом партии⁶. В течение года на работу в окружные, областные, районные организации Уральской области

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7-е, ч. 2, М., Госполитиздат, 1954, стр. 19.

² «Уральский коммунист», 1924, № 18, стр. 4.

³ ПАЧО, ф. 170, оп. 1, ед. хр. 46, л. 75.

⁴ ПАСО, ф. 4, оп. 3, ед. хр. 347, л. 3.

⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2а, ед. хр. 464/4, л. 43.

⁶ Там же, оп. 67, ед. хр. 285, л. 98.

было выдвинуто 2175 человек. Половину из них составляли рабочие¹. 170 рабочих занимало ответственные посты в судебных органах. 37 процентов работников прокуратуры области составляли рабочие².

Из среды рабочих выдвинулись многие партийные и советские работники. 9 из 15 секретарей окружных комитетов партии Урала были выходцами из среды рабочего класса³.

В 1925 году свыше 50 рабочих с производства были избраны делегатами V Уральского областного съезда Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов⁴. 60 рабочих от станка принимали участие в работе VII Уральской областной партийной конференции (декабрь 1925 год)⁵.

Школой политического воспитания нового пополнения рядов рабочего класса являлась массовая общественная организация молодежи — комсомол.

Комсомольцы были верными помощниками партии на всех участках хозяйственного и государственного строительства. 3600 комсомольцев Урала принимали участие в работе Советов, 1100 — кооперации, 40 тысяч — в различных добровольных обществах⁶.

Характерной чертой уральской областной комсомольской организации в конце восстановительного периода являлся быстрый количественный рост ее рядов. В октябре 1924 года в рядах комсомола состояло 44 698 юношей и девушек, в июле — 75 661. Только за счет рабочей молодежи уральская комсомольская организация увеличилась на 16 270 членов⁷. В ее рядах состояло около половины всей рабочей молодежи области⁸.

Комсомол был не только помощником партии, но и тем резервом, из которого партия черпала новое пополнение своих рядов. С декабря 1924 по март 1925 года комсомол передал в партию 2247 человек⁹. Укрепление партийного ядра в комсомольских организациях области еще более усиливало влияние партии на беспартийные массы.

Таким образом, к концу восстановительного периода вокруг партийных организаций Урала сложился широкий беспартийный актив из рабочих, который прочно связал партию с массами.

С количественным ростом рядов рабочего класса, концентрацией его на социалистических предприятиях, повышением трудо-

¹ Отчет Уралобкома РКП(б) VII облпартконференции, стр. 342.

² Ослоновский А. и Орлов А. Десять лет борьбы и строительства Советов на Урале. Свердловск, 1928, стр. 111—112.

³ ПАЧО, ф. 170, оп. 1, ед. хр. 46, л. 77.

⁴ Труды V Уральского съезда Советов. Свердловск, 1925, стр. 1.

⁵ Отчет Уралобкома РКП(б) VII облпартконференции, стр. 258.

⁶ Там же, стр. 271.

⁷ ПАСО, ф. 4, оп. 3, ед. хр. 123, л. 89.

⁸ Там же, ед. хр. 124, л. 2.

⁹ ПАСО, ф. 4, оп. 3, ед. хр. 123, л. 53.

вой и политической активности и сознательности, растущим участием в управлении государством, его политическим и идейным сплочением вокруг своего авангарда — Коммунистической партии неуклонно развивался новый качественный процесс — консолидация рабочего класса, его сплочение и объединение в единый господствующий класс на базе крупной социалистической промышленности. Именно этот процесс являлся определяющим фактором повышения его руководящей роли в социалистическом строительстве.

* * *

В 1924—1925 годах значительно повысилась авангардная роль партийных организаций Урала. Они выросли количественно и качественно, еще теснее сплотили вокруг себя рабочий класс. Ярким показателем растущих связей партии с массами являлся рост партийных организаций за счет лучших представителей рабочего класса. За два года численность уральских партийных организаций увеличилась в два раза. Улучшение социального состава партии, рост пролетарского ядра имел перво-степенное значение для укрепления ленинского единства партийных рядов, повышения авангардной роли коммунистов на всех участках социалистического строительства.

Используя различные формы вовлечения масс в хозяйственное строительство, управление производством и государством, партийные организации Урала вели большую работу по формированию коммунистического мировоззрения, преобразования сознания в их сознании. В результате тесной связанной с жизнью, заботливой работы, среди рабочих Урала увеличилось число коммунистов, отличительными чертами которых были любовь к труду, активное участие в общественной жизни, умение решать высокие задачи, стоявшие перед страной и партией, как руководителем трудящихся в борьбе за социализм.

СОЗДАНИЕ ЗАВОДОВ ЧЕЛЯБИНСКОГО ЭЛЕКТРОМЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО КОМБИНАТА

В годы первой и второй пятилеток в Челябинске был построен ряд очень важных для страны заводов с электротермическим процессом производства. Заводы располагались в одном месте и объединялись общим названием — Челябинский электрометаллургический комбинат.

План возведения комбината складывался постепенно. Первоначально приступили к строительству ферросплавного завода, потом прибавилось строительство алундово-абразивного производства, а еще позднее — электродного завода. Для обслуживания этих предприятий было выстроено несколько ремонтных цехов. В 1932 году здесь велась подготовка к созданию сталеплавильного завода. Однако с изменением планов он в системе комбината построен не был.

Ядром комбината является завод по производству ферросплавов. Ферросплавы — это сплавы железа с различными химическими элементами. Наиболее распространенные ферросплавы — феррохром, ферросилиций, ферромарганец, ферровольфрам, ферромolibден.

До XX века во всем мире производились обычные стали, представляющие собой смесь железа с углеродом. Лишь в редких случаях выплавлялся естественно легированный чугуи, из которого производилась легированная сталь. Это получалось тогда, когда железная руда имела в своем составе полезные примеси. Развитие машиностроения предъявило спрос на металл высокого качества. Поэтому современная металлургия почти исключительно занята производством легированных сталей. А для их получения необходимо в сплав железа с углеродом вводить хром, кремний, марганец, никель и т. д. Они добавляются в виде ферросплавов.

Эти добавки зачастую придают стали исключительно ценные свойства. Вот несколько примеров. Бичом черных металлов является коррозия. Но введение в сталь хрома и никеля придает ей антикоррозийные свойства. Из такой стали делается очень многое: от нержавеющей столовых ложек до ответственных деталей сложных машин. Всевозможные рессоры и пружины, а также

трансформаторные, динамные стали нельзя выплавлять без введения кремния. Добавление в сталь вольфрама придает ей большую стойкость при высоких температурах. Резец, приготовленный из вольфрамовой стали, не теряет своих режущих свойств, если даже раскалится до ярко-красного цвета.

Можно без конца перечислять чудесные свойства сталей, получаемых при введении в них ферросплавов. Но и сказанного достаточно, чтобы сделать вывод: без ферросплавов немислима современная металлургия, а без нее невозможны нынешнее машиностроение и современная техника вообще.

В индустриально развитых странах промышленное производство ферросплавов стало налаживаться с начала нашего века. Во время первой мировой войны эти страны выпускали тысячи тонн самых различных ферросплавов. Их производство достигло значительного уровня и высокой культуры. Причем изготовление ферросплавов было одним из самых засекреченных видов производства.

Дореволюционная Россия почти не производила ферросплавов. Лишь небольшое количество ферромарганца выплавлялось доменным способом, да в 1910 году был построен маленький заводик для производства ферросплавов в электропечах¹. Завод производил до 300 тонн феррохрома и ферросилиция. Не имея ферросплавов, Россия не могла выплавлять качественный металл, а ввозила его из-за границы.

Социалистическая индустриализация в СССР базировалась на всемерном развитии современной металлургии, которая могла развиваться только при наличии ферросплавов. В первый период индустриализации Советский Союз ввозил ферросплавы из других стран, выплачивая громадные суммы в золотой валюте. Например, за одну тонну ферровольфрама приходилось платить около двух тысяч золотых рублей.

С бурным развитием машиностроения, созданием автотракторной и авиационной промышленности возрос спрос на качественный металл, а следовательно, и на ферросплавы.

По указанию ВСНХ СССР в апреле 1929 года «Главчермет» принял решение построить на Урале первый в стране крупный завод по производству ферросплавов. «Уралмет», которому было поручено строительство, избрал местом расположения его город Челябинск. Это решение не было случайным. Для выплавки ферросплавов нужно большое количество электроэнергии. А ее могла дать строящаяся в это время крупнейшая на Урале Челябинская ГРЭС.

В апреле 1930 года всесоюзное объединение «Сталь» вынесло

---

¹ Завод назывался «Пороги» и находился на Южном Урале, вблизи горы Чумовой. Для его обслуживания на реке Сатке была построена специальная электростанция.

постановление: строить одновременно рядом с ферросплавным заводом и заводы по производству алунда и абразивов.

Абразивами называются материалы, употребляемые в технике для обтачивания, шлифования, полирования. Различаются естественные и искусственные абразивные материалы. Главными естественными абразивами являются: алмаз, корунд, наждак, песчаник, пемза, трепел. Но так как запасы их в природе не велики и добыча обходится очень дорого, то часто применяются искусственные абразивы. В частности, проплавкой бокситов в электропечах получают алунд.

Алундовые заводы готовят сырье для абразивных заводов. Здесь блоки алунда дробятся, зерна сортируются по величине, а затем смешиваются с вяжущей массой и формируются в круги или бруски различных форм и размеров. Отформированные изделия обжигают, обтачивают, испытывают на прочность. Зерна абразивных материалов можно наклеивать на полотно или бумагу и получать всем известную «шкурку».

В царской России абразивных изделий выпускалось очень немного и промышленность пользовалась главным образом привозными материалами. Так, например, в 1913 году было привезено из-за границы 10860 тонн точильного камня, 2715 тонн наждака, 1517 тонн пемзы и т. д.

В годы социалистической индустриализации спрос на абразивы быстро возрастает. Абразивные изделия в это время выпускались ленинградским заводом «Ильич» (до революции завод Струка) и златоустовской полукустарной фабрикой, производившей силикатно-магнезитовые круги, годные для применения в очень ограниченной области машиностроения. Годовое производство абразивов достигало примерно 5000 тонн. Это далеко не обеспечивало потребности промышленности. Ежегодный импорт абразивов обходился стране в 5 миллионов золотых рублей¹.

Первые проекты алундового и абразивного заводов производительностью 4400 тонн разработал ленинградский Гипромез. В марте 1930 года проекты были утверждены Правлением объединения «Сталь» и в апреле поступили в Челябинск. Но уже в следующем месяце объединение «Сталь», в связи с постановлением ЦК ВКП(б) о создании Урало-Кузнецкого комбината², дало указание спланировать заводы на выпуск 15 000 тонн абразивов в год, а первой очереди на 6600 тонн.

Третьей составной частью комбината стал электродный завод, решение о строительстве которого было принято летом 1931 года.

Электроды необходимы для электрометаллургии и электрохимической промышленности. В металлургии они потребляются

¹ ГАЧО, ф. 870, оп. 5, д. 27, л. 1.

² Постановление ЦК ВКП(б) от 15 мая 1930 года «О работе Уралмета». Опубликовано в журнале «Партстроительство», 1930, № 11—12.

в дуговых электропечах, а в электрохимии при электролизе металлов они служат анодами.

В дореволюционной России электродного производства не существовало. В первые годы социалистической индустриализации мы были вынуждены привозить электроды из-за границы и расплачиваться за них золотом. К тому же поставщики злоупотребляли своим положением.

Вот что рассказывает член-корреспондент АН СССР В. С. Емельянов: «Фирмы использовали нашу зависимость от поступления электродов из-за границы и, смотря по обстоятельствам, или поднимали при благоприятной для них ситуации цены на электроды, или же вынуждали нас принимать продукцию низкого качества. Вспоминается один случай. Это было в 1932 году. На наших границах с Маньчжурией возникла опасная ситуация: дело шло к войне с Маньчжоу-Го. И вот в это время фирма Сименс отказалась принять наши заказы на электроды для ферросплавных печей. «Мы загружены заказами и, к сожалению, в настоящее время лишены возможности принять новые заказы. Если хотите, можете взять то, что забраковал ваш приемщик». Это был наглый ответ на нашу просьбу о заказе».

Однако, как рассказал В. С. Емельянов дальше, нам пришлось закупать бракованные электроды и заплатить за них полную цену¹.

В годы первой пятилетки, когда потребность на электроды стала быстро возрастать, в Советском Союзе были заложены три крупных электродных завода — в Москве, Челябинске и на Днестре. Проектирование Челябинского электродного завода началось в октябре 1931 года. Он был рассчитан на производство 12 000 тонн электродов в год (8000 угольных и 4000 графитированных).

Название строительства неоднократно менялось. Сначала оно именовалось ферросплавным заводом, а с апреля 1930 года, когда было принято решение о создании абразивного производства, стало называться Челябинским электротермическим комбинатом (ЧЭТК). Осенью 1931 года комбинат отошел в ведение вновь созданного объединения «Спецсталь». 28 октября 1931 года приказом управляющего объединением И. Ф. Тевосяна строительство было переименовано в Челябинский электрометаллургический комбинат (ЧЭМК).

Практические работы по созданию ЧЭМК начались летом 1929 года. В Челябинске было организовано строительное управление. Директор стройки Н. Ф. Захаров и главный инженер С. В. Семенов приступили к формированию коллектива строителей. Одновременно с этим в Москве под руководством профессора К. П. Григоровича — одного из немногих наших специали-

¹ «Наука и жизнь», 1964, № 10.

стов по данной отрасли, разрабатывался проект ферросплавного завода.

Четвертого июня Челябинский окрисполком Совета, а через два дня окружной комитет ВКП(б) рассмотрели вопрос о предоставлении строителям соответствующих помещений. Для конторы отвели здание на улице Цвиллинга и выделили первые 20 квартир под жилье.

Летом в строительном коллективе оформилась партийная организация, были созданы постройком профсоюза и ячейка ВЛКСМ. Выполняя авангардную роль, коммунисты и комсомольцы сплачивали разнородную массу людей в работоспособный коллектив, преодолевавший огромные трудности на пути к цели.

В августе бюро окружного комитета партии обсудило вопросы, связанные с началом строительства. Оно констатировало, что организационная подготовка к началу работ завершена. В резолюции намечались меры по ускорению строительства. В частности, предусматривались конкретные меры к обеспечению стройки рабочей силой и материалами¹.

К этому времени степь, лежавшая на северо-восточной окраине Челябинска, ожила. Площадка будущего завода обносилась проволочным ограждением. Сюда поступали песок, кирпич, лес, шпалы, рельсы, железо. Строилась лесопилка, прокладывалась железнодорожная ветка от разъезда Электростанция. Всем этим руководил начальник строительных работ И. Т. Свинолобов.

В сентябре руководители стройки выехали в Свердловск. Здесь на заседании выездной сессии Наркомата тяжелой промышленности рассматривался проект завода. По докладам профессора К. Григоровича и главного инженера С. Семенова проект был утвержден.

После этого проектное бюро интенсивно готовило рабочие чертежи, а на площадке началось рытье котлованов под главный корпус и другие сооружения. Спешно строились главная контора, химическая лаборатория, гараж. Вдоль реки Миасс на нынешней Российской улице закладывались фундаменты жилых домов.

Празднование XII годовщины Великого Октября для строителей вылилось в двойной праздник. 7 ноября 1929 года под залпы пушки и звуки Интернационала представители городских организаций произвели закладку фундамента главного корпуса завода. На митинге строители дали клятву через год, к XIII годовщине Октября, пустить первую печь и дать первый советский ферросплав.

Еще на одной строительной площадке Челябинска (после

---

¹ ГАЧО, ф. 870, оп. 1, д. 3, стр. 7.

ЧГРЭС (это была вторая) началось возведение крупного предприятия социалистической индустрии.

Приближалась зима. Ранние уральские морозы все более сковывали строительство. Трудно было рабочим вести кладку на подогретом растворе. Часть строителей, не выдержав трудностей, разбежалась. Но энтузиасты продолжали борьбу.

Зима ставила перед руководством альтернативу: прекратить строительные работы до весны или укрыть главный корпус тепляком и там продолжать кладку. Желание быстрее дать стране крайне необходимые ей ферросплавы привело ко второму выбору, хотя это требовало большого количества пиломатериалов и повышало стоимость работ. К январю 1930 года в заснеженной степи был сооружен огромный «ящик», высотой около 20 метров. Тепляк обогревался паром от паровоза.

В нем всю зиму день и ночь продолжалась работа. По городу распространились слухи (ведь это было время острой классовой борьбы), что в тепляке мороз и что здание весной развалится. В мае тепляк разобрали. Над площадью возвышались два этажа главного корпуса, достигавшего в северной части 18-метровой высоты. Суровая уральская зима была побеждена, сезонность в строительстве ликвидирована.

В 1930 году с увеличением размаха работ значительно возрос строительный коллектив. Если в апреле на строительстве было занято 981 человек, то в июне число работающих возросло до 3817 человек. В течение года на строительстве создалась большая и сильная партийная организация. В апреле в ней насчитывалось немногим более 40 коммунистов, а в конце года их было 182¹.

Борясь за повышение производительности труда, партийная организация и профсоюз проводили большую работу по развертыванию социалистического соревнования. В апреле из 981 чел. рабочих и служащих в соцсоревновании участвовали 174 человека, что составляло 17,7 процента. В июне процент соревнующихся увеличился до 30,8 от общего числа работающих. Все коммунисты, непосредственно занятые на производстве, принимали участие в соревновании и являлись ударниками². Лучшими производственными коллективами ЧЭМК летом 1930 года были артель Андрея Буланова (плотники), выполнившая июльский план на 180 процентов, артели Логинова и Романова, выполнившие в июне по полторы месячных нормы. Наиболее высокие личные показатели в труде имели каменщики И. Зыбарев и П. Шакурин, арматурщик Г. Панков. Все они стали бригадирами и организовали лучшие ударные бригады на стройке.

В этом году строители сосредоточили усилия на возведении

¹ ПАЧО, ф. 221, оп. 1, д. 4, л. 1.

² О соцсоревновании см. ГАЧО, ф. 870, оп. 2, д. 13, лл. 20, 47.

шихтового двора, который впервые в СССР делался полностью деревянным, главного корпуса, ремонтно-механического и деревообделочного цехов.

В конце лета комбинат пережил большие трудности с рабочей силой. Значительная часть строителей ушла на полевые работы. В июне на стройке было занято около 4 тыс. человек, а в августе осталось 2,5 тысячи. Пришлось пойти на крайние меры — законсервировать строительство некоторых объектов.

Пережил комбинат в это время и другой удар. Стало известно, что электропечи от немецкой фирмы поступят не осенью 1930 года, а только в феврале следующего года. Торжественное обязательство строителей — пустить первую печь к XIII годовщине Октября — срывалось. Срывался и правительственный срок пуска завода, назначенный на март 1931 года.

Но свое обязательство строители все же выполнили. При посещении завода «Пороги» директор ЧЭМК Н. Ф. Захаров обнаружил там бездействующую небольшую электропечь (небольшую по масштабам Челябинского ферросплавного завода, но слишком большую для «Порогов» и поэтому бездействовавшую). После долгой переписки с «Уралметом» и объединением «Сталь» 1 сентября 1930 года челябинцы добились разрешения перевезти печь к себе. Они обещали пустить ее 7 ноября и перевели на себя часть производственной программы «Порогов».

В два месяца нужно было произвести демонтаж печи в «Порогах», упаковать и отправить громоздкое оборудование, приспособить и достроить часть главного корпуса, где эту печь должны были установить. Предстояло произвести монтаж, уложить канализацию, водопровод, подвести сжатый воздух, ток высокого напряжения.

Начались 9-недельные штурмовые работы. Главный механик стройки Г. Дунаев и начальник монтажного управления инженер Г. Павлов быстро разработали необходимые чертежи. Мобилизовали все лучшие силы строительных участков. Рабочих разбили на три смены. Шла непрерывная работа днем и ночью. Прокладывались линии канализации и водопроводов. Прорабы — Гордеев и Палкин целыми сутками вели бетонные работы. Бригада монтеров во главе с мастером Сивковым в невероятно трудной обстановке провела сеть высокого напряжения.

Обязательство, данное строителями год назад, было выполнено. В XIII годовщину Октября электрический ток поступил на печь и страна получила советский ферросплав с первой печи первого ферросплавного гиганта. Агрегат назвали печью № 7. Для комбината она явилась лабораторией по разработке технологического процесса выплавки ферросплавов и школой подготовки ферросплавщиков.

Между тем надвигалась вторая строительная зима, в течение которой надо было завершить возведение основных объектов.

Снова встала проблема зимних работ. Использовать опыт прошлой зимы не представлялось возможным. Слишком разрослись здания и не было леса для возведения огромных тепляков. По предложению главного инженера С. В. Семенова решили производить бетонирование без тепляков холодным способом.

Вновь перегруппировали наличные силы, закрепив их за строительными объектами первой важности. Лучшие рабочие-ударники направлялись на более трудные участки. Общее руководство зимним бетонированием было поручено начальнику первого участка инженеру Гагарину.

В конце ноября при 30-градусном морозе начались работы. Главный инженер С. Семенов в «Челябинском рабочем» писал: «На безумном ветру плотники и арматурщики возводят опалубку, каркас. Шаг за шагом, метр за метром укладывается бетон. Растут корпуса». А вслед затем началась другая сложная работа: нужно было замороженный бетон оттаять и дать ему конструктивную крепость. Для этого возводились временные переносные затепления, устанавливались железные печи. И так по частям корпуса оживали, становились пригодными для принятия нагрузок.

В 1931 году ферросплавный завод превратился в пусковой объект ЧЭМК. В конце января начало поступать заграничное оборудование. Все силы были брошены на его монтаж.

Как только прибыли механические конструкции, бригада Калашникова начала их монтаж, не дожидаясь приезда консультантов заграничной фирмы. Действовали монтажники с большим энтузиазмом. И когда в феврале приехали специалисты фирмы «Сименс — Шуккерт», мехмонтаж первых печей был выполнен на 80 процентов. Иностранцы проверили все до мелочей и нашли, что работа проведена хорошо, в соответствии с техническими нормами. Но вскоре в работе настал перерыв. Ленинградский порт замерз и заграничные грузы были переадресованы на Мурманск. А этот порт, заваленный грузами, не был приспособлен для выгрузки огромного оборудования.

Только в конце апреля возобновилось поступление материалов. В мае они пошли полным потоком. ВСНХ вынес постановление: пустить завод 15 июля. Наступило время горячих монтажных работ. Давались очень сжатые сроки, а оборудование было сложное и почти полностью неизвестное. Опытных монтажников было мало. Но помог энтузиазм.

Главный механик инженер Г. Дунаев, начальник монтажа инженер Г. Павлов вместе с мастерами Сивковым, Катаджаном, Печенкиным дни и ночи проводили на монтаже. Приближался срок пуска завода, а некоторые важные детали электропечи не прибывали. Не было, например, контроллеров. Выход из трудного положения предложил мастер Сивков. Изменили схему регулирования печи и вместо контроллера поставили кнопочное

управление. Не поступали дозаторы, необходимые для определения весовых частей шихты. Инженер Г. В. Павлов изобрел для временного пользования простейший дозатор. При испытании он показал хорошие результаты.

Так, преодолевая все препятствия, полностью смонтировали печи № 5 и 6, 15 июля эти печи вступили в эксплуатацию. Через 10 дней были пущены огромные ферросилициевые печи № 2 и 3. А 10 августа приняли ток печи № 1 и 4. В этот день все семь печей действовали одновременно.

Официальный пуск Челябинского ферросплавного завода состоялся 25 июля 1931 года. Этот день был праздником не только для ЧЭМК и Челябинска, но и для всей страны. Ведь начинал действовать первый в Советском Союзе завод ферросплавов. Еще в одной важнейшей отрасли индустрии мы завоевали независимость от иностранных государств.

С завершением строительства ферросплавного завода главные усилия коллектива были переключены на создание заводов алундово-абразивного производства. В составе алундового завода предстояло построить шихтовый двор, главный корпус, эстакаду и копер, склад алунда, механическую мастерскую и дерево-сушилку. Абразивный завод состоял из мельницы, главного корпуса, лабораторий, электроподстанции, шамотного цеха и складов. К моменту пуска оба предприятия были объединены в единый завод с двумя цехами — алундовым и абразивным.

Подготовительные работы к строительству всех этих сооружений начались летом 1930 года. Однако основное строительство было осуществлено в два последующих сезона. Администрация ЧЭМК направила на эти объекты лучших строителей. Партийная организация, стройком профсоюза и ячейка ВЛКСМ повели работу по организации социалистического соревнования. Лучшими ударниками на строительстве абразивного завода среди бригадиров и рабочих были признаны: Попков на бетонировании, Арбузов и Дудин на плотничьих, а Быстров на стекольных работах. Лучшими организаторами стройки были инженеры Мариупольский, Гагарин и Струнский.

Хотя передовые строительные бригады показывали прекрасные результаты в работе, все же сооружение важного для страны предприятия шло медленно. Стройке хронически не хватало рабочей силы, особенно квалифицированных строителей, часто случались перебои в поступлении строительных материалов. Наркомат тяжелого машиностроения, Уральский обком ВКП(б), Челябинский горком партии неоднократно обсуждали ход строительства завода и оказывали помощь коллективу. Так, в июне 1932 года приказом по Наркомату строительству выделялись дефицитные строительные материалы, высоковольтный кабель и т. д.¹

¹ ПАЧО, ф. 221, оп. 2, л. 3, л. 11.

В 1932 году работы по созданию основных цехов первой очереди были закончены. Во второй половине года начался монтаж оборудования. С первых дней 1933 года производились перепуск агрегатов и настройка их на выпуск продукции.

О времени и результатах пробной плавки в газете «Челябинский рабочий» сообщалось: «Первого января 1933 года первая электропечь Челябинского алундового завода выдала 5 тонн советского алунда. Проба дала хорошие результаты. В процессе плавки принимали участие инженеры — Мещеряков, Мокеев, помощник начальника цеха Дуркин, мастера плавильщики Филиппов и Петров, бригадиры плавильщики — Стариков, Алексеев, Бахарев»¹.

В постоянную эксплуатацию первая алундовая печь вступила 10 февраля 1933 года. А 20 марта начали действовать все пять электропечей алундового цеха. Абразивный цех начал формовку и обжиг точильных и шлифовальных кругов во второй половине июня². Таким образом, в середине 1933 года обе части Челябинского абразивного завода начали действовать.

Однако официальный пуск завода задержался еще на несколько месяцев. Летом 1933 года в Челябинск приезжал Нарком тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе. Посетив ЧЭМК, он нашел хорошей работу ферросплавного завода и плохой работу абразивного. Нарком особенно отметил неблагоустроенность заводской территории и распорядился не принимать от строителей завод до тех пор, пока не будет наведен полный порядок на предприятии и на его территории.

Официальный пуск Челябинского абразивного завода состоялся в канун XVI годовщины Октябрьской революции. 6 ноября 1933 года рабочий день на заводе продолжался до 2 часов. А после этого состоялся торжественный митинг и обед на три тысячи человек. Вечером в клубе «Сталь» проходило торжественное заседание. На празднике, продолжавшемся до 8 ноября, присутствовали делегации от завода «Ильич», от Златоустовского инструментального завода, от завода «Шарикоподшипник» и другие.

Ко времени официального пуска завод выработал 1930 тонн алунда и на 700 тысяч рублей готовых абразивных изделий. К концу 1933 года на заводе подобрался большой коллектив рабочих и служащих. Общее число работающих достигло 900 человек, из них 685 эксплуатационников. Коллектив возглавлялся парторганизацией из 57 коммунистов³.

В коллективе уже в это время выдвинулась группа передовиков, энтузиастов освоения нового производства. Лучшими из них были: плавильщики Агафонов и Еньков, электрик Барчук, мастер Гущин, инженеры Казанский, Дуркин и Мещеряков.

¹ «Челябинский рабочий», 1933, 2 января.

² ПАЧО, ф. 92, оп. 1, д. 302, л. 296.

³ ПАЧО, ф. 92, оп. 1, д. 205, л. 4.

Таким образом, в составе ЧЭМК был выстроен, укомплектован необходимыми кадрами и пущен крупный абразивный завод, равного которому не было в Европе.

После этого пусковым объектом ЧЭМК стал электродный завод, хотя в это же время строились феррохромовый завод, литейный цех комбината и другие вспомогательные предприятия.

Первая очередь завода, рассчитанная на выпуск угольных электродов, состояла из огромного корпуса, разделенного на две части. Первая часть предназначалась для приготовления электродной массы, а вторая — для прессовки электродов. Среди прочего оборудования здесь устанавливался пресс, работавший на давлении 400 атмосфер, достигавший нажима в шесть тонн. Это было в то время самым большим пределом не только в Советском Союзе, но и во всем мире. На таком прессе можно было изготовить электроды диаметром более метра и весом в три с половиной тонны. Угольный электрод таких размеров на мировых рынках стоил 1400, а графитированный — 2000 золотых рублей.

На сооружении всех этих объектов и было сосредоточено главное внимание полуторатысячного коллектива ЧЭМК. По плану партийной организации перегруппировали наличные силы строителей и механизмы.

Лучшие ударные бригады направили на первоочередные участки. Партийная организация, профсоюз и комсомол приступили к налаживанию соцсоревнования. С помощью Уралобкома ВКП(б) и Челябинского горкома партии принимались экстренные меры к обеспечению стройки дефицитными материалами и необходимым оборудованием. По призыву общественных организаций Челябинска тысячи рабочих, служащих, учащихся, домохозяйек города участвовали в субботниках и воскресниках по очистке заводской территории.

К осени 1934 года основные здания завода были выстроены, первоочередные механизмы смонтированы. Началось опробование агрегатов. В газете «Челябинский рабочий» за 21 октября сообщалось:

«На электродном заводе пущенный в эксплуатацию цех угольных электродов работает более двух недель. Цех изготовил 25 тонн электродов, которые загружены в обжигальные печи».

Позже газета информировала о том, что 25 октября Челябинский электродный завод выдал первые обожженные электроды. В этом же номере газеты помещалась фотография вновь построенного в системе ЧЭМК предприятия¹.

Начался длительный и очень трудный процесс освоения нового для нашей страны электродного производства. А строительный коллектив ЧЭМК возводил вторые очереди действующих заводов.

¹ «Челябинский рабочий», 1934, 28 октября.

Одновременно с заводскими корпусами рос и спланивался строительный коллектив ЧЭМК, повышали квалификацию и росли его люди. Так, крестьянский сын Петр Шакурин начал работать простым каменщиком. Потом, став бригадиром, проявил себя как организатор лучших ударных бригад.

Руководство стройки выдвинуло его на должность десятника. Здесь он также оказался умелым руководителем. Лучшим вожаком электромонтажных бригад был А. Ермолаев. Его бригаде поручались самые ответственные работы по монтажу электропечей и шин высокого напряжения. Бригада успешно выполняла ответственные задания и трижды получала самые большие премии.

Такими же квалифицированными строителями и организаторами бригад показали себя каменщик, профсоюзный активист Иван Зыбарев и арматурщик Геннадий Панков. Чернорабочим начинал свой путь на ЧЭМК Василий Рубцов. Позже он стал одним из лучших плавильщиков ферросплавного завода и много лет возглавлял здесь партийную организацию.

Глубоко прав был М. Горький, когда, приветствуя строителей ЧЭМК, писал: «Вашей мужественной работой доказываете всему трудовому народу, что рабочий может и умеет строить свое социалистическое государство. Строя ваши новые заводы, вы строите новую историю, создаете новых людей»¹.

Осенью 1931 года постановлением Президиума ЦИК СССР за выдающиеся заслуги по строительству и пуску ферросплавного завода группа руководителей и рабочих была награждена орденами. Награды получили: начальник строительства Н. Ф. Захаров, каменщик П. А. Шакурин, электрик А. С. Ермолаев, арматурщик Г. М. Панков и другие. Это были первые челябинцы, удостоенные орденов за ударный труд. Об орденосцах ЧЭМК и лучших ударниках других предприятий в докладе на IV городской партконференции говорилось: «Эти имена будут занесены в историю Челябинска, как образцы беззаветной преданности делу рабочего класса нашей страны»². После того, как заводы вступали в эксплуатацию, они выделялись из комбината и становились самостоятельными предприятиями. Комбинат же постепенно превращался в чисто строительную организацию. Когда были выстроены все запланированные очереди заводов ЧЭМК, в 1937 г. он перестал существовать.

В июне 1960 года ферросплавный, электродный и абразивный заводы были объединены в одно предприятие. Так совершилось второе рождение Челябинского электрометаллургического комбината. В настоящее время абразивный завод вновь выделен в самостоятельное предприятие.

¹ «Челябинский рабочий», 1931, 25 июля.

² ПАЧО, ф. 92, оп. 1, д. 79, л. 267.

ИЗ ИСТОРИИ ЧЕЛЯБИНСКОГО ИНСТИТУТА МЕХАНИЗАЦИИ И ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Шел 1930 год. Мировой экономический кризис до глубин потрясал капиталистические страны. А Советский Союз, не знающий кризисов, продолжал увеличивать промышленное производство. Ликвидируя вековую отсталость страны, советские люди с энтузиазмом возводили крупнейшие индустриальные предприятия. В числе их были заводы по производству тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин. Создавая все это, наша партия руководствовалась указанием В. И. Ленина, что «единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие»¹.

Коренные преобразования переживала и советская деревня. В селах проходила массовая коллективизация, ликвидировался последний эксплуататорский класс — кулачество. Социализм наступал на капиталистические элементы по всему фронту: в промышленности, торговле и в сельском хозяйстве.

Как и по всей стране, огромное строительство развертывалось на Урале и, в частности, в Челябинске. Крупнейшая в крае Челябинская ГРЭС находилась в предпусковом периоде, строился первый в Советском Союзе ферросплавный завод, закладывался крупнейший в мире завод по производству гусеничных тракторов. Начавшийся быстрый рост Челябинска предвещал превращение его в крупнейший индустриальный центр страны.

Одновременно с хозяйственным строительством в городе развертывалась сеть заведений по подготовке кадров. В 1930 году в Челябинске открылось 8 средних специальных учебных заведений. В них и в ранее созданном педагогическом техникуме осенью приступили к занятиям 1900 человек². В этом же году начал действовать первый вуз города.

Инициатива создания института принадлежит самим челябинцам. Пленум окружного комитета ВКП(б), проходивший 9 января 1930 года, в качестве первоочередного выдвинул воп-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 9.

² «Челябинский рабочий», 1930, 7 ноября.

рос о кадрах для заводов, совхозов и колхозов. В резолюции пленума говорилось: «Необходима в округе организация сельскохозяйственного института индустриального земледелия, новых школ ФЗУ при основных предприятиях»¹.

Так в документах появилась первая запись о создании в Челябинске сельскохозяйственного вуза.

Через два дня этот вопрос специально обсуждался на бюро окружкома партии. Было принято решение: «Просить Уралобком ВКП(б) и Облик об организации института индустриального земледелия на Урале в гор. Челябинске, в связи с чем обратиться в названные организации с докладной запиской...»²

В это время советское сельское хозяйство уже имело большое количество крупной техники. Тракторов в стране насчитывалось более 66 тысяч, были комбайны и другие машины. На Урале работало 2593 трактора. С каждым годом число машин резко возрастало. Вся эта техника нуждалась в научно поставленной эксплуатации и качественном ремонте, а для этого требовались квалифицированные специалисты. Поэтому в 1930 году в стране было открыто семь новых сельскохозяйственных вузов. Число их с 31 выросло до 38.

Ходатайство челябинцев также было удовлетворено. Через пять месяцев после обращения окружкома партии сообщалось, что окружные и областные организации окончательно решили вопрос об открытии в Челябинском округе института индустриального земледелия. Первоначально намечалось разместить его в Митрофановском совхозе³.

Директором института был назначен А. Я. Якобсон. 16 июня он подписал первый приказ по уральскому институту механизации сельского хозяйства. В приказе Д. Т. Парфентьев назначался помощником директора по административной части. На следующий день директор уехал в Москву, затем в Свердловск. Началась сложная работа по укомплектованию вуза.

Помощником директора по учебной работе был назначен Я. Я. Полиенко, начальником учебной части — Сорокин, заведующим производственным обучением — Ф. Р. Меньшиков. Рабфаком заведовал В. Ф. Рябов, а учебной частью — А. Л. Никитин. Бухгалтерию возглавил И. М. Шинявский, а первыми библиотечными работниками были М. В. Размахова и З. В. Преображенская.

Первыми преподавателями были зачислены: М. В. Максимов — преподаватель, доцент по физике, В. Ф. Карелин — преподаватель, доцент по математике, Д. И. Демидов — ассистент по политэкономии, затем Е. С. Кочеткова, И. И. Забелло, П. И. Забелло, П. В. Брагин и другие.

¹ «Челябинский рабочий», 1930, 21 января.

² ПАЧО, ф. 75, оп. 1, д. 635, л. 194.

³ «Челябинский рабочий», 1930, 10 июня.

Эти руководители и педагоги подготовили все необходимое, чтобы начать учебный процесс в институте.

Укомплектовать вуз необходимым составом студентов было в то время сложной проблемой. Мало было рабочих и крестьян, подготовленных для занятий в высших учебных заведениях. А они должны были составлять в числе принятых не менее 80 процентов. К тому же руководители предприятий с трудом отпускали на учебу хороших, грамотных работников.

В газете «Челябинский рабочий» систематически помещались материалы о ходе подготовки института к занятиям и, в частности, о наборе студентов. Статьи часто имели такие тревожные заголовки: «Первый вуз Челябинска на положении пасынка», «Институт без студентов и преподавателей». В одной корреспонденции рассказывалось, что на строительство Челябинской ГРЭС и железнодорожный узел вербовщики не были допущены. Им заявили: «Мы не разрешим оповещать рабочих об открытии института и вербовать их в число учащихся, потому что не хотим терять квалифицированных рабочих». Статья призывала общественные организации Челябинска помочь вузу укомплектоваться «классово-выдержанным пролетарско-колхозным составом учащихся»¹.

Призыв газеты был для того времени весьма актуальным. Классовая борьба, проходившая в стране, отражалась на институте. Под видом рабочих и колхозников в среду студентов стремились проникнуть дети белогвардейцев, торговцев, кулаков.

Наконец, в газете сообщалось, что институт укомплектован. Подано более 400 заявлений. В число студентов зачисляется не 300, как планировалось раньше, а 220—250 человек. Среди принятых будет 79 процентов рабочих, батраков, колхозников. Коммунисты и комсомольцы составят 62 процента².

В институт принимали без вступительных экзаменов. Принятые имели самое различное образование. Одни закончили 9-летнюю школу II ступени, другие ФЗУ на базе семилетки, третьи — семилетку и курсы по подготовке во ВТУЗ. Среди парттысячников были люди с 5—6-классным образованием. По возрасту студенты первого набора также весьма отличались друг от друга. Рядом с 17-летними юношами учились отцы семейств в 35 и более лет.

17 сентября 1930 года в институте состоялось первое партийное собрание. На нем присутствовало 23 коммуниста и 25 комсомольцев. На собрании была оформлена партийная ячейка, избрано бюро из 5 человек. Секретарем партийного бюро стал студент-парттысячник А. Караваев. Так как до начала занятий оставалось еще более десяти дней, то партийное собрание при-

¹ «Челябинский рабочий», 1930, 6 сентября.

² «Челябинский рабочий», 1930, 19 сентября.

няло решение проводить субботники в помощь промышленным предприятиям города и организовать бригаду по хлебозаготовкам¹. С первых своих шагов парторганизация брала правильную установку на соединение учебы с активным участием коллектива в общественной работе и производственной деятельности.

В последующие недели в институте были оформлены все общественные организации. Первым председателем комитета профсоюза был В. Морозов, секретарем бюро ВЛКСМ — Г. Устьянцев, редактором газеты — Д. Рожков.

Городские организации отвели институту необходимые помещения. Все иногородние студенты были обеспечены общежитием. Была открыта студенческая столовая. Для учебных целей отводились два этажа в доме 38 по улице Красной (на третьем этаже размещался педтехникум) и дом 11 по улице Цвиллинга, где помещалась дирекция института, а во дворе были оборудованы столярная и слесарная мастерские для производственного обучения. Почти все работы по оборудованию помещений производились силами студентов и преподавателей.

Наступило 1 октября 1930 года — день торжественного открытия института. Партийные, советские, профсоюзные, комсомольские организации города прислали поздравления «пролетарской кузнице кадров», а газета «Челябинский рабочий» отвела этому событию целую страницу. В институте состоялось торжественное заседание. Открывая его, директор А. Я. Якобсон сказал: «Мы обеспечим выпуск из стен института не просто инженеров, а инженеров-политиков, инженеров-общественников». О задачах своего вуза говорил студент С. Смирнов: «Мы дадим деревне новых пахарей не с плугом, а с машиной. Эти пахари сравняют с землей старую деревню и построят новую — без кулака, без темноты и бедности».

В этот день 230 студентов института и 288 учащихся рабфака приступили к занятиям². Первый в городе Челябинске вуз начал подготовку специалистов для социалистического сельского хозяйства.

¹ ПАЧО, ф. 92, оп. 1, д. 15, л. 75.

² «Челябинский рабочий», 1930, 7 ноября. В брошюре «Челябинский институт механизации сельского хозяйства — участник ВСХВ» день открытия института и число приступивших к занятиям студентов указаны неправильно.

*Е. С. БЕЛОГЛОВСКИЙ,
Я. Ш. БЕЛОГЛОВСКИЙ*

ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗВИТИЯ РАЦИОНАЛИЗАТОРСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ПРЕДПРИЯТИИ (1959—1965 гг.)

Челябинский ордена Трудового Красного Знамени металлургический завод — предприятие, отметившее недавно свое двадцатисемилетие. За эти годы завод стал одним из крупнейших в стране производителей качественного металла. Он оснащен передовой техникой, имеет устойчивые кадры рабочих, а также инженерно-технических работников.

На заводе широкий размах получила рационализаторская деятельность.

Для детального изучения постановки этого дела мы избрали обжимной цех № 2. Коллектив его в течение ряда лет занимает одно из первых мест на заводе по рационализации. Сравним годы: 1959 и 1965 — первый и завершающий годы семилетки. В основу изучения положены цеховой журнал учета рационализаторских предложений, документы цеховой организации ВОИР, отдела кадров и другие материалы¹.

Вот таблица, характеризующая участие рабочих в рационализаторском движении в 1959—1965 годах (табл. 1).

Таблица показывает, что в 1965 году, по сравнению с 1959 годом, количество рационализаторских предложений, принятых к внедрению от рабочих, сократилось почти в три раза. Причем от рационализаторов до 28 лет предложений не поступило. Это объясняется объективными причинами — в цехе средний возраст работающих составил 35 лет; большинство молодежи, приходившей в цех, принималось на инженерно-технические должности.

Все рабочие-рационализаторы (22 человека в 1965 году) — высококвалифицированные специалисты своего дела. Из них работало: по 6-му разряду — 1 чел., 7-му разряду — 7 чел., 8-му разряду — 13 чел., 10-му разряду — 1 чел. Низок образовательный уровень рационализаторов. В числе рабочих-рационализаторов почти половина не имела даже среднего образования (в 1959 год — 56 процентов, 1965 — 45,5 процента имели неполное среднее образование).

¹ В подсчетах мы учитывали принятые к внедрению и внедренные предложения, внесенные только работниками обжимного цеха № 2 в исследуемые годы.

Таблица 1

Участие рабочих обжимного цеха № 2 Челябинского
металлургического завода в рационализаторском движении

Годы	Количество предложений, принятых к внедрению и внедренных	Экономи- ческий эффект, руб.	Возраст авторов		В том числе члены КПСС или ВЛКСМ	Образование		
			до 28 лет	старше 28 лет		высшее	среднее	непол- среднее
1959	25 64	2676 6692	16	39	10 8	2 1	9 12	5 26
Всего	89	9368	16	39	18	3	21	31
1965	14 17	1572 2764		10 12			12	10
Всего	31	4336		22			12	10

С большей экономической эффективностью оказались предложения рабочих со средним образованием — в 1965 году они дали почти в два раза больший эффект, чем предложения, поданные рабочими с неполным средним образованием.

Деятельное участие в рационализаторском творчестве в цехе принимают инженерно-технические работники (табл. 2).

Таблица 2

Участие инженерно-технических работников обжимного цеха
Челябинского металлургического завода в рационализаторском движении

Годы	Количество предложений, принятых к внедрению и внедренных	Экономи- ческий эффект, руб.	Возраст авторов		В том числе члены КПСС или ВЛКСМ	Образование		
			до 28 лет	старше 28 лет		выс- шее	сред- нее	непол- сред- нее
1959	7 65	3184 52666	2	22	1 12	1 14	1 6	2
Всего	72	55850	2	22	13	15	7	2
1965	121	76952		18	7	10	8	

Таким образом, в 1965 году, по сравнению с 1959 годом, количество внедренных предложений выросло почти на 68 процентов, а экономический эффект от них почти на 38 процентов. Все рационализаторы ИТР имели высшее и среднее образование. Но среди них, как и среди рационализаторов-рабочих, в 1965 году совсем не было молодежи до 28 лет.

В 1965 году принятые от инженерно-технических работников

к реализации предложения были более эффективны — они дали на 16 070 рублей больше, чем в 1959 году.

Однако низки другие показатели — в 1965 году по сравнению с 1959 годом несколько сократилось количество внедренных предложений и рационализаторов стало почти вдвое меньше.

Это объясняется, с одной стороны, возросшей требовательностью к качеству внесенных предложений (немалое количество их было отклонено в 1965 году), а с другой, недостатками организаторской и пропагандистской работы — в цехе не проведено ни одного методического семинара с рационализаторами, не был организован обмен опытом рационализаторской работы.

Выводы напрашиваются сами собой. Нужна повседневная кропотливая работа общественных организаций, которая стимулировала бы развитие рационализаторской мысли, способствовала, в частности, активному вовлечению молодежи в это важное дело.

Добиваясь главного в рационализаторском движении — экономической эффективности от внедрения рационализаторских предложений, следует кропотливо и настойчиво поднимать абсолютную численность рационализаторов и количество поданных и принятых к внедрению предложений. В этом — залог массовости рационализаторского движения, активной борьбы трудящихся за усовершенствование производства на всех его участках.

*С. Г. ЛИВШИЦ,
Е. С. БЕЛОГЛОВСКИЙ*

РОЛЬ СТРАН АНТАНТЫ В УСТАНОВЛЕНИИ ДИКТАТУРЫ КОЛЧАКА В СИБИРИ

Утром 18 ноября 1918 года в Омске был совершен переворот. Вице-адмирал Колчак, ликвидировав власть Директории, провозгласил себя «верховным правителем» России.

Установление диктатуры Колчака — ставленника Антанты — было вызвано тем, что Директория явно не оправдала надежд, которые возлагались на нее внутренней контрреволюционной и иностранными интервентами. Несмотря на то, что к осени 1918 года три четверти территории Советской России находилось в руках белогвардейских генералов и интервентов, молодая Советская Республика быстро превращалась в мощный военный лагерь. Под руководством Центрального Комитета большевистской партии и Советского правительства, возглавлявшихся В. И. Лениным, были образованы Совет Оборона и Реввоенсовет Республики, завершалась работа по созданию фронтов и основных армейских группировок. Налаживалась военная промышленность, увеличивалось производство оружия и снаряжения, неуклонно повышалась производительность труда на военных предприятиях.

Все это дало возможность войскам советского Восточного фронта перейти в наступление и в сентябре — октябре 1918 года освободить Красноуфимск, Сызрань, Казань, Симбирск, Вольск и Самару.

Поражения белогвардейщины заставили Антанту еще активнее вмешаться в русские дела.

Как известно, иностранная военная интервенция преследовала далеко идущие цели. В первую очередь, ставилась задача свергнуть Советскую власть и реставрировать старые порядки в стране, вернуть национализированные банки, фабрики и заводы, аннулированные займы иностранным владельцам. Они жаждали по-прежнему грабить богатства и эксплуатировать народы России. Иностранные империалисты лелеяли планы расчленения России и превращения ее в свой колониальный придаток.

Империалисты стран Антанты боялись, что примеру русских рабочих и крестьян последуют трудящиеся их государств, поэтому, по словам В. И. Ленина, они делали все возможное, «чтобы потушить пожар социалистической революции, начавшийся у нас и все более грозящий перекинуться на весь мир»¹.

С выходом России из империалистической войны значительно усилились антивоенные настроения во всех воюющих странах. Поэтому интервенция имела также целью заставить Россию продолжать поставлять на фронт «пушечное мясо» и подавить повсеместно начавшееся движение за прекращение войны.

Официальный предлог для интервенции вообще и в частности на Дальнем Востоке и Сибири был сформулирован в постановлении Верховного совета Антанты 2 июля 1918 года. Союзники заявляли о своем желании восстановить Восточный фронт на линии Волги, оказать помощь чехословакам, предотвратить изоляцию России от Западной Европы и не допустить снабжения Германии из районов Сибири и Дальнего Востока². Если бы эти чисто военные соображения являлись действительной причиной интервенции, то она прекратилась бы сразу же после окончания первой мировой войны. Однако, как известно, после поражения Германии интервенция усилилась.

Реакционные правители стран Антанты использовали часть войск, ранее скованных на фронтах военных действий, и соответствующие военные ресурсы для энергичной борьбы с Советской властью. Одновременно они развернули бурную деятельность по консолидации и вооружению белогвардейских сил. Так, только Колчаку было передано более 700 тысяч винтовок, свыше 3 тысяч пулеметов, около 600 орудий, несколько десятков самолетов. Главным арсеналом колчаковской армии являлись Соединенные Штаты Америки³. В. И. Ленин указывал, что белогвардейцы смогли развязать жестокую гражданскую войну «только благодаря помощи Антанты...»⁴.

Настоящая статья, написанная на основе архивных материалов, русской и иностранной мемуарной и исторической литературы, исследует, в первую очередь, внутреннюю борьбу в стане интервентов и белогвардейцев, связи Антанты с различными белогвардейскими группировками, события, которые привели к установлению в Сибири режима кровавой диктатуры Колчака. Исследование этих вопросов, на наш взгляд, необходимо для детального научного изучения истории гражданской войны и интервенции.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 39.

² Советско-американские отношения, 1919—1933. М., Изд. НКВД, 1934, стр. 15—16.

³ Берхин И. В. История СССР. Изд. «Высшая школа», М., 1966, стр. 128.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 51.

Омскому перевороту предшествовала длительная борьба за власть между различными группировками сибирской контрреволюции. К этому времени с помощью белочехов возникли Самарский комитет членов учредительного собрания (Комуч), Уральское областное правительство, правительство автономной Сибири, Харбинское правительство генерала Хорвата (начальника КВЖД, задолго до Колчака объявившего себя «верховным правителем») и ряд других самозванных «правительств». Все они, ведя борьбу за «власть державную», готовы были перегрызть друг другу глотки.

Успехи молодой Красной Армии, освободившей от белогвардейцев и белочехов в сентябре—октябре 1918 года большую часть Поволжья,—с одной стороны, и давление иностранных консулов, обещавших признать единое белогвардейское правительство в Сибири и оказывать ему всяческую помощь,—с другой стороны, заставили лидеров «областных», как их тогда называли, правительств сделать попытку к консолидации своих сил. С этой целью в Уфе созывается «государственное совещание», проходившее с 8 по 23 сентября 1918 года совместно с представителями многих местных правительств и бежавшими на Восток членами Учредительного собрания. После длительной взаимной грызни за портфели участники совещания решили образовать верховную власть в виде Директории из 5 человек. В состав ее вошли правые эсеры Авксентьев (ставший премьером) и Зензинов, кадеты Виноградов и Вологодский и беспартийный генерал-лейтенант Болдырев, являвшийся главнокомандующим белогвардейскими войсками.

Вскоре Директория перебирается подальше от линии фронта, в Омск. Но здесь она сталкивается с конкуренцией Сибирского правительства, которое возглавлял член Директории Вологодский. «Сибиряки», как именовали себя члены этого правительства, не признавали примата Директории.

Бессилие Директории объяснялось тем, что она оказалась между двух огней. Трудовое население Урала, Сибири и Дальнего Востока с самого начала враждебно отнеслось к Директории, видя в ней, как и в других белогвардейских правительствах, одну из форм реставрации ненавистных старорежимных порядков. Одновременно эсеро-меньшевистская, мелкобуржуазная по своей классовой сущности Директория не встретила поддержки со стороны бежавшей в восточные районы страны крупной русской буржуазии, помещиков, офицерства, жаждавших установления крепкой власти в форме военной диктатуры.

Директория к тому же не пользовалась авторитетом у правительств стран Антанты и их дипломатических и военных представителей в Сибири. По свидетельству генерала Болдырева,

консул США в Омске Джемсон при первой же встрече стал ему выговаривать за сотрудничество с эсерами, предлагать свои советы и даже американского генерала для организации крепкой власти. Эмиссар английского правительства в Сибири генерал Нокс, прибывший в конце октября 1918 года в Омск, откровенно игнорируя «премьера» Авксентьева, вел переговоры лишь с военными и настойчиво искал роли диктатора кого-нибудь из белогвардейских генералов¹.

Идея образования в России зависимой от Антанты военной диктатуры вынашивалась интервентами задолго до образования Директории. Французский подполковник — разведчик Пишон, разрабатывавший планы превращения Сибири в российскую Вандею, утверждал в своем докладе начальству, что лишь диктатура может спасти Россию от большевизма, а диктатор будет лишь манекеном, «которому мы же придадим ореол великого человека», потому что «то или иное (белогвардейское — С. Л., Е. Б.) правительство может существовать лишь до тех пор, пока мы будем его признавать и оказывать ему поддержку»².

В Вашингтоне, Париже и Лондоне на роль марионетки-диктатора дебатировались кандидатуры генералов Алексеева, Болдырева и вице-адмирала Колчака³. Но престарелый Алексеев, бывший начальник штаба при ставке Николая II в Могилеве в 1914—1917 годах, находился далеко на юге (где умер осенью 1918 года), Болдырев, с точки зрения организаторов интервенции, подмочил свою репутацию сотрудничеством с эсерами, да и его недворянское происхождение не импонировало ни заправилам Антанты, ни генералитету белой армии. Зато вице-адмирал Колчак подошел по всем статьям (хотя он, по словам французского генерала Жанена, командовавшего войсками интервентов в Сибири, имел весьма ограниченное представление о сухопутных войсках, стратегии и тактике военных действий на суше).

Почему же интервенты и белогвардейцы остановили свой выбор на кандидатуре Колчака? Ведь он, в отличие от генералов Иванова-Ринова, Гришина-Алмазова, Степанова, находясь в то время в Соединенных Штатах Америки, не принимал участия в организации белочешского мятежа и в других антисоветских восстаниях первой половины 1918 года. В Сибири Колчак не имел тесных связей в военных кругах. Большинству офицеров и солдат сухопутных частей белой армии имя Колчака — офицера флота — ничего не говорило. Но именно то обстоятельство, что Колчак являлся чужаком в Сибири, что у него, особенно на пер-

¹ Болдырев В. Г. Директория, Колчак, интервенты. Сибкрайиздат. Новоиколаевск, 1925, стр. 67, 79, 83.

² Союзническая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири. Доклад Пишона. М.-Л., 1925, стр. 17, 55.

³ См. Bradley J. F. N. L'Intervention française en Sibirie. 1918—1919. ("Revue historique". Т. 234. Octobre — Décembre, 1965, p. 379).

вых порах, не было там ни личных связей, ни прочной социальной опоры, и привлекло к нему внимание интервентов. Они определенно исходили из того, что чем слабее будут позиции Колчака, тем большей станет зависимость его от них, тем послушнее он будет. Однако это далеко не единственный фактор, определивший выбор интервентов.

Колчак сделал довольно быструю карьеру еще в довоенное время благодаря тому, что являлся ярым, но гибким, умеющим приспособливаться к любым условиям реакционером-монархистом, сторонником установления в армии и флоте железной дисциплины. Интервентам, мечтавшим создать в своих целях белую армию «без комитетов и комиссаров» и «под полным офицерским контролем»¹, тут было явно с ним по пути.

В руководящих кругах Антанты знали, что Колчак, командуя с 1916 года Черноморским флотом, не сумел добиться ни одной крупной победы над германо-турецким флотом в Черном море. Но зато — и это записывалось в актив Колчаку — он, в отличие от своих коллег на Балтике, более успешно вел борьбу с революционным движением на Черноморском флоте. В то время, как после Февральской революции Балтийский флот быстро стал одним из важнейших центров революционного движения, Черноморский флот довольно долго еще оставался сравнительно спокойным, матросы подчинялись офицерам, и Колчак за это даже получил в апреле 1917 года благодарность от Временного правительства.

Правда, и на Черноморском флоте действовал Совет. Но он являлся эсеро-меньшевистским, в него входили в основном офицеры (в том числе полковник Верховский, ставший вскоре военным министром в правительстве Керенского), и он был послушным орудием в руках Колчака, которому докладывались все решения Совета. С помощью этого Совета адмирал сколотил так называемую «Черноморскую делегацию» из 300 человек, которая в конце весны 1917 года была командирована на Балтику и Западный фронт с целью пропаганды идеи «войны до победного конца».

В борьбе против революционного движения и роста большевистского влияния на флоте Колчак использовал, в частности, опытных митинговых ораторов из числа меньшевиков-оборонцев. Да и сам адмирал, который еще несколько месяцев назад не снисходил до какого-либо прямого общения с матросами, весной 1917 года часто выступал перед командами боевых судов и рабочими портов в Севастополе и Одессе².

Английскому премьер-министру Ллойд-Джорджу и президенту США Вильсону, которые сами были мастерами социальной

¹ Из декларации Нокса, октябрь 1918 года. Цит. по кн. Болдырева В. Г. «Директория, Колчак, интервенты», стр. 524.

² «Донос Колчака», Л., 1925, стр. 75.

демагогии, не могли не импонировать такие маневры Колчака, направленные на тушение революционного пожара в России. С их точки зрения кандидат в диктаторы должен был уметь действовать и кнутом и пряником!

В мае — июне 1917 года влияние большевиков на Черноморском флоте значительно усилилось, несмотря на все ухищрения Колчака, а также Керенского, объехавшего многие суда Черноморского флота и тщетно добивавшегося «порядка» и сохранения Колчака на посту командующего флотом.

В июне революционные матросы с позором изгнали Колчака из флота, и его взял в Петрограде под свою опеку Керенский. В столице Колчак связался с представителем военно-морской миссии США адмиралом Гленоном и принял его предложение поехать в Соединенные Штаты Америки в командировку, якобы для «обмена опытом».

Этот вояж сыграл решающую роль в дальнейшей судьбе адмирала — его встречи с представителями правительств и верховного командования США и Англии во многом предопределили выбор Антантой, в будущем, своего ставленника в Сибири.

Посетив Англию по пути в США, Колчак встретился с ответственными руководителями адмиралтейства, но обсудил с ними вопросы не столько морского, сколько политического характера. Первый лорд адмиралтейства адмирал Джелико, начальник английского морского штаба Холль и Колчак пришли к общему заключению, что России «может спасти только диктатура»¹.

В США президент Вильсон детально интересовался взглядами Колчака на внутриполитическое положение в России и был вполне удовлетворен его заявлениями, что «революция мешает воевать», что для удушения ее нужна диктатура, опирающаяся на армию, в которой офицерский состав состоял бы из истинных представителей «военного сословия», сторонников железной дисциплины, что он, Колчак, и его сторонники вступят в борьбу с революцией и «постараются ее уничтожить»².

Империалистам Антанты и законам Соединенных Штатов Америки такой человек, как Колчак, нужен был в России, и они в конце первой декады ноября 1917 года отправили его туда через Тихий океан на японском пароходе. В день его отъезда в американских газетах появились первые сообщения об Октябрьской революции в России.

Адмирал, прибыв в Иокогаму, направился к английскому послу в Японии и просил его передать в Лондон ходатайство о принятии его, Колчака, «в английскую армию на каких угодно

¹ «Допрос Колчака», стр. 94.

² Центральный Государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (в дальнейшем — ЦГАОР), фонд МИД Омского правительства. Дневник Колчака (рукопись), стр. 99—100, 106—107.

условиях»¹. Нанимаясь на английскую службу, он рассчитывал с помощью Великобритании уничтожить большевизм и восстановить «законное правительство». Согласие в Лондоне дали. Адмирал был направлен на русский Дальний Восток с задачей сколотить там контрреволюционные воинские части. В начале апреля 1918 года он прибыл в Пекин. Здесь, в резиденции бывшего царского посла в Китае князя Кудашева, он участвовал в совещании, на котором присутствовал начальник КВЖД генерал Хорват, представители Русско-Азиатского банка Путилов, Гойер и другие. В повестке дня стоял один вопрос: организация вооруженных отрядов для активной борьбы с Советской властью. Для этого решили организовать двадцатитысячный корпус «добровольцев». На его содержание запланировали огромную сумму, причем только из средств КВЖД по одному миллиону рублей в месяц. Совещание назначило Колчака заместителем Хорвата и начальником вооруженных сил КВЖД.

Адмирал развил бурную деятельность по сколачиванию белогвардейских банд и их вооружению. Эти банды, состоявшие из контрреволюционного офицерства, зажиточного амурского казачества и разного рода деклассированных элементов, занимались, однако, не охраной КВЖД, а борьбой с революционными силами Дальнего Востока. Они зверски расправлялись с представителями местных Советов, истребляли интеллигенцию, в частности, учителей.

Ставленник империалистов Антанты Колчак, с ведома и согласия своих покровителей, хотел подчинить себе все белогвардейские силы Дальнего Востока. Но тут он потерпел жестокое поражение. Казачьи атаманы Семенов и Калмыков, ставленники Японии, по указке из Токио не пожелали подчиниться Колчаку. Они грабили склады с оружием, принадлежавшие его отрядам, переманивали к себе колчаковских офицеров. В результате сколоченные адмиралом два полка стали распадаться. В связи с этим у Колчака несколько раз были бурные стычки с Семеновым и его покровителем японским генералом Накашима, кончившиеся тем, что адмирал по требованию Японии в июле 1918 года подал в отставку. Для японских империалистов, мечтавших в той или иной форме превратить русский Дальний Восток в свою колонию, Колчак был *persona non grata*, ибо он являлся ставленником конкурирующих с Японией держав — Англии, США и Франции.

Колчак, оказавшись не у дел, отправился в Японию, точнее, в японский генеральный штаб оправдываться, что он вовсе не японофоб, что он и не думал добиваться изгнания японцев из пределов России. Руководители японского генштаба генералы Ихара и Танака дали понять Колчаку, что он потерпел фиаско

¹ «Допрос Колчака», стр. 100.

потому, что держался слишком независимо от Японии, но его объяснения были приняты как извинение. Незадачливому адмиралу намекнули, что его возвращение на русский Дальний Восток нежелательно и ему рекомендуют оставаться на некоторое время в Японии под предлогом отдыха и лечения.

В Японии к Колчаку явился английский генерал А. Нокс, которому правительство Англии поручило совместно с британским дипломатом Е. Эллиотом, назначенным в Омск «высоким комиссаром», организацию сильного диктаторского правительства в Сибири и выбор кандидатуры диктатора. Убедившись, что их взгляды на установление диктатуры в России совпадают, Нокс без труда уговорил адмирала вернуться в Сибирь, пообещав ему всяческую поддержку¹. Английские империалисты спешили с назначением Колчака на пост диктатора главным образом потому, что фронт и тыл белых начали трещать под ударами Красной Армии и партизан. К тому же они хотели опередить своих союзников — французов, пославших в Сибирь своего генерала Жанена с аналогичным поручением подобрать подходящего диктатора, конечно, подходящего для Парижа, а не для Лондона или Вашингтона.

Впоследствии на допросе в Иркутске в январе — феврале 1920 года Колчак рассказал: «Я с ним (Ноксом — С. Л., Е. Б.) условился принципиально, что создание армии должно будет идти при помощи английских инструкторов и английских наблюдающих организаций, которые вместе с тем будут снабжать ее оружием»².

Нокс явно мог поздравить себя с успехом: если Колчак станет диктатором, то он будет в большой зависимости от Англии, которая будет контролировать его армию³.

В мемуарах английского полковника Джона Уорда, который близко сошелся с Колчаком и немало содействовал его возвышению, совершенно определенно утверждается, что Колчак никогда бы не отправился в Сибирь, никогда бы не смог стать во главе русского правительства без постоянной поддержки союзников, «он получил самые категорические обещания о искренней помощи и немедленном признании со стороны союзников, прежде чем принял на себя обязанности главы Омского правительства»⁴.

---

¹ См. Général J. Rouquerol, L'Aventure de l'amiral Koltchak. Paris, 1929, p. 44—45.

² «Допрос Колчака», стр. 140.

³ Еще во время Уфимского совещания, на котором была избрана Директория, представитель Англии добивался назначения Колчака на пост военного и морского министра. См. кн.: Драгомирецкий В. С. Чехословаки в России. 1914—1920. Париж — Прага, 1928, стр. 82.

⁴ Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири, 1918—1919 гг. ГИЗ. Москва — Петроград, 1923, стр. 25—26.

Вскоре, после прибытия в Омск, Колчак был введен в состав правительства Директории в качестве военного министра. Он должен был заниматься, согласно договоренности с главнокомандующим белой армией в Сибири генералом Болдыревым, организацией и снабжением белогвардейских частей. Но как показали события, адмирал и не собирался заниматься этим делом. Пост военного министра он рассматривал только как трамплин к диктаторской власти. Под предлогом выяснения нужд фронтовых частей Колчак 9 ноября 1918 года выехал на фронт специальным поездом, охраняемым английским отрядом под командованием Уорда. Официально этот отряд направлялся в прифронтовую полосу с целью символизировать единство белогвардейцев, белочехов и английских интервентов.

На Лысьвенском участке фронта Колчак совещался с генералами Пепеляевым, Гайдой и другими. Они быстро пришли к соглашению, и Колчак спешно отправился в Челябинск для переговоров с командованием южного участка фронта. «В 5 часов пополудни (15 ноября — С. Л., Е. Б.), — пишет Уорд, — меня уведомили, что совещания окончены и что есть неотложные причины для нашего немедленного возвращения в Омск»¹.

Спешное возвращение Колчака в Омск было вызвано, во-первых, тем, что он намеревался использовать успешные переговоры с большинством белых генералов для немедленного переворота. Во-вторых, всякая задержка привела бы к тому, что сведения о заговоре стали бы известны членам Директории, в частности генералу Болдыреву, который как раз в это время выехал из Омска в Челябинск для инспектирования фронта. Большинство белогвардейских офицеров и генералов были убежденными монархистами, поэтому на посту диктатора их вполне устраивала фигура Колчака — яркого реакционера и монархиста, которого к тому же всемерно опекали интервенты, гарантировавшие ему активную поддержку. Уорд не без оснований писал, что «ни совет министров, ни сам Колчак не могли принять окончательного решения, пока у них не было полного представления о позиции Британии в этом вопросе»².

Причины избрания Колчака в диктаторы белогвардейцами и интервентами весьма точно сформулированы в депеше белогвардейского посла в Китае Кудашева на имя посла в Париже Маклакова и поверенного в делах в Лондоне Набокова от 23 ноября 1918 года: «На том, что нам без кулака не восстановить порядка в России, сходятся решительно все русские и иностранцы — не исключая американцев и французов, побывавших в России... Даже благоразумные эсеры сознают неизбежность и желательность диктатуры. Колчак ничего большого пока не совершил, но у нас

¹ Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири, стр. 75.

² Там же, стр. 82.

людей с именем почти нет и его имя все же известно офицерству и буржуазии¹.

Поезд Колчака и Уорда прибыл в Омск в 17 часов 30 минут вечера 17 ноября 1918 года. Об их приезде был извещен лишь узкий круг сторонников переворота.

В тот же вечер состоялось тайное совещание Колчака с полковником Лебедевым, начальником гарнизона полковником Волковым, казачьими офицерами Катанаевым и Красильниковым. На этом тайном сборище присутствовал и офицер связи генерала Нокса Стевени. В курсе подготовки заговора была и французская разведка². На совещании наметили план действий, составили списки лиц, которых надлежало арестовать, уточнили дислокацию воинских, преимущественно казачьих, частей, подтянутых заранее к Омску, и т. д.

Глубокой ночью казачьими разъездами были арестованы члены Директории Авксентьев и Зензинов, а также Роговский и Аргунов, занимавшие видные посты в администрации Директории. Вокзал, почта, телеграф и правительственные учреждения были взяты под контроль войсками заговорщиков. Здание военного министерства, где находился Колчак, охранялось усиленным батальоном английского Миддлсекского полка под командованием Уорда, который, по словам французского генерала Жанена, «служил адмиралу Колчаку с самого Владивостока в качестве преторианской стражи»³. Английские солдаты охраняли и здание совета министров, в котором рано утром состоялось заседание уцелевшей части Директории (ее правого кадетского крыла) в лице Вологодского и Виноградова, а также министров Омского правительства при участии Колчака. Уорд хвастал, что все подступы к этим зданиям были блокированы англичанами и никто не мог приблизиться к ним «без того, чтобы не наткнуться на британцев, а мои пулеметы командовали над каждой улицей, которая вела к помещению русской главной квартиры. Дела шли в таком состоянии напряжения, что я... уведомил (представителей — С. Л., Е. Б.) как русских, так и чешских властей, что не позволю группам войск или каким-либо гражданам приближаться или собираться вблизи моего расположения, что всякое такое сборище или попытка приблизиться будут сочтены враждебным актом»⁴.

Любопытно, что некоторые участники переворота вечером 17 ноября 1918 года осведомились у Уорда, смогут ли они найти

¹ Архив внешней политики России (далее АВПР), фонд советника МИД на Дальнем Востоке, д. 43, л. 226.

² См. Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака, ч. II. Белград, 1930, стр. 111; gén. J. Rouquerol. *Op. cit.*, p. 44; J. Légras. *L'Agonie de la Sibirie, 1918—1920*, („Le Monde slave”, 1926, Février, p. 166).

³ Жанен М. Отрывки из моего сибирского дневника.— В кн.: «Колчаковщина. Из белых мемуаров». Изд. «Красная звезда», Л., 1930, стр. 141.

⁴ Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири, стр. 82.

в его штабе убежище в случае неудачи переворота. Уорд, по его собственному признанию, обещал им защиту, но не преминул подчеркнуть, что «всякий политический беглец... должен при этом оставить всякую мысль о дальнейшем участии в русских делах»¹, то есть подталкивал колеблющихся на решительную борьбу с Директорией.

Французский генерал Рукроль впоследствии писал: «Диктатура Колчака была делом рук англичан. Это они поставили его у власти»². Факты подтверждают это заявление. Однако к нему следует добавить, что также сами французы приложили максимум усилий для установления кровавого диктаторского режима в Сибири.

Современный английский историк Д. Бредли, стремясь обелить Нокса и действовавшего по его указанию Уорда, утверждает, что «английская помощь Колчаку не носила официального характера, — сэр Альфред (Нокс — С. Л., Е. Б.) действовал на свой страх и риск»³. Однако эта личная, с позволения сказать, инициатива Нокса и Уорда была одобрена в Лондоне, как и в других столицах стран Антанты, что подтверждается поддержкой, которую оказали интервенты режиму Колчака⁴. В этом вопросе можно сослаться и на признание Уинстона Черчилля, который, выступая в Лондоне 6 июня 1919 года, откровенно говорил о правительстве Колчака: «Мы вызвали его к жизни»⁵.

Между тем в здании совета министров в то раннее зимнее утро 18 ноября 1918 года под защитой английских штыков и пулеметов разыгрался фарс «избрания» Колчака на пост «верховного правителя». В итоге переворота вся полнота гражданской и военной власти была сосредоточена в руках Колчака. Совет министров потерял свое значение. Он не отвечал ни за внутреннюю, ни за внешнюю политику. Такая форма власти отвечала интересам правящих кругов стран Антанты и самых махрово-реакционных сил белогвардейского отребья.

Понимая, что идея диктатуры отвечает желаниям только очень небольшой группы лиц, потерявших богатство и власть в результате революции, организаторы переворота во главе с Колчаком начали активную пропагандистскую кампанию для популяризации нового режима. На следующий день после переворота в ом-

¹ Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири, стр. 81.

² Général J. Rouquerol. Op. cit., p. 146.

³ Bradley J. F. N. Op. cit. p. 381—382.

⁴ Белочехи, тесно связанные с Директорией и не доверявшие Колчаку, встретили с неодобрением известие о перевороте. Английское правительство поспешило их задобрить — высшие представители командования Гайда, Сирови, Чачек были награждены высшими английскими орденами; кроме того, еще 300 солдат и офицеров получили разные награды (см. „Le Monde slave”, 1925, Fevrier, p. 264).

⁵ Цит. по книге Мельгунова С. П. Трагедия адмирала Колчака, часть II, стр. 113.

ских газетах было опубликовано воззвание Колчака. В нем «верховный правитель» спешил заверить население Сибири, что он вовсе и не думает о восстановлении монархии, что его чрезвычайные полномочия носят временный характер, а главной его целью является «установление законности и правопорядка...»¹.

Выступивший 6 декабря на пресс-конференции «премьер» Вологодский заявил в унисон Колчаку, что переворот 18 ноября был якобы совершен во имя спасения демократии от покушений монархистов².

С приходом к власти Колчака белый террор значительно усилился. Началась вакханалия убийств политзаключенных. На этом кровавом фоне, чтобы создать видимость законности перехода власти от Директории к Колчаку и в особенности для того, чтобы за границей установление диктатуры не связывали с политическими убийствами, руководители переворота решили немедленно выслать за границу Авксентьева, Зензинова и Роговского.

Колчак и К^о прекрасно понимали, что эти правозероовские деятели, не имевшие поддержки народных масс, были совершенно не опасны для них.

С той же целью оправдания организаторов переворота, в первую очередь самого Колчака, 21 и 22 ноября в Омске была разыграна комедия суда над полковником Волковым и казачьими офицерами Красильниковым и Катанаевым — непосредственными исполнителями воли Колчака. 22 ноября они специальным судебным присутствием были, разумеется, «в предъявленном им обвинении... по суду оправданными» на том основании, что они, «не отрицая своего участия в аресте членов правительства... заявили, что действовали по побуждениям любви к родине»³. Сразу же после освобождения Волков был произведен в генералы. Получили повышения и награды также и другие колчаковские преторианцы.

Захватив власть в Омске, Колчак и его приспешники поспешили сообщить об этом своим зарубежным покровителям. 19 ноября 1918 года Ключников, исполнявший обязанности министра иностранных дел, циркулярной телеграммой поручил всем белогвардейским посольствам за рубежом разъяснить правительствам, при которых они аккредитованы, что события в Омске «являются естественным развитием создавшегося положения» и проявлением «недовольства военной среды и широких государственно настроенных общественных кругов, озабоченных скорейшим укреплением государственной власти». Учитывая поведение народных масс Европы и Америки к концу первой мировой вой-

¹ Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года. Сборник документов под редакцией В. Зензинова. Париж, 1919, стр. 29.

² Там же, стр. 34—35.

³ Там же, стр. 63.

ны, Ключников рекомендовал послам представлять колчаковскую группировку как «здоровое течение», которое якобы вовсе не собирается уклоняться «в сторону реакции»¹. Для вящей убедительности послам рекомендовалось утверждать, что чуть ли не все министры Колчака являются «государственно-мыслящими» социалистами разных оттенков — эсерами, народными социалистами, социал-демократами — меньшевиками и даже беспартийными социалистами. При этом кадет Вологодский — колчаковский премьер — был объявлен эсером, а министр финансов Михайлов, ярый реакционер, с которым в период Директории даже многие правые эсеры не желали работать, был зачислен в беспартийные социалисты².

Установление колчаковской диктатуры в Сибири горячо приветствовали правительства стран Антанты; их представители в Омске не скрывали своей радости и обещали Колчаку помощь и поддержку. Первым из иностранных дипломатов приветствовал диктатора генеральный консул США Гаррис, который, по словам самого Колчака, относился к нему «с величайшими дружественными чувствами и чрезвычайной благожелательностью». Он заверил новоиспеченного «верховного правителя», что США будут ему активно помогать³. В том же духе высказались «высокий комиссар» Франции Реньо, его английский коллега Эллиот и представители других держав — участники интервенции.

Посол во Франции Маклаков 28 ноября телеграфировал в Омск, что в правящих кругах Франции и в Верховном Совете Антанты, заседавшем в Париже, наблюдается «очень хорошее отношение к Омскому правительству, в частности к Колчаку». В телеграмме рекомендовалось поскорее доказать устойчивость новой власти, быть «ближе к союзным представителям» в Омске, что фактически означало быть послушным указаниям высоких комиссаров и не делать ничего, что «будет пугать реставрацией» монархии⁴.

Поверенный в делах в Лондоне Набоков, оценивая реакцию различных общественных кругов Англии на колчаковский переворот, сообщал в Омск, что им были весьма довольны реакционные круги, в представлении которых «русская революция была преждевременной... В радикальных кругах напротив ...видят в борьбе с большевизмом ненавистную им реакцию»⁵. В английском министерстве иностранных дел Набокову дали понять, что «по внутривластным причинам для здешнего (английского — С. Л., Е. Б.) правительства опасен упрек в поощрении реакцион-

¹ АВПР, фонд советника МИД на Дальнем Востоке, д. 43, л. 217 об.

² ЦГАОР, фонд МИД Омского правительства, оп. 4, д. 50, л. 34.

³ «Допрос Колчака», стр. 186.

⁴ ЦГАОР, фонд МИД Омского правительства, оп. 4, д. 27, л. 7.

⁵ Там же, оп. 4, д. 76, л. 18.

ной перемены в России»¹ и рекомендовали Колчаку не забывать о политической мимикрии, о фиговом листочке для прикрытия своего кровавого режима.

Даже из Токио, где к Колчаку после упоминавшихся выше столкновений с Семеновым относились с известным предубеждением, последовало полное одобрение переворота и ему была обещана военная помощь².

Положительно отреагировали на ноябрьские события в Омске и биржи Лондона, Нью-Йорка и Парижа. Крупнейшие банки стран Антанты образовали синдикат, который собирался предоставить Колчаку кредит в 18 млн. фунтов стерлингов³. Но неудачи белогвардейцев на фронте заставили осторожных банкиров взять назад свое обещание.

Буржуазная пресса стран Антанты, стремясь обмануть демократические слои населения, выступавшие против антисоветской интервенции, стала изображать Колчака революционером, чуть ли не русским Робеспьером. Так, например, сотрудник консульства США в Омске Джон Эмбри в интервью, опубликованном рядом американских газет, говорил: «Мое мнение таково, что адмирал Колчак — величайший человек, которого выдвинула революция...»⁴. Французский историк Рейнах утверждал во влиятельной парижской газете «Фигаро», что «прошлое Колчака достаточно демократично, чтобы служить гарантией для союзников»⁵.

Изображая Колчака и его министров патриотами и архидемократами, снабжая Омское правительство оружием и военным снаряжением, империалистические державы вовсе не спешили с официальным признанием его. Формально это объяснялось тем, что Колчак не сразу был признан другими белогвардейскими правительствами. Действительная же причина заключалась в том, что неопределенность международного статуса правительства Колчака позволяла интервентам бесконтрольно хозяйничать в Сибири и на Дальнем Востоке. Не спрашивая согласия «верховного правителя», они открыли филиалы банков, получившие право эмиссии своих денежных знаков. Создавая в Сибири и на Дальнем Востоке компании по эксплуатации природных богатств и скупке сырья, зарубежные бизнесмены в лучшем случае милостиво разрешали русским капиталистам вступать в них в качестве младших партнеров.

Интервенты, в первую очередь американские, взяли под свой

¹ ЦГАОР, фонд МИД Омского правительства, оп. 4, д. 50, л. 7.

² См. сообщение посла в Японии Крупенского в министерство иностранных дел (Омск) от 2 декабря 1918 года (АВПР, фонд канцелярии советника МИД на Дальнем Востоке, д. 43, л. 241).

³ ЦГАОР, фонд МИД Омского правительства, оп. 3, д. 68, л. 39.

⁴ Бюллетень осведомительного отдела штаба верховного главнокомандующего, Омск, 1919, 18 июля, № 24.

⁵ Там же, 1919, 22 июня, № 3.

контроль Транссибирскую железную дорогу, имевшую огромное экономическое и стратегическое значение. При самом активном участии посла США в Японии Морриса (являвшегося по совместительству «высоким комиссаром» при Колчаке) во Владивостоке 14 марта 1919 года было подписано так называемое межсоюзное соглашение об управлении этой магистралью. Во главе администрации дороги был поставлен американец Джон Стивенс. Моррис и другие участвовавшие в подписании этого соглашения иностранные дипломаты отвергли предложения, чтобы процедура подписания происходила в Омске на том основании, что Омское правительство не признано державами Антанты¹.

На занятой колчаковцами территории развернул бурную деятельность американский «Христианский союз молодых людей», прообраз современного «Американского корпуса мира». В уставе этого союза указывалось, будто его задача «заключается в организации людей для достижения царства Христа между людьми»². На деле же представители данной организации занимались экономическим шпионажем, спекуляцией дефицитными товарами и продуктами, вмешивались в распоряжения белогвардейского командования.

Самым выгодным видом бизнеса для иностранных дельцов была торговля оружием. За каждую винтовку, каждый патрон они требовали оплаты наличными. Так, американской фирме «Ремингтон» за винтовки было выплачено 9 млн. 150 тыс. долларов³, а фирме «Кольт» за 963 пулемета — 503 595 долларов и т. д.⁴. Только в июне 1919 года Колчак израсходовал «13 тысяч пудов золота для обеспечения наиболее срочных платежей... в Лондоне, Нью-Йорке и Токио», что покрыло лишь часть расходов по вооружению его армии⁵. Так как интервенты отказывались продавать оружие в кредит, Колчак израсходовал на срочные платежи значительную часть золота, захваченного белыми в Казани в 1918 году.

Интервенты и косвенно, и прямо хозяйничали в белой армии⁶. Заместителем Колчака, с трудом сохранившего за собой пост главнокомандующего, стал французский генерал Жанен. Законную силу получали лишь те приказы по армии, которые подписывались представителем французского генералитета. Кроме того, Жанена должны были «держат в курсе всех словесных распоряжений...» Французский генерал получил право «осуществлять общее наблюдение на фронте и в тылу... и иметь своих офицеров в штабах, частях и учреждениях», при этом офицеры могли на-

¹ АВПР, фонд советника МИД на Дальнем Востоке, д. 20, л. 241.

² ЦГАОР, фонд МИД Омского правительства, оп. 3, д. 22, л. 8 об.

³ АВПР, фонд посольства в Вашингтоне, д. 114, л. 32.

⁴ Там же, фонд советника МИД на Дальнем Востоке, д. 14, л. 73.

⁵ Там же, фонд посольства в Вашингтоне, д. 153 (1920 год), л. 130.

⁶ ЦГАОР, фонд МИД Омского правительства, оп. 4, д. 75, л. 22.

вязать свою волю белогвардейскому генералитету под видом «технических советов»¹.

Английский же генерал Нокс был назначен «директором тыла», то есть главным распорядителем «по всем вопросам, связанным с заграничным снабжением». Он определял вместе с Жаненом все заказы на вооружение и снаряжение, а зачастую давал заказы иностранным фирмам через голову Колчака и его военного министра. Помимо того, Нокс контролировал создание новых резервов и обучение войск в колчаковском тылу².

Колчак, связанный по рукам и ногам резидентами стран Антанты и полностью от них зависимый, в определенном направлении проявлял самостоятельность. По его распоряжению, в министерствах Омского правительства и в других учреждениях восстанавливались старые, существовавшие при царизме ритуалы и порядки.

В штабе Колчака, в его многочисленной личной охране нашли себе приют отъявленные монархисты, карьеристы. «В военной среде,—записал в свой дневник генерал Жанен,—происходит меньшая грызня, чем в гражданской. Честолюбцы возбуждаются перспективами повышения и горят желанием помешать своим сослуживцам воспользоваться этими же перспективами. Обвинения в шпионаже, большевизме и прочем очень часты»³. «Адмирал Колчак,—вторил ему член французской военной миссии в Сибири Лазин,—был окружен сторонниками царизма, которые не скрывали своих контрреволюционных намерений»⁴. Об этом же после посещения Сибири сообщал в своем докладе председателю совета министров Франции Жоржу Клемансо в то время молодой офицер Поль Рейно: «Большая часть офицерского состава у Колчака — неведьмы, хвастуны, пьяницы, грубо обращающиеся с солдатами»⁵.

На фронте положение колчаковской армии становилось безнадежным. После кратковременных успехов в боях под Пермью они стали терпеть поражение за поражением. Им не удалось прорваться к Волге и добиться воссоединения своего фронта с действовавшими в районе Архангельска и Котласа англичанами и частями белогвардейского генерала Миллера.

С треском провалилась их попытка перейти в наступление весной 1919 года. Войска советского Восточного фронта перешли в решительное контрнаступление и в упорных боях выбили летом 1919 года белых с Урала, а затем вступили в пределы Западной

¹ ЦГАОР, фонд МИД Омского правительства, оп. 4, д. 76, л. 76; также Général I. Rouquerol *Op. cit.*, p. 53.

² ЦГАОР, фонд МИД Омского правительства, оп. 4, д. 76, л. 7-6-об.

³ Жанен М. Отрывки из моего сибирского дневника.—В кн. «Колчаковщина», стр. 107.

⁴ Lasies J. *La Tragédie Sibérienne. Le Drame d'Ekaterinenbourg. La Fin de l'Amiral Koltchak.* Paris, 1920, p. 40.

⁵ Reynaud, Paul *Mémoires. Venu de ma montagne*, Paris, 1960, p. 120.

Сибири. В тылу колчаковцев быстро разрасталось пламя народной войны. Многочисленные партизанские отряды, опираясь на всестороннюю помощь населения, наносили удар за ударом по режиму кровавой диктатуры.

Злобу за свои неудачи на фронте колчаковцы вымещали на трудовом населении Урала, Сибири и Дальнего Востока. По далеко неполным данным, было перепорото до 10 процентов всего населения этих районов. Массовые казни стали повседневным явлением. В одной только Екатеринбургской губернии было расстреляно и повешено не менее 25 тысяч человек¹. Но массовые репрессии лишь усиливали ненависть к колчаковскому режиму. Партизанская борьба разгоралась все сильнее.

Чем хуже становилось положение колчаковцев на фронте и в тылу, тем большую ставку они делали на помощь интервентов. Они пытались вербовать солдат в свою армию в Сербии и Чехословакии, однако там не нашлось желающих воевать за режим Колчака. Более того, солдаты и часть офицеров чешского корпуса в Сибири, на которых в значительной степени держался фронт белых в начале гражданской войны, отказались воевать за Колчака сразу же после омского переворота 18 ноября 1918 года². Если весной 1918 года врагам русской революции удалось толкнуть чехов на мятеж против Советской власти, якобы в защиту демократии, то установление военной диктатуры после переворота в Омске показало им, что они воевали на стороне врагов демократии, замаскировавшихся реакционеров, монархистов. Чехословацкий национальный совет 21 ноября 1918 года заявил, что чешская армия «не может и не будет сочувствовать насильственным переворотам... Переворот в Омске 18 ноября нарушил начало законности...»³. С конца 1918 года чешские войска были отведены с фронта и поставлены на охрану Сибирской железной дороги. Но основная масса солдат и офицеров не желала даже косвенно помогать Колчаку и требовала отправки на родину.

13 ноября 1919 года под давлением рядовых солдат Чехословацкий национальный совет направил письмо представителям Антанты, в котором говорилось: «Под защитой чехословац-

---

¹ «Колчаковщина». Екатеринбург, 1924, стр. 146. Даже видные представители командования интервентов впоследствии признали, что колчаковцы установили дикий террор на захваченных территориях. (См. Général J. Rouquerol. Op. cit., 51—52; J. Lasies Op. cit., p. 63—64).

² Сразу же после переворота чехи проявили готовность сами выступить против Колчака или поддержать против него представителя свергнутой Директории генерала Болдырева. Однако вмешательство генерала Жанена заставило их отказаться от своего намерения. (См. J. F. N. Bradley Op. cit., p. 382). Что касается Болдырева, он также под давлением союзнических миссий, в первую очередь, английской, вынужден был отказаться от борьбы с Колчаком. (См. Légras J. Op. cit., p. 167; Lasies J. Op. cit., p. 59—60, 138).

³ Газета «Думы», 1918, 29 ноября.

ких штыков местные военные власти занимаются поборами с населения, поджигают деревни, мучают сотнями мирное население, без суда расстреливают демократов... Ответственность за все это перед всем миром падает и на нас, так как, имея вооруженную силу, мы не имеем права воспрепятствовать этим безобразиям»¹.

Раздосадованный Колчак с гневом обрушился на Павлу и Гирса, членов Чешского национального совета, авторов этого документа. В телеграмме в Совет министров он писал: «...Повелеваю прекратить всякие сношения с этими лицами, как вступившими на путь политического интриганства и шантажа», и настаивал, чтобы чешскому правительству было сделано представление с требованием «отозвать этих лиц из России и заменить их другими, умеющими себя хотя бы вести прилично»². Новый премьер-министр Колчака Пепеляев, сменивший Вологодского, пытался убедить адмирала не спориться с чехами, но безуспешно. «Я возрождаю Россию,— говорил ему Колчак,— и не остановлюсь ни перед чем, чтобы силой усмирить чехов, наших военнопленных» (разрядка наша — С. Л., Е. Б.)³. Имеется ряд свидетельств, что Колчак, стремясь воспрепятствовать эвакуации чехов, двигавшихся к Владивостоку, приказал атаману Семенову взорвать железнодорожные туннели и пути⁴.

Не надеясь на поддержку чехов, Колчак с сентября 1919 года носился с планом «приглашения» больших масс войск США или Японии в Сибирь. «Верховный правитель повелел,— сообщалось 26 сентября 1919 года в телеграмме омского МИД всем белогвардейским послам за рубежом,— напрячь крайние усилия, чтобы добиться благоприятного решения этого дела». Далее в этой телеграфной инструкции говорилось, что если США сами войска не пошлют, то они должны «делегировать эти функции Японии». В конце депеши подчеркивалось, что Колчак «считает необходимым проявить готовность удовлетворить те или иные пожелания Японии, если она захочет их формулировать»⁵.

В декабре 1919 года Колчак возвращается к плану приглашения в качестве спасителей его режима японских империалистов, за что намеревался расплачиваться территорией и природными ресурсами страны. «Если Япония согласится оказать помощь России в уничтожении большевизма,— писал он 5 декабря 1919 года своему министру иностранных дел Сазонову,— то она будет иметь право на территориальные компенсации...»⁶.

¹ Lasies J. Op. cit., p. 67.

² Драгомирецкий В. С. Чехословаки в России. 1914—1920, стр. 99.

³ Жанен М. Огрызки из моего сибирского дневника.— В кн. «Колчаковщина», стр. 136.

⁴ Général J. Rouquerol. Op. cit., p. 145—146.

⁵ АВПР, фонд канцелярии советника МИД на Дальнем Востоке, д. 22, лл. 125—126.

⁶ ЦГАОР, фонд МИД Омского правительства, оп. 4, д. 78, л. 52 об.

Однако такого стовора не состоялось. Командование интервентов видело, что уже ничем не остановить наступающую Красную Армию, активно поддерживаемую партизанами и всем трудовым населением Сибири. Кроме того, взаимная конкуренция помешала США и Японии договориться о новой фазе интервенции.

В партизанских отрядах Сибири и Дальнего Востока сражались свыше 150 тысяч рабочих и крестьян, которые к осени 1919 года были объединены в крупные воинские соединения, строившиеся по образцу Красной Армии.

После падения Омска (он был взят советскими войсками 14 ноября 1919 года) колчаковская армия как организованная военная сила перестала существовать. Отступление колчаковских войск на фронте превращалось в паническое бегство, антинародный режим грешал по всем швам и разваливался. 6 января 1920 года под Красноярском войска Красной Армии взяли в плен остатки армии Колчака. Только небольшой группировке, возглавляемой генералом Каппелем, удалось бежать на Восток.

Окружавшие «верховного правителя» приспешники уже после падения Омска думали только о своем спасении. Запасались подложными паспортами, подпольными укрытиями, валютой, особенно иенами, так как надеялись найти убежище в Японии. В этом колчаковским министрам всячески помогали Владивостокское отделение кредитной канцелярии и Харбинское отделение Русско-Азиатского банка¹. Местопребывание правительства было переведено в Иркутск.

Усилилась министерская чехарда. Премьер-министр Вологодский ушел в отставку. Его сменил В. Н. Пепеляев, в прошлом учитель гимназии. Между тем Колчак, не поехавший в Иркутск вместе с правительством, сколотил Верховное совещание — новый орган власти, фактически стоявший над советом министров. Недовольный этим Пепеляев 7 декабря 1919 года выехал для переговоров в ставку Колчака, оставив за себя Третьякова — министра торговли и промышленности. Едва успел он добраться до ставки, как Третьяков, напуганный сообщениями о новых поражениях белых войск, поспешил ретироваться в Читу под тем предлогом, что приведет для защиты Иркутска отряды Семенова и японские части. Уже с дороги по телефону он назначил на время своего отсутствия исполняющим обязанности премьера бессарабского помещика Червен-Водали, появившегося в Сибири в конце лета 1919 года для «ловли счастья и чинов»².

Разложение быстро прогрессировало и в военных кругах.

¹ «Декабрьские дни 1919 года в Иркутске». — В кн.: «Колчаковщина. Из белых мемуаров», стр. 160.

² Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. — В кн.: «Колчаковщина», стр. 102.

Колчак непрерывно менял начальников штаба ставки, фактически исполнявших обязанности главнокомандующего. Сперва таким состоял Лебедев, который накануне Февральской революции был всего лишь капитаном. Его сменил Дидерихс, затем Сахаров — креатура Нокса, потом Каппель. Все они были мастерами заплетных дел, но никудышними полководцами. Колчак обвинял в поражениях своих помощников. В свои очереды колчаковские генералы всю вину за поражения сваливали на него самого. Когда в конце ноября 1919 года Колчак предложил генералу Дидерихсу вновь вернуться на пост начальника штаба ставки, то Дидерихс обязательным условием поставил «немедленный отъезд адмирала (Колчака) в армию Деникина»¹.

Колчак уже не казался «сильной личностью» ни белогвардейцам, ни интервентам.

Откатываясь все дальше на восток, Колчак надеялся, что его заслуги обер-палача Сибири не будут забыты и его persona будет спасена. Для того, чтобы придать вес своей особе, он держал при себе золотой запас — знаменитый «золотой эшелон», который под охраной верных ему офицеров неотступно следовал «в затылок» специальному поезду «верховного». И Колчак не ошибся!

Судьба золотого эшелона весьма беспокоила «высоких комиссаров». 1 января 1920 года они обратились к «премьеру» Червен-Водали с нотой по этому вопросу. «По полученным сведениям, — указывалось в этой не очень грамотно написанной ноте, — золотой запас русского правительства в настоящее время по-видимому в опасности попасть в руки не имеющих права им распоряжаться от имени русского народа. При этих обстоятельствах представляется необходимым союзникам сговориться с русским правительством для принятия мер к обеспечению безопасности этого золотого запаса. Высокие комиссары полагают, что эта цель могла бы быть достигнута, если бы они могли бы просить высшее командование союзных войск в Сибири принять необходимые меры для принятия этого золота союзными силами в случае, если войска, которые его теперь охраняют, не были бы в состоянии обеспечить его безопасность, и направить его во Владивосток под конвоем союзных сил, где оно будет охраняться до тех пор, пока союзные правительства, по соглашению с представителями русского правительства, не примут решения об его окончательном назначении...»²

Беспокоила «высоких комиссаров» по ряду причин и судьба самого Колчака. Им хотелось спасти его, во-первых, потому, что его пленение могло бы только подчеркнуть масштабы поражения, которое потерпели интервенты и их ставленники в Сибири.

¹ Жанен М. Отрывки из моего сибирского дневника. — В кн.: «Колчак-ковщина», стр. 136—137.

² ЦГАОР, фонд МИД Омского правительства, оп. 4, д. 10, л. 12.

Во-вторых, они исходили из того, что битый, потерявший свои армии «верховный правитель» будет в их руках еще послушнее, чем раньше. Поэтому они обратились к генералу Жанену, как главнокомандующему войсками интервентов в Сибири, со следующей нотой: «Высокие комиссары объявляют, что должны быть приняты меры, в пределах возможного, к обеспечению личной безопасности адмирала Колчака. Если события принудят адмирала Колчака обратиться по этому поводу за защитой к союзным войскам, то не может быть сомнения, что названные войска должны принять адмирала Колчака под свою защиту и необходимые меры к обеспечению его переезда в Иркутск. В этом документе подчеркивалось, что если защита адмирала Колчака не последует, то войска интервентов должны «принять находящиеся в их распоряжении меры к обеспечению... личной безопасности адмирала

Колчака, ни похитить захваченную белую армию, ни отнять запасы России интервентам не удалось². «Золотой эшелон» по пути к Иркутску попали в плен к чехам. Лица чешских эшелонов. Чешское командование, полагая, что большая часть Сибирской магистрали была в их руках, спешно эвакуировало свои войска. Чешские поручики и капитаны — коменданты станций — не обращали никакого внимания на требования Колчака о внеочередном пропуске его поезда и «золотого эшелона». Фактически он оказался пленником чехов, которых сам недавно именовал «военнопленными».

15 января 1920 года чешское командование, откупаясь от подступивших вплотную к железнодорожным путям партизан, выдало Колчака и В. Н. Пепеляева, а также золотой запас недолговечному Иркутскому эсерово-меньшевистскому «политцентру», образовавшемуся в самом начале января 1920 года.

Расчет строился на том, что эсеры и меньшевики, заинтересованные в сотрудничестве с силами Антанты для совместной борьбы против Советской власти, пощадят кровавого диктатора. Однако быстро развивавшиеся события опрокинули эти планы. 22 января эсерово-меньшевистский «политцентр» был сметен и вся власть в Иркутске перешла в руки большевистского ревкома.

Обер-палач Сибири должен был держать ответ за свои преступления. На допросах в следственной комиссии, руководимой заместителем начальника Иркутской чрезвычайной комиссии

¹ АВПР, фонд канцелярии советника МИД на Дальнем Востоке, д. 61, л. 8.

² Несколько лет спустя член французской военной миссии майор Лази в книге «Сибирская трагедия» признал, что союзники защищали в России безнадежное дело, так как меньшинство, которое они поддерживали, «скомпрометировало себя террором и грабежами»; Колчак и его окружение были изолированы от населения, «недоверие и осуждение в отношении Омского правительства было единодушным...» (Lasies J. Op. cit., p. 41, 168).

большевиком А. К. Поповым, Колчак изображал себя патриотом, а сожжение целых деревень пытался оправдать тем, что это якобы были укрепленные базы партизан, которые полагалось разрушить как вражеские укрепления, что, по его словам, делалось «обычно на войне»¹. Вину за массовые казни, пытки, порки он сваливал «на бесчинства отдельных лиц и групп»². Но то были жалкие ухищрения палача, пытавшегося избежать расплаты за совершенные злодеяния. Колчака судили от имени десятков тысяч замученных и искалеченных людей.

7 февраля 1920 года кровавый адмирал был расстрелян по приговору большевистского ревкома гор. Иркутска.

В течение января — марта 1920 года силами партизан и восстановивших трудящихся были освобождены от белогвардейцев вся Восточная Сибирь и Дальний Восток, за исключением Забайкалья. 7 марта 1920 года части Пятой Красной Армии вступили в Иркутск.

Разгром колчаковщины, означавший крупнейшее поражение всей внутренней контрреволюции в России и стоявших за ее спиной империалистов Антанты, во многом предопределил исход гражданской войны и крах интервенции.

---

¹ «Допрос Колчака», стр. 213.

² «Допрос Колчака», стр. 5, 135.

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА И ИСТОЧНИКИ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

Вторая четверть XIX века — один из интереснейших периодов русской истории вообще и истории философии в частности. Именно с этого исторического отрезка времени, с восстания декабристов, В. И. Ленин начинает свою периодизацию русского революционного движения. Однако залпы на Сенатской площади в Петербурге 14 декабря 1825 года и последующая жестокая расправа над «лучшими людьми из дворян» (В. И. Ленин) — декабристами послужили и началом николаевской реакции. Все живое, прогрессивное подвергалось жесточайшим преследованиям. Имеется немало свидетельств подавленности и растерянности, царивших в русском обществе.

А. И. Герцен писал: «Первые годы, последовавшие за 1825-м, были ужасны. Понадобилось не менее десятка лет, чтобы человек мог опомниться в своем горестном положении поработанного и гонимого существа. Людьюми овладело глубокое отчаяние и всеобщее уныние. Высшее общество с подлым и низким рвением спешило отречься от всех человеческих чувств, от всех гуманных мыслей... Глубокая печаль овладела душою всех мыслящих людей»¹.

При всем этом в первом десятилетии после декабрьского восстания идет процесс накопления прогрессивных сил, выработка новой освободительной идеологии, тщательное осмысление опыта декабрьского восстания.

В социально-экономической жизни общества перемены связаны с развитием капиталистических отношений, дальнейшим углублением противоречий крепостного права, что ведет к размежеванию политических сил. «...Когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, — отмечает В. И. Ленин, — все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками»².

Передовые умы России пытались искать ответа на волную-

¹ Герцен А. И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. VII, М., 1956, стр. 214; см. также Бакунин М. А. Собрание сочинений и писем. Т. 1, М., 1934, стр. 37; Никитенко А. В. Дневник. Т. 1, М., 1955, стр. 327 и др.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 520.

щие их вопросы в отвлеченных системах немецкой классической философии. «С отчаяния набросились на все существовавшие тогда немецкие философские системы, этот духовный опиум для всех, кто жаждет дела и все же обречен на бездействие»¹, — писал М. А. Бакунин.

Были тщательно изучены и переработаны системы Шеллинга, Фихте, а позднее и Гегеля. Нужна была своя, русская философия, отвечающая требованиям времени. Русскую философию с первых дней ее существования характеризует не только глубокое усвоение философии западных мыслителей и преодоление их недостатков, но и попытка перенести на русскую почву лучшее, что она могла дать. Так, к чести русской философии 30—40-х годов философия Гегеля не была отброшена полностью, как это сделал Л. Фейербах. Были оставлены ее наиболее сильные стороны — идея развития и диалектика, понятая как «алгебра революции».

В критических статьях Белинского, в философских статьях Герцена продолжают разработку диалектического метода, поиски разрешения главных философских и социальных проблем, волнующих русское общество. «Письма об изучении природы» и «Дилетантизм в науке» А. И. Герцена, опубликованные в «Отечественных записках», были новым шагом в развитии русской философии. «Это было в России первое слово, которое сбивало разом тупоумие всякой метафизики и тупоумие всякого правительственного строя. Цензура их пропустила, потому что всего их значения не поняла»². Помимо материалистического решения основного вопроса философии, в этих работах Герцена даются правильные характеристики основных философских учений, прослеживается борьба материализма с идеализмом. По словам В. И. Ленина, эти работы показывают «нам мыслителя, который, даже теперь, головой выше бездны современных естествоиспытателей-эмпириков и тьмы тем нынешних философов, идеалистов и полунидеалистов»³.

В своих философских поисках передовые русские мыслители опирались на традиционную, восходящую к Ломоносову связь философии и естествознания, так как «стало уясняться, что философия без естествознания так же невозможна, как естествоведение без философии»⁴. В России были известны многие естественно-научные открытия западных ученых, чьи материалистические взгляды печатно и устно распространялись в русском обществе. Материалистическую позицию занимали многие рус-

¹ Бакунин М. А. Собрание сочинений и писем. Т. 3, М., 1935, стр. 415.

² Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения. Т. 1, М., 1952, стр. 798—799.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 256.

⁴ Герцен А. И. Собрание сочинений. Т. III, М., Изд. АН СССР, 1956, стр. 93.

ские ученые, жившие во второй четверти XIX века (А. А. Иовский, К. Ф. Рулье, К. М. Бэр, Н. И. Лобачевский и другие).

Вместе с тем наблюдается некоторый отход теоретических поисков в область философии эстетики и литературной критики, что объясняется тягчайшим цензурным гнетом и отсутствием политических свобод. Это было время, когда «литературные вопросы за невозможностью политических становились вопросами жизни!»¹. Литература и искусство, наполненные философским

преджидали жизненную необходимость дальней- усиленно нарастает. 30—40-е годы
гда «дворяне, составлявшие ничтож-
1 ...ния, дают громадное большинство (76%)
< ... есть «лиц, привлеченных за государственные
ступления»².

), самодержавие, защищаясь от все увеличи-
в. ...ии, подняло знамя «официальной народности»,
ос. ...лы которой сформулировал в 1832 году министр
прос. ...заров. «Охранители» Погодин, Шевырев и другие
пытались срубкой подменой понятий доказать исконную «любовь»
русского народа к самодержавию. Оппозиционные силы 30—40-х
годов XIX века разделились на два лагеря: славянофилов (Хо-
мяков, братья Киреевские и Аксаковы, Самарин и другие) и за-
падников (Чаадаев, Станкевич, Грановский и другие).

Характерной особенностью, определившей лицо этого перио-
да, является то, что в центре общественной жизни возникает
новая революционно-демократическая идеология. Дворяне-рево-
люционеры передали эстафету борьбы революционным демо-
кратам. У истоков революционно-демократического движения
стояли А. И. Герцен, Н. П. Огарев, В. Г. Белинский, который,
по словам Ленина, был еще при крепостном праве «предшествен-
ником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем осво-
бодительном движении»³.

В 40-х годах весьма близко к революционным демократам
примыкало общество Петрашевского, главные руководители ко-
торого уже тогда высказывали ряд передовых идей социалисти-
ческого преобразования общества, выступали против религии и
идеализма.

Выработка революционной теории была подлинно националь-
ным делом России 30—40-х годов XIX века, подвигом передовых
русских мыслителей, которые искали на Западе, с его более раз-
витыми формами политической борьбы, теории революционного
действия. «...Передовая мысль в России...» — писал В. И. Ле-

¹ Герцен А. И. Собрание сочинений. Т. 9. М., Изд. АН СССР, 1959, стр. 152.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 95.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 94.

нин,— жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области»¹.

Таким образом, для русской общественной мысли и ее левого крыла — революционной демократии в этот период характерны также использование опыта революционной борьбы Запада, тесная связь социалистических и философских теорий с революционной практикой. К 40-м годам XIX века относится знакомство русской общественной мысли с работами К. Маркса и Ф. Энгельса. Сатин, Анненков, Герцен, Бакунин, находясь за границей, были лично знакомы с Марксом.

Все перечисленные особенности развития философской мысли в России во второй четверти XIX века наложили своеобразный отпечаток на источниковедение истории русской философии этого периода. Учитывая сложность и многообразие имеющихся источников, их целесообразно классифицировать. Разделим эти источники, принимая во внимание их происхождение, на две группы: а) источники «внеакадемической» философии, б) источники, вышедшие из стен официальных учебных заведений (духовных академий, семинарий, университетов).

Первая группа источников обширна и подразделяется на несколько видов: периодическая печать, эпистолярные материалы, мемуары и дневники, художественная литература.

Периодическая печать. Среди источников истории русской философии периодическая печать занимает особое место. В связи с ростом освободительного движения русская журналистика и литература начинают проникаться общественными интересами. В русском обществе «кипят и рвутся наружу свежие силы, но, сдавленные тяжелым гнетом, не находя исхода, производят только уныние, тоску, апатию. Только в одной литературе, несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движение вперед»², — писал В. Г. Белинский в письме к Н. В. Гоголю.

Подчеркивая важное значение журналистики, Герцен писал: «Это действительно лучший способ распространять просвещение в обширной стране... С «Телеграфом» в русской литературе начинают господствовать журналы. Они вбирают в себя все умственное движение страны... Ни в одной стране, исключая Англию, влияние журналов не было так велико»³.

Журналы приобретают исключительное значение для формирования общественного мнения. Вокруг них, как центра идейной жизни страны, начинают сплачиваться различные партийные, философские и литературные силы. В этом и состоит основное

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 7—8.

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. X, М., Изд. АН СССР, 1958, стр. 217.

³ Герцен А. И. Собр. соч., т. VII, стр. 217.

источниковедческое значение журналистики для истории философии¹.

Большое влияние на усиление активности и демократизации общественных сил оказала сама периодичность журналов и газет. Читатели, заинтересованные тем или иным произведением, ждали продолжения его. Это определило принадлежность журналов к той или иной партии. Они разделились по направлениям и сферам влияния. Этим принципам придерживался Белинский: «Журнал должен иметь прежде всего физиономию, характер; альманажная безличность для него всего хуже. Физиономия и характер журнала состоят в его направлении, его мнении, его господствующем учении, которого он должен быть органом»².

В 40-х годах XIX века обостряется борьба между журналами демократического направления («Отечественные записки» до ухода Белинского, «Финский вестник», некрасовский «Современник») и органами охранительной идеологии («Маяк», «Северная пчела», «Библиотека для чтения» и другие).

Царское правительство хорошо понимало прогрессивное влияние и стремилось подчинить их, уничтожить распространение передовой и покровительством царя журнального «триумvirата» — реча, О. И. Сенковского. Так «Северная пчела» своим своеобразным рупором III отделения, доносы на прогрессивных писателей. Не отстаивая со своим «Сыном отечества». Вспоминая о своей деятельности в 30—40-х годах, Герцен, писал: «Они одолевали тогда в петербургской журналистике — но в области действительных, а не литераторов»³.

Вот почему уже с 30-х годов XIX века борьба прогрессивных сил русской общественности с органами «триумvirата» определялась как политическая борьба, притом исключительно трудная, в условиях николаевской реакции⁴. Журнальная работа стала подлинной школой революционной борьбы для Белинского, Огарева, Герцена, петрашевцев и многих других беззаветно преданных делу народа революционеров.

Источниками истории русской философии второй четверти XIX века «Северная пчела», «Библиотека для чтения», «Маяк» могут служить лишь для выяснения отношений царской жандармерии и крайне правых сил к прогрессивным тенденциям в развитии русской общественной мысли.

¹ Антонова С. И. Периодическая печать как исторический источник истории СССР. М., МГУ, 1966, стр. 3.

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. II, М., 1956, стр. 46.

³ Герцен А. И. Собр. соч., т. VII, стр. 215.

⁴ Очерки по истории русской журналистики и критики, т. I, Л., 1950, стр. 244.

Основные положения зародившейся в это время славянофильской идеологии также нашли свое выражение на страницах журналов. Первый журнал, который предоставил свои страницы славянофилам, был «Московский наблюдатель». В нем проповедывался самобытный путь исторического развития России. В руках славянофилов в 1845 году на короткое время побывал журнал «Москвитянин». Под их руководством вышло лишь 3 номера. В журнале в этот период были напечатаны статьи И. Киреевского «Обозрение современного состояния словесности» (1845, № 1—3), А. Хомякова «Письмо в Петербург» (1845, № 2), П. Киреевского «О древней русской истории» (1845, № 3) и другие.

В 1846—1847 годах славянофилы выпускали «Московский литературный и ученый сборник», в котором со статьями выступили А. С. Хомяков, К. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин. Большого общественного резонанса эти сборники не получили. Желание предохранить Россию от «пагубного» влияния революционных идей Запада, противопоставление своей идеологии взглядам революционных демократов не находили у русской общественности живого отклика. К тому же в 40-х годах XIX века славянофилы выступали еще сторонниками Шеллинга и романтизма, а это был уже пройденный этап в развитии русской философской мысли.

Прогрессивные русские журналы широким фронтом вели борьбу против славянофильства. На страницах «Отечественных записок» Белинский и Герцен противопоставляли философскому идеализму славянофилов диалектику и материализм¹. На их стороне стоит и «Финский вестник», который в 1846 году опубликовал отрицательную рецензию на «Московский литературный и ученый сборник» 1846 года (т. 12). С первых же номеров против «христианской философии» славянофилов выступил «Современник».

Быстрое развитие журналистики во второй четверти XIX века явилось благоприятной и единственной возможностью донести до широких масс русской общественности передовые идеи нарождавшейся революционной демократии. На страницах журналов в это время были опубликованы лучшие философские работы Герцена «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы», литературные обзоры Белинского, некоторые работы Бакунина. Большое место в журналах уделялось научным и философским статьям. Так, «Телескоп» периодически помещал статьи московских профессоров М. Г. Павлова, М. А. Максимова, Д. М. Велланского, пропагандировавших натурофилософские знания. А «Отечественные записки» в 1843—1845 годах

¹ См. Рябков И. Борьба Белинского против философского идеализма славянофилов. Минск, 1962.

опубликовали статьи: К. Ф. Рулье «Сомнения в зоологии как науке» (т. 19), Г. Либри и Д. М. Перевощикова о Галилее и Копернике (тт. 26, 27), А. Гумбольдта «Космос» (с 42 т.) и другие.

Почти все прогрессивные журналы постоянно следили за развитием философской мысли на Западе. В «Телескопе» в переводах Н. П. Огарева, В. Межевича, Н. В. Станкевича в 1832—1835 годах публиковались статьи о Шеллинге, Канте, Гегеле. Стоило Шеллингу возобновить свои лекции в Берлине осенью 1841 года, как «Отечественные записки» сразу же поместили заметку «Первая лекция Шеллинга в Берлине». Не осталась без внимания и деятельность левых гегельянцев. Журнал помещает написанную специально для «Отечественных записок» статью левого гегельянца Л. Булье о немецкой литературе (1839 г.), вкратце излагает книгу «Фридрих Великий и его противники» К. Кеппена, который посвятил ее К. Марксу (1840 г.). В вводной части своей статьи о немецкой литературе В. П. Боткин дал краткое изложение, а местами и перевод (без указания источника) брошюры молодого Энгельса «Шеллинг и откровение» (1842 г.)¹.

Выражая прогрессивные взгляды демократически настроенных слоев русского общества, передовые журналы вскрывали извык крепостничества. Почти все материалы, печатавшиеся в «Современнике», были подчинены этой благородной задаче. Характерна статья Н. М. Сатина «Ирландия», в которой за мрачными картинами бесправного положения ирландских крестьян угадывалась русская действительность (1847, № 11).

Замечательный вклад в дело борьбы за раскрепощение русского крестьянства внес своими работами, опубликованными в «Современнике», А. И. Герцен. Его «Записки доктора Крупова», «Письма из Avenue Marigny» не только протест против крепостничества, но и размышление о путях создания нового, социалистического строя. Одновременно на страницах журналов уже в 40-х годах XIX века был разоблачен миф о преуспевающем капитализме, были показаны его черные стороны². Передовые журналы второй четверти XIX века как эстафету передали свои революционно-демократические и диалектико-материалистические традиции «Колоколу» Герцена и всей остальной русской печати вплоть до ленинской «Искры».

Не все журналы этого периода имеют одинаковую источниковедческую ценность для истории русской философии, но все они должны подлежать разбору, так как создают единую картину

¹ См. сравнения текстов в книге Нифонтова А. С. Россия в 1848 г. М., 1946, стр. 17—18.

² Дементьев А. Г. Очерки по истории русской журналистики 1840—1850 гг. М.—Л., 1951, стр. 7—58.

формирования философской и общественно-политической мысли в России.

Эпистолярные источники. Частная переписка — один из существенных источников изучения общественно-политической и философской жизни России второй четверти XIX века. Особый вес письмам, как источникам, в рассматриваемый период придает тот факт, что в них зачастую высказываются автором те положения, которые не смогли бы попасть на страницы печати. В письмах бьется живая мысль, свободная от цензурного гнета, они сообщают нам даты событий, в них прослеживаются взаимоотношения автора с различными лицами и партиями, отношение к насущным вопросам общественной жизни, взгляды его, подробности об окружающей действительности.

Иногда эпистолярные материалы оказываются единственным и наиболее полным источником изучения мировоззрения того или иного мыслителя. Так, например, философски образованный человек 30-х годов XIX века Н. В. Станкевич не оставил после себя сколько-нибудь значительных сочинений. И лишь письма могут служить единственным источником изучения его философских взглядов.

Впервые письма и биография Станкевича, написанная П. В. Анненковым, были изданы в 1857 году¹. В 1914 году издано наиболее полное собрание писем Н. В. Станкевича², в которое включены 340 писем его к родственникам, Я. М. Неверову, В. Г. Белинскому, Бакуниным и другим, а также отрывки из заграничного дневника за 1837—1839 годы (стр. 748—774). Влияние Станкевича на окружающих было огромно. «В его переписке и биографии» находятся факты, указывающие положительные его заслуги для общества, состоящие именно в том влиянии, какое имел он на людей, сделавшихся весьма известными в русской литературе», — писал Добролюбов в статье «Николай Владимирович Станкевич»³.

Основу философского наследия одного из колоритнейших мыслителей первой четверти XIX века П. Я. Чаадаева также составляет его переписка и знаменитые «Философские письма». До середины 30-х годов XIX века была известна лишь часть (да и то не главная) этих писем, что дало возможность Гершензону в противоположность Герцену неправильно трактовать основную направленность философской мысли Чаадаева⁴. В «Литературном наследстве» (т. 22/24, М., 1935) были опубликованы недо-

¹ Станкевич Н. В. Переписка его и биография, написанная П. В. Анненковым, М., 1857.

² Переписка Станкевича, М., 1914.

³ Добролюбов Н. А. Избранные философские произведения. Т. 1, М., Госполитиздат, 1948, стр. 221.

⁴ См. рецензию В. Г. Плеханова на книгу М. Гершензона «П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление», СПб, 1908. — В кн.: Плеханов В. Г. Избранные философские произведения. М., 1958, стр. 747—767.

стающие пять «Философских писем» Чаадаева, которые значительно меняют наши представления о его мировоззрении¹.

«Публикация новых философских писем Чаадаева,— пишет В. Ф. Асмус,— восполняющая крупнейший пробел литературного наследия Чаадаева, показывает всю шаткость... гершензоновских догадок... Вопреки предположениям и догадкам Гершензона во вновь найденных письмах Чаадаева трактуются не столько вопросы «о загробной жизни, о благодати, о грехе и искуплении», сколько философские и философско-исторические»². Философские письма Чаадаева показывают истоки его философских воззрений, его знакомство с работами Бэкона, Спинозы, Канта, Гегеля, Шеллинга, с последним из которых он был лично знаком³.

Существенным дополнением к «Философским письмам», как источнику истории философии, служат письма Чаадаева к А. С. Пушкину, А. И. Тургеневу, к декабристам Орлову и Якушкину и другим.

Оценивая роль и место Чаадаева в истории русской философии, Плеханов писал: «Одним «Философским письмом» он сделал для развития нашей мысли бесконечно больше, чем сделает целыми кубическими саженями своих сочинений иной трудолюбивый исследователь России «по данным земской статистики» или бойкий социолог фельетонной школы»⁴. Если добавить, что теперь известны большая часть переписки Чаадаева и все восемь его «философских писем», тогда станет ясно, какую большую источниковедческую ценность для истории русской философии они представляют.

В свирепых условиях николаевской цензуры письма были тем как... сходились свободолобивые мысли
свс... иллюстрацией этого служит
эп... инского — бесценный источник
изу... для русской философской мысли
во втором

Любил... ял эпистолярный жанр в своих про-
изведения... примеру, можно назвать публикацию
писем в «... а также широко известные открытые
письма: «И... ни природы», «Письма из Франции и
Италии», «К... аришу» и другие. «Письма больше, чем

¹ Вопрос о времени написания, порядке печатания и нумерации писем изложен в сообщении Д. Шаховского в «Литературном наследстве» (т. 22/24), стр. 6—17.

² Асмус В. Ф. О новых «Философских письмах» Чаадаева.— «Литературное наследство». М., 1935, 22/24, стр. 2—5.

³ См., например, письмо Чаадаева к Шеллингу.— В кн.: Сочинение и письма П. Я. Чаадаева. Т. 2, М., «Путь», 1914, стр. 183—185.

⁴ Плеханов В. Г. Сочинения. Т. 10. М., 1925, стр. 131—136.

⁵ Философским письмам Белинского посвящена специальная статья автора.— Б. Е.

воспоминания, на них запеклась кровь событий. Это само прошедшее как оно было, задержанное и нетленное»,— писал он в «Былом и думах». Наиболее полно эпистолярное наследие А. И. Герцена представлено в собрании его сочинений в 30 томах, включающем около 3 тысяч писем и в полной мере характеризующем все этапы формирования и развития Герцена-философа, Герцена-борца за социальную справедливость.

Источниковедческую ценность для истории русской философии второй четверти XIX века представляют письма Н. П. Огарева, до настоящего времени разбросанные по огромному количеству различных изданий¹, Т. Н. Грановского², М. А. Бакунина³. Значение эпистолярного наследия М. Бакунина весьма точно охарактеризовал Ю. Стеклов: «Бакунин является эпистолярным писателем по преимуществу, у которого не только статьи и брошюры служат расширенным комментарием к его переписке, но и обратно,— письма нередко шире и лучше развиваемой мысли, лишь намеченной в статьях, а нередко и вовсе заменяют эти статьи и брошюры. Если бы даже по воле роковой случайности сочинения Бакунина исчезли с лица земли, но сохранилась его корреспонденция — не говоря вся, а даже ныне нам известная, то мы по его письмам сумели бы воссоздать его мировоззрение и в особенности его политическую программу и в значительной мере его деятельность»⁴. Эту характеристику, по праву, можно было бы перенести и на эпистолярное наследие В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. П. Огарева и других выдающихся русских мыслителей второй четверти XIX века.

На идеологию славянофильства, его историю и истоки проливают свет письма А. С. Хомякова⁵, И. В. Киреевского⁶, И. С. Аксакова⁷, Ю. Ф. Самарина⁸.

Как источник истории философии многое могли бы дать переписка В. П. Боткина, разбросанная по огромному количеству изданий и опубликованная лишь частично (в архивах СССР хранится несколько сот его еще неопубликованных писем)⁹, письма П. В. Анненкова¹⁰ и других. В письмах Н. И. Сазонова¹¹,

¹ Мандельштам Л. и Р. Материалы для библиографии опубликованных писем Огарева.— «Литературное наследство», М., 1953, т. 61.

² Грановский Т. Н. и его переписка. Т. 1—3, М., 1893.

³ Бакунин М. А. Собрание сочинений и писем. Т. 1—3, М., 1954—1935.

⁴ Стеклов Ю. Предисловие к кн.: Бакунин М. А. Собрание сочинений и писем, т. 1, стр. 7.

⁵ Хомяков А. С. Полн. собр. соч., т. 8 (письма), М., 1960.

⁶ Киреевский И. В. Сочинения. Т. 1—2; М., 1911.

⁷ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 1—2, М., 1888.

⁸ Самарин Ю. Ф. Сочинения. Т. 12, М., 1911.

⁹ Егоров Б. Ф. Боткин — литератор и критик. Уч. записки Тартусского университета. Вып. 139, 1963, стр. 78—80.

¹⁰ Анненков П. В. и его друзья. Литературные воспоминания и переписка. 1835—1885 гг. СПб, 1892.

¹¹ «Звенья». М.—Л., 1936, т. 6; «Литературное наследство», М., 1941, т. 41/42.

примыкавшего в начале 30-х годов к кружку Герцена — Огарева, находится самое раннее упоминание о Марксе. Этот список можно было бы продолжить. Наличие его указывает на важность эпистолярных материалов как источника истории философии.

Мемуары и дневники. Мемуары и дневниковые записи всегда были и остаются законным и ценным источником исторического исследования. Для XIX века характерно большое количество воспоминаний и дневников. Это объясняется отчасти тем, что для русской литературы вообще характерно сочетание исповеди с проповедью, а раскрытие внутреннего мира человека, как справедливо указывает один из авторов исследования о мемуарном жанре¹, считалось необходимой предпосылкой для раскрытия его многообразных связей с действительностью, для характеристики дальнейшего самопознания народа. Именно это обстоятельство делает мемуары и дневники передовых общественных деятелей важным источником, раскрывающим изменения, происходящие в общественной мысли. В качестве примера можно сослаться на «Мою исповедь» Н. П. Огарева² и вершину мемуарной литературы «Былое и думы» А. И. Герцена³. «Это не столько записки, сколько исповедь», — пишет Герцен уже в начале «Былого и дум»⁴. Они ценны как точная летопись общественной жизни в России и Западной Европе от робких студенческих кружков 30-х годов до «молодых штурманов будущей бури» 60-х годов XIX века. Сила «Былого и дум» как источника истории русской философии в том, что их автор принимал активное участие в революционной борьбе, в том, что он был «правдивой мыслью, которая на протяжении почти сорока лет отмечала и оценивала все разнообразные явления русской жизни»⁵.

Через свой опыт Герцен стремился познать закономерность исторического развития. Историзм его «Былого и дум» исходит из тонкого и глубокого понимания происходящих событий и всей эпохи в целом. Его страстная натура не позволяла безучастно наблюдать многообразие общественно-политической борьбы в России и на Западе. Поэтому он всегда в гуще революционных событий, в вечных поисках революционной теории. В запоминающихся образах «былого» и особенно в «думах» и размышлениях Герцена перед нами проходит сложная, противоречивая «духовная драма» мыслителя, которая, по словам Ленина, «была порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, ког-

¹ Машинский С. О мемуарно-автобиографическом жанре. — «Вопросы литературы», 1960, № 6.

² «Литературное наследство», 1953, т. 61.

³ Герцен А. И. Собр. соч., т. VIII—XI.

⁴ Герцен А. И. Собр. соч., т. VIII, стр. 9 (подчеркнуто Герценом. — Б. Е.).

⁵ Горький А. М. История русской литературы. М., «Художественная литература», 1939, стр. 207.

да революционность буржуазной демократии *уже* умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата *еще* не созрела»¹. Мемуары Герцена были одной из тех книг, по которым изучали русский язык Маркс и Энгельс.

Однако мемуары зачастую — это самый спорный, сомнительный источник как для истории вообще, так и для истории русской философии в частности. «Субъективизм является первой и основной характерной чертой мемуаров»². Между тем очень часто при всей субъективности или ограниченности взглядов автора мемуаров или дневника, через них вырисовывается объективная действительность. Авторитетным документом эпохи является «Дневник» А. В. Никитенко³. В своих записях он сообщает много фактов о распространении философских взглядов в России во второй четверти XIX века, дает подчас точные характеристики русской действительности. Но А. В. Никитенко далек от революционно-демократических взглядов Белинского, Герцена, он скорее поклонник компромиссов, что и снижает качество его «Дневника».

Зачастую авторами воспоминаний замалчиваются те или иные события, которые не отвечают их взглядам, и это делает их мемуары и дневники неполноценными. К этому разряду, в частности, относится весьма интересный и большей частью достоверный источник истории русской философии второй четверти XIX века — «Литературные воспоминания» П. В. Анненкова⁴.

Дневники, как и мемуары, носят субъективную окраску; формы дневника и мемуаров часто переплетаются, дневниковые записи становятся основой воспоминаний. «Воспоминания более обдуманы, систематизированы, литературны и более свободны от мелочей. Но значение дневников нередко состоит именно в том, что современники отмечают события и факты, наиболее поражающие их воображение, а не кажушиеся им перспективно наиболее важными и характерными»⁵. «Дневник» А. И. Герцена за 1842—1845 годы⁶ полностью отвечает этой характеристике.

О мемуарах и дневниках второй четверти XIX века следует высказать ряд замечаний:

а) Мемуары писались о всей эпохе в целом, так как уже замечено, что в периоды социальных и экономических преобразований возникает потребность через жизнь одного человека увидеть характерные черты времени. Именно поэтому мы можем проследить становление материалистической мысли Белинского,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 256.

² Никитин С. А. Источниковедение истории СССР XIX века. Т. 2, М., 1940, стр. 99.

³ Никитенко А. В. Дневник. Т. 1—3, М., 1955—1956.

⁴ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960.

⁵ Серебряков М. М. Ф. Энгельс в молодости. Л., ЛГУ, 1958, стр. 67.

⁶ Герцен А. И. Собр. соч., т. II.

Герцена, Огарева на фоне исторических событий тех лет, среди современников, друзей и противников¹.

б) Мемуарная литература о Белинском, Герцене, Бакуanine, петрашевцах разделила участь их литературных работ. Печатание ее запрещалось и, если она печаталась, то с купюрами. Этим объясняется в частности то, что лишь Д. Ахшарумов², А. П. Милюков³ и П. П. Семенов-Тянь-Шанский⁴ оставили свои воспоминания о петрашевцах.

в) Почти нет воспоминаний о некоторых периодах жизни Белинского, Герцена, Бакунина, об эмиграции, о 1848 годе.

г) Многие общественные деятели и литераторы второй четверти XIX века Станкевич, Бакунин, Боткин, Краевский, Некрасов и другие не оставили воспоминаний. Поэтому для характеристики некоторых моментов общественно-политической и философской борьбы приходится пользоваться другими источниками.

д) Мемуары о 30—40 годах писаны в основном 20—30 лет спустя и поэтому несут на себе следы идейно-политической борьбы вокруг имен и идейного наследия передовых русских мыслителей⁵.

В небольшой статье нет возможности охарактеризовать все дневники и воспоминания, которые могут быть так или иначе использованы как источники истории русской философии. Значительная часть этих мемуарных материалов находится в архивах и еще не опубликована⁶. Разнообразие и обилие мемуарного материала делает его весомым источником историко-философского исследования.

Художественная литература. Боевое поприще политической публицистики для русских писателей было закрыто царской цензурой. В этой связи особое значение, как источник истории русской философии, приобретают стихи, повести, романы, вышедшие из-под пера прогрессивных писателей этих лет. «Редкая литература в кругу литератур мирового значения представляет пример тяги к философскому осознанию жизни, искусства, творческого труда, какой характеризуется именно русская литература; и в то же время редкая литература отмечена в такой мере, как русская, своеобразием, порой причудливостью путей философского

¹ Пассек Т. П. Из дальних лет. Т. 1—3, М., 1963.

² Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1950.

³ Ахшарумов Д. А. Записки петрашевцев. М.—Л., 1930.

⁴ Милюков А. П. Литературные встречи и знакомства. СПб, 1890.

⁵ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Мемуары. Т. I. Детство и юность (1827—1855), П., 1917.

⁶ См., например, воспоминания о В. Г. Белинском: Тургенев И. С. Воспоминание о Белинском (1869).— В кн.: Литературные и житейские воспоминания. Л., 1934; Кавелин К. Д. Воспоминания о Белинском.— В кн.: Собр. соч., т. 3, СПб, 1904.

⁷ См. Указатель воспоминаний, дневников и путевых записок XVIII—XIX веков (из фонда Гос. библиотеки им. Ленина), М., 1951.

развития крупнейших ее талантов», — таким тонким замечанием предваряет свой подробный анализ философских и эстетических поисков М. Ю. Лермонтова В. Асмус¹.

Уже А. С. Пушкин в 30-х годах XIX века в своих произведениях сочетает внимание к будничной жизни простых людей с постановкой социальных, философских и эстетических вопросов, с темой царя-преобразователя («Полтава», «Арап Петра Великого»). Это наполняет его образы широчайшим философским смыслом, вскрывает проблему единичного и общего, личности и общества.

Эта же направленность в философских взглядах отмечается и у другого выдающегося русского поэта М. Ю. Лермонтова, который утверждал, что всеобщее без личности — пустое отвлеченное, но личность только и имеет полную действительность по той мере, по которой она в обществе.

Поэтическое творчество Лермонтова не носило созерцательного характера, а постоянно отвечало общим интересам развития прогрессивной философской и социальной мысли России второй четверти XIX века².

Своеобразно отразили трагические условия русской действительности и философской мысли поэты кружка Станкевича (В. И. Красов, И. П. Ключников, И. С. Аксаков).

Отвлеченные построения Шеллинга и Гегеля не помешали им в своих произведениях утверждать справедливость общественного устройства. Пробуждение самосознания русского народа требовало философского осмысливания действительности. «Нам необходима философия: все развитие нашего ума требует ее. Ею одной живет и дышит поэзия, она одна может дать душу и целость нашим младенствующим наукам, и сама жизнь наша, может быть, займет от нее изящество стройности»³.

С этим требованием И. В. Киреевского перекликаются слова поэта-философа второй четверти XIX века Е. Н. Баратынского: «Я указываю на современную философию современных произведений как на магнитную стрелку, могущую служить путеводителем в наших литературных поисках»⁴. Стихотворения Е. Н. Баратынского отличает большая глубина мысли и широта философских обобщений. Это подметил еще В. Г. Белинский: «Призвании Баратынского было на рубеже двух сфер: он *мыслил стихами*, если можно так выразиться, не будучи собственно ни поэтом в смысле художника, ни сухим мыслителем»⁵.

¹ Асмус В. Ф. Круг идей Лермонтова. — «Литературное наследство», т. 43/44. М., 1961, стр. 83—84.

² Бродский Н. Л. Философские основы поэзии Лермонтова. — В кн.: Избранные труды. М., 1964.

³ Киреевский И. В. Полн. собр. соч., т. 1, М., 1911, стр. 33.

⁴ Татевский сборник С. А. Рачинского. СПб., 1899, стр. 15.

⁵ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 447.

Во второй четверти XIX века в русской литературе на первый план выдвигаются антикрепостнические настроения, проявившиеся еще в 20—30-х годах в повестях Полевого и Погодина. А. С. Пушкин конкретно выразил требование времени: «Политическая наша свобода не разлучна с освобождением крестьян»¹.

Это отчетливо понимали Белинский, Герцен, Огарев. Они главное место в борьбе с крепостничеством отводили литературе. «У народа,— писал Герцен,— лишенного общественной свободы, литература — единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести»². «Кто виноват?», «Доктор Крупов» А. И. Герцена — такие же источники историко-философской мысли, как и его «Письма об изучении природы». В этих произведениях отразился сложный путь настоячивых поисков идеала социального равенства.

Литературные произведения, как источники философии, могут служить для выяснения как объективной стороны развития философии, то есть степени распространения философских идей и отражения их в литературных произведениях, так и философских позиций писателей. Литературоведение, рассматриваемое с таких позиций, «само служит необычайно тонким орудием познания общества»³. Как источник историко-философских исследований русская литература привлекается недостаточно, этот источник мало изучен. Между тем, помимо перечисленных нами, произведения Ф. Тютчева, А. Григорьева, Н. Языкова, И. Гончарова, К. Аксакова, Н. Огарева и других многое дали бы для изучения становления и развития русской философии.

Вторая группа источников, освещающая развитие философии в стенах учебных заведений, почти не изучена. Однако полная история русской философской мысли не может быть воспроизведена без привлечения всех источников, доступных для изучения. Так, например, мы не можем пройти мимо труда, изданного в Казани в 1837—1840 годах архимандритом Гавриилом (Вознесенским) — многотомной «Истории философии». Священник Ф. Ф. Сидонский издал «Введение в философию» (СПб, 1833). Книгу под таким же названием в 1840 году издал профессор Петербургской духовной Академии В. Н. Карпов⁴.

В Рязани без указания автора в 1845 году был издан курс лекций по истории философии. Этот список можно было бы продолжить.

К источникам истории русской философии целесообразно также отнести все произведения, в которых в той или иной мере от-

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 11, М.—Л., 1935—1948, стр. 15.

² Герцен А. И. Собр. соч., т. VII, стр. 198.

³ Луначарский А. В. Метод диалектического материализма в истории литературы.— «Вопросы литературы», 1960, № 7, стр. 91.

⁴ В его переводе были изданы в 1841—1842 гг. сочинения Платона (ч. 1—2).

ражены вопросы, охватываемые философскими науками. Среди них представляют наибольший интерес работы московских профессоров М. Г. Павлова¹ и М. А. Максимовича², химика и медика А. А. Иовского, опубликованные в «Вестнике естественных наук и медицины» в 1828—1832 годах, и многие другие.

Заслуживают внимания как источник — диссертации: на степень доктора философии Н. Г. Устрялова «О системе прагматики русской истории» (СПБ, 1830), Ф. В. Чижова «Об общей теории равновесия с применением к равновесию жидкостей и определению фигуры Земли» (СПБ, 1836), А. В. Никитенко «О творящей силе в жизни или о поэтическом гении» (СПБ, 1836) и ряд других.

Отсутствие библиографических указателей и обобщающих работ об этом виде источников является существенным пробелом в истории русской философии.

Во вторую группу источников целесообразно включить государственные акты и документы, так или иначе связанные с цензурной политикой царизма³.

Весьма полезны, как источник, следственные дела, протоколы, судебные отчеты по делу декабристов⁴, Огарева и Герцена, петрашевцев⁵ и другие.

Рассмотренные в данной статье источники истории русской философии второй четверти XIX века далеко не исчерпывают всего наличия их. Многие источники, в том числе хранящиеся в архивах, ждут своего исследователя.

¹ Павлов М. Основание физики. Т. 1, М., 1833.

² В журнале «Телескоп», например, были опубликованы работы Максимовича М. А. «О человеке» (1832, № 17), «Мысленное и телесное бытие жизни растений» (1833, № 4), «Письмо о философии» (1833, № 12).

³ Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. по подлинным делам третьего отделения, Изд. 2-е, СПб, 1909.

⁴ Восстание декабристов. Документы. М., 1951.

⁵ Дело петрашевцев. Т. 1—3, М.—Л., 1937—1956.

О СУЩНОСТИ ОБМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ ЖИВОЙ ПРИРОДЫ

Универсальная связь явлений природы представляет собой всеобщий закон. Ее познание важно для формирования диалектико-материалистического мировоззрения.

Различные науки вскрывают разнообразные проявления универсальной взаимосвязи. Физика, например, изучает взаимосвязи элементарных частиц в атомном ядре и в процессах их взаимопревращений, взаимосвязи микроскопических тел в процессе гравитационного взаимодействия и т. д.

Живой материи присущи многочисленные специфические формы взаимосвязей. Они осуществляются на всех уровнях как внутри самой живой природы, так и между живым и неживым.

Среди них ведущее место занимает обмен веществ. По определению, данному Н. М. Сисакианом, «обмен веществ в широком смысле представляет закономерное, необходимое единство противоречивых процессов превращения неорганических веществ в живое и живого в неживое, осуществляемых посредством ассимиляции и диссимиляции на основе единства организма с окружающей средой, с условиями его жизни»¹.

Количественную сторону обменно-вещественных связей живых организмов со средой хорошо иллюстрирует пример, приведенный П. Б. Гофман-Кадошниковым: «В течение жизни человека в его тело по приближенным расчетам поступает 75 т. воды, 17 т. углеводов, 2,5 т. белков и 1,3 т. жиров. Столь же велико выделение веществ из организма во внешнюю среду»². Отношение веса живого организма к весу веществ, протекающих через него за весь период онтогенеза, составляет настолько малую величину, что следует признать вполне обоснованным обозначение живых тел как открытых систем, существующих в условиях постоянных и обязательных обменных связей с внешней средой.

«Все живые организмы,— пишет А. Г. Пасынский,— относятся к открытым системам, характеризующимся наличием мате-

¹ Сисакиан Н. М. Биохимия обмена веществ. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 7.

² Гофман-Кадошников П. Б., Петров Д. Ф. Биология с общей генетикой. М., «Медицина», 1966, стр. 44.

риального обмена с окружающей средой, который в живых организмах лежит в основе всех процессов жизнедеятельности»¹.

Рассматривая различные обменно-вещественных связей живой и неживой природы, Ф. Энгельс писал: «Другие, неживые тела тоже изменяются, разлагаются или комбинируются в ходе естественного процесса, но при этом перестают быть тем, чем они были. Скала, подвергшаяся выветриванию, уже больше не скала; металл в результате окисления превращается в ржавчину. Но то, что в мертвых телах является причиной разрушения, у белка становится *основным условием существования*. Как только в белковом теле прекращается это непрерывное превращение составных частей, эта постоянная смена питания и выделения,— с этого момента само белковое тело прекращает свое существование, оно разлагается, т. е. умирает»².

Характерной особенностью органического обмена веществ, по словам Ф. Энгельса, является то, что в живом теле обмен «происходит не вследствие какого-либо процесса, которому оно подвергается извне, как это бывает и с мертвыми телами. Напротив, жизнь, обмен веществ, происходящий путем питания и выделения, есть самосовершающийся процесс, внутренне присущий, прирожденный своему носителю...»³

Данное соображение доказывает несостоятельность суждений тех авторов, которые отождествляют живые организмы и неживой мир в отношении обменно-вещественных связей.

Живым телам в отличие от неживых присуща активность в осуществлении метаболических процессов. Это связано с тем, что обмен веществ с внешней средой для живых материальных объектов является внутренне необходимым. Они не могут существовать без него.

Живые материальные объекты активно устанавливают обменные связи с окружающей средой, которые представляют собой как бы продолжение биохимических превращений, постоянно происходящих в организме. «Белки и жиры организма и даже вещество костей,— пишет К. Вилли,— непрерывно и быстро синтезируются и расщепляются. Во взрослом организме скорости синтеза и распада примерно одинаковы, так что общая масса тела не изменяется или почти не изменяется...»⁴

Обращая внимание на диалектическую противоречивость метаболизма, Ф. Энгельс писал: «...Всякое органическое существо в каждое данное мгновение является тем же самым и не тем же самым; в каждое мгновение оно перерабатывает получаемые им извне вещества и выделяет из себя другие вещества, в каж-

¹ Пасицкий А. Г. Биофизическая химия. М., «Высшая школа», 1963, стр. 119.

² Марке К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, стр. 83.

³ Там же.

⁴ Вилли К. Биология. М., «Мир», 1964, стр. 66.

О СУЩНОСТИ ОБМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ ЖИВОЙ ПРИРОДЫ

Универсальная связь явлений природы представляет собой всеобщий закон. Ее познание важно для формирования диалектико-материалистического мировоззрения.

Различные науки вскрывают разнообразные проявления универсальной взаимосвязи. Физика, например, изучает взаимосвязи элементарных частиц в атомном ядре и в процессах их взаимопревращений, взаимосвязи микроскопических тел в процессе гравитационного взаимодействия и т. д.

Живой материи присущи многочисленные специфические формы взаимосвязей. Они осуществляются на всех уровнях как внутри самой живой природы, так и между живым и неживым.

Среди них ведущее место занимает обмен веществ. По определению, данному Н. М. Сисакианом, «обмен веществ в широком смысле представляет закономерное, необходимое единство противоречивых процессов превращения неорганических веществ в живое и живого в неживое, осуществляемых посредством ассимиляции и диссимиляции на основе единства организма с окружающей средой, с условиями его жизни»¹.

Количественную сторону обменно-вещественных связей живых организмов со средой хорошо иллюстрирует пример, приведенный П. Б. Гофман-Кадошниковым: «В течение жизни человека в его тело по приближенным расчетам поступает 75 т. воды, 17 т. углеводов, 2,5 т. белков и 1,3 т. жиров. Столь же велико выделение веществ из организма во внешнюю среду»². Отношение веса живого организма к весу веществ, протекающих через него за весь период онтогенеза, составляет настолько малую величину, что следует признать вполне обоснованным обозначение живых тел как открытых систем, существующих в условиях постоянных и обязательных обменных связей с внешней средой.

«Все живые организмы,— пишет А. Г. Пасынский,— относятся к открытым системам, характеризующимся наличием мате-

¹ Сисакиан Н. М. Биохимия обмена веществ. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 7.

² Гофман-Кадошников П. Б., Петров Д. Ф. Биология с общей генетикой. М., «Медицина», 1966, стр. 44.

риального обмена с окружающей средой, который в живых организмах лежит в основе всех процессов жизнедеятельности»¹.

Рассматривая различные обменно-вещественных связей живой и неживой природы, Ф. Энгельс писал: «Другие, неживые тела тоже изменяются, разлагаются или комбинируются в ходе естественного процесса, но при этом перестают быть тем, чем они были. Скала, подвергаясь выветриванию, уже больше не скала; металл в результате окисления превращается в ржавчину. Но то, что в мертвых телах является причиной разрушения, у белка становится *основным условием существования*. Как только в белковом теле прекращается это непрерывное превращение составных частей, эта постоянная смена питания и выделения,— с этого момента само белковое тело прекращает свое существование, оно разлагается, т. е. умирает»².

Характерной особенностью органического обмена веществ, по словам Ф. Энгельса, является то, что в живом теле обмен «происходит не вследствие какого-либо процесса, которому оно подвергается извне, как это бывает и с мертвыми телами. Напротив, жизнь, обмен веществ, происходящий путем питания и выделения, есть самосовершающийся процесс, внутренне присущий, прирожденный своему носителю...»³

Данное соображение доказывает несостоятельность суждений тех авторов, которые отождествляют живые организмы и неживой мир в отношении обменно-вещественных связей.

Живым телам в отличие от неживых присуща активность в осуществлении метаболических процессов. Это связано с тем, что обмен веществ с внешней средой для живых материальных объектов является внутренне необходимым. Они не могут существовать без него.

Живые материальные объекты активно устанавливают обменные связи с окружающей средой, которые представляют собой как бы продолжение биохимических превращений, постоянно происходящих в организме. «Белки и жиры организма и даже вещество костей,— пишет К. Вилли,— непрерывно и быстро синтезируются и расщепляются. Во взрослом организме скорости синтеза и распада примерно одинаковы, так что общая масса тела не изменяется или почти не изменяется...»⁴

Обращая внимание на диалектическую противоречивость метаболизма, Ф. Энгельс писал: «...Всякое органическое существо в каждое данное мгновение является тем же самым и не тем же самым; в каждое мгновение оно перерабатывает получаемые им извне вещества и выделяет из себя другие вещества, в каж-

¹ Пасынский А. Г. Биофизическая химия. М., «Высшая школа», 1963, стр. 119.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, стр. 83.

³ Там же.

⁴ Вилли К. Биология. М., «Мир», 1964, стр. 66.

дое мгновение одни клетки его организма отмирают, другие образуются; по истечении более или менее длительного периода времени вещество данного организма полностью обновляется, заменяется другими атомами вещества»¹.

Обмен веществ обеспечивает живым телам постоянство структуры и функций в условиях внешних возмущающих воздействий. Дело в том, что структурные элементы живых тел, в первую очередь, белки и нуклеиновые кислоты — это неустойчивые химические соединения, быстро распадающиеся в обычных условиях существования организмов. Поэтому без своеобразного «планово-предупредительного ремонта» внутриорганизменных структур живые организмы существовать не могут. Они активно осуществляют процессы самораспада, аналогичные тем, которые происходят в результате атак внешних изменяющихся воздействий. Но, сочетая этот распад с параллельно идущими восстановительными процессами, они создают те же биохимические структуры, которые подвергаются разложению.

Рассмотренная особенность биологического обмена веществ не только демонстрирует непосредственную сущность этих процессов — постоянное самообновление химических составных частей живых тел. Через нее проявляется также более глубокая сущность — самосохранение структур и функций отдельных живых организмов в условиях внешних возмущающих воздействий.

«По-видимому, — пишет А. Г. Пасынский, — существует одно свойство, которое отличает самую простейшую форму жизни от самой сложной химической открытой системы, — это способность живого тела (биологической открытой системы) к своему сохранению и воспроизведению, направленность всей сложной сети химических реакций на воспроизведение данной системы. Можно построить химическую аппаратуру, которая будет непрерывно долго производить какой-либо продукт из непрерывно поступающих реагирующих веществ, но нельзя построить химический аппарат, материал которого принимал бы участие в происходящих в нем химических превращениях поступающих веществ и в результате создавался бы другой подобный аппарат»².

Некоторые ученые, учитывая важность обмена веществ, ставят эти процессы на место сущности жизни, утверждая, что все остальное является вторичным, производным по отношению к метаболизму. «Из обмена веществ и присущей белку пластичности, — пишут В. В. Маховко и П. В. Макаров, — вытекают все остальные свойства живого, как, например, *раздражимость* — ответ на воздействия внешней среды, проявляющаяся уже на самых низших ступенях развития в форме реакции на пищу, *сократимость*, без которой невозможно поглощение пищи, *рост*,

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, стр. 21—22.

² Пасынский А. Г. Биофизическая химия, стр. 108.

развитие, изменчивость — приспособление к внешней среде, *наследственность*, закрепляющая полученные изменения в последующих поколениях, и *размножение*. Наконец, живому телу присуще... *старение и смерть*»¹.

При этом авторы данной точки зрения используют следующее положение Ф. Энгельса: «Из обмена веществ посредством питания и выделения,— обмена, составляющего существенную функцию белка,— и из свойственной белку пластичности вытекают все прочие простейшие факторы жизни: раздражимость, которая заключена уже во взаимодействии между белком и его пищей; сокращаемость, обнаруживающаяся уже на очень низкой ступени при поглощении пищи; способность к росту, которая на самой низшей ступени включает размножение путем деления; внутреннее движение, без которого невозможно ни поглощение, ни ассимилирование пищи»².

Однако в приведенном высказывании Ф. Энгельса говорится лишь о «простейших факторах жизни», которые непосредственно связаны с обменом веществ, а не со всеми жизненными явлениями.

Бесспорно, что все процессы, присущие живому организму, в конечном счете невозможны без соответствующих химических превращений, но на этом основании их нельзя сводить только к обмену веществ. Раздражимость, например,— это способность организмов реагировать на внешние воздействия, которые информируют их не только о пище, но и о существах противоположного пола, грозящей опасности, изменении внешней температуры и т. д.

Процессы обмена веществ занимают место в одном ряду с другими жизненными явлениями, неверно отождествлять их с сущностью жизни. Тем более, что обменом веществ не исчерпывается содержание обменных связей живой материи на организменном уровне. Существует еще обмен энергией между живыми телами и окружающей их абиотической средой.

Живые материальные объекты получают энергию из внешней среды либо путем поглощения квантов лучистой или тепловой энергии, либо за счет окисления в организме богатых химической энергией веществ. «Часть этой энергии используется для построения новых тканей, часть потребляется в процессе функционирования клеток (при передаче нервных импульсов, сокращении мышц, выделении ферментов и т. д.), часть освобождается в виде тепла»³.

Обменно-вещественные и обменно-энергетические связи живых организмов с окружающей средой тесно переплетены между

¹ Маховко В. В., Макаров П. В. Общая биология. М., Медгиз, 1956, стр. 16.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, стр. 84.

³ Вилли К. Биология, стр. 33.

собой. Часть биохимических реакций обеспечивает организм энергией, а, в свою очередь, часть энергии, поступающей в организм, обеспечивает потребности обмена веществ. Н. М. Сисакян так характеризовал эту особенность: «...Тесная связь и взаимная зависимость разнообразных реакций обмена веществ в живых клетках обусловлены не только характером их осуществления и химической природой возникающих веществ, но также и энергетической сопряженностью этих реакций, в результате чего создается слаженность энергетики живых тел, приближающаяся к полной термодинамической обратимости. Тем самым всякое усиление процессов биохимических синтезов в живых телах, для которого необходимо подведение свободной энергии, неизбежно должно сопровождаться усилением процессов распада веществ, доставляющих энергию для осуществления биохимических синтезов»¹.

Следовательно, частично обменно-энергетические связи обусловлены сущностью обмена веществ, о которой мы уже говорили. Та часть энергии, которая «обслуживает» обмен веществ, связана с активным самосохранением структур живых материальных объектов. Естественно, что сущность обменно-энергетических связей, «обслуживающих» многочисленные функции живых тел,— передвижение в пространстве, реагирование на внешние воздействия, размножение и т. д., можно выяснить, рассматривая соответствующие явления.

Для философского анализа особый интерес представляют «чисто» обменно-энергетические связи живой материи, внутренние необходимые для самого существования живых материальных систем.

Обмен энергией отличается тем, что энергия как бы просто «протекает» через живые организмы. При обмене веществ одни химические соединения поглощаются, а другие — выбрасываются. А при обмене энергией компоненты обменно-энергетической связи, в лучшем случае, отличаются только формой энергии. Теплокровные животные, например, поглощают в основном химическую энергию, заключенную в питательных веществах, а выделяют тепловую. Поэтому, рассматривая обменно-энергетические связи, можно говорить об энергии «вообще», отвлекаясь от ее конкретных материальных носителей.

Протекание энергии через живые организмы означает, что они находятся в так называемом стационарном состоянии. Характеризуя это состояние с позиций термодинамики, А. Г. Пасынский пишет: «Стационарное состояние и равновесие сходны в том, что система во времени сохраняет свои свойства постоянными, но коренное отличие заключается в том, что при равновесии изменения свободной энергии вообще не происходит..., а в стационарном состоянии она протекает».

---

¹ Сисакян Н. М. Биохимия обмена веществ, стр. 83.

нарном состоянии оно происходит непрерывно, но с постоянной скоростью. Стационарное состояние в каждый данный момент поддерживается постоянным не потому, что свободная энергия находится в минимуме, как при термодинамическом равновесии, а потому, что система непрерывно получает свободную энергию из среды в количестве, компенсирующем ее изменение в системе»¹.

Данная особенность присуща только живым организмам, поэтому ее можно считать одним из проявлений различия между живой и неживой материей.

В неорганической природе существует тенденция к установлению энергетического равновесия, что отражается вторым законом термодинамики. Согласно данному закону, природная величина, характеризующая эту тенденцию, — энтропия, в изолированных системах всегда стремится к максимуму и «ни при каких условиях... не может убывать»². Системы, обладающие максимальной энтропией, не способны совершать какую-либо работу. Вместе с тем, такие системы менее всего способны сохранять свое состояние — любое внешнее воздействие вызывает их переход из одного состояния в другое. Максимум энтропии в рассматриваемом аспекте означает минимум степени сохранения состояния материальной системы.

Стационарность живых тел означает, что в них совершаются процессы, обратные тем изменениям, которые происходят в них в соответствии со вторым началом термодинамики. Это свойство делает их относительно самостоятельными.

И. Пригожин следующим образом характеризует явления, происходящие в стационарных системах: «...Внутренние неравновесные процессы всегда действуют в направлении, вызывающем понижение величины ежесекундного прироста энтропии. Это условие оказывает непосредственное влияние на устойчивость стационарных состояний. Когда система находится в состоянии, соответствующем минимальной величине ежесекундного прироста энтропии, она... не может выйти из этого состояния путем самопроизвольного необратимого изменения. Если в результате флуктуации она незначительно удалится от этого состояния, то произойдут внутренние изменения и возвратят систему в ее начальное состояние, которое поэтому можно назвать *устойчивым состоянием*»³.

Таким образом, закономерности биологических обменно-энергетических связей вызывают эффекты, противоположные закону возрастания энтропии. Состояние живых тел формируется как совокупный результат того и другого. Отсюда следует, как спра-

¹ Пасынский А. Г. Биофизическая химия, стр. 29—30.

² Путилов К. А. Курс физики, т. 1, М., 1963, стр. 418.

³ Пригожин И. Введение в термодинамику необратимых процессов. М., ИЛ, 1960, стр. 96.

ведливо замечает Л. Берталанфи, что «...энергия необходима организму не только для выполнения его разнообразных функций, таких, как активность мускулов, желез и т. д., но также для поддержания стационарного состояния»¹.

Отсюда следует вывод, что сущность обменно-энергетических связей, подобно сущности обменно-вещественных связей живых тел, состоит в активном самосохранении структур и функций отдельных живых организмов в условиях внешних возмущающих воздействий.

Активность самосохранения проявляется в том, что течение биохимических и биофизических процессов подвергается регуляции в зависимости от изменений внешней среды. «Процессы обмена веществ,— пишет К. Вилли,— регулируются таким образом, чтобы внутренняя среда клеток оставалась как можно более постоянной. Внешние условия стремятся вызвать изменения, а живые организмы непрерывно приспосабливаются к этому при помощи процессов, противодействующих этим изменениям и стремящихся поддержать постоянство внутренней среды»².

Обменные связи присущи также сообществам живых организмов. На этом уровне индивидуальные обменно-вещественные и обменно-энергетические связи живых тел дополняются коллективными связями.

К ним относится кормление родителями детенышей полупереваренной пищей, как это, например, наблюдается у пингвинов, пеликанов, чаек, голубей. Аналогичны коллективные обменно-вещественные связи млекопитающих, у которых организмы кормящей самки и детеныша представляют собой единый живой комплекс. При этом в организме матери совершаются процессы, необходимые только для питания детенышей и не нужные ее собственному организму. Д. Л. Фердман следующим образом описывает эти превращения: «К молочной железе с кровью притекают различные питательные вещества, из которых в ней формируется молоко. Молочная железа не только «забирает» из крови те или иные вещества, но часто подвергает их коренной переработке с образованием веществ, отличающихся по своей химической структуре от доставляемых с кровью и присутствующих в кормах»³.

Специфическую роль играют коллективные обменно-энергетические связи. Например, многие высшие животные путем общественной терморегуляции поддерживают индивидуальную температуру своего тела. Вот как описывает соответствующие действия императорских пингвинов Р. Шовен: «Когда температура становится слишком низкой, 200—300 пингвинов плотно прижимаются

¹ Bertalanffy, Problems of Life. London, 1952, p. 132.

² Вилли К. Биология, стр. 19.

³ Фердман Д. Л. Биохимия, стр. 516.

друг к другу, образуя почти правильный круг — так называемую «черепаху». Этот круг медленно, но непрерывно вращается вокруг центра. Когда наступает пора высиживания птенцов, «черепахи» могут объединять от 500 до 600 птиц; вращаясь, они медленно и неуклонно продвигаются в направлении ветра. Движение, видимо, рождается в зоне наименее защищенных от ветра птиц, которые скользят вдоль боков «черепахи». В результате этого «при 19° мороза температура птиц в центре «черепахи» доходит до 35—36°... В одиночку пингвин теряет в весе свыше 200 граммов, а в «черепахе» — около 100, и это ежедневно»¹.

Общественные обменные процессы связывают живые организмы и сообщества с внешней средой и в то же время служат одним из средств объединения индивидов в сообщества. Взаимная зависимость отдельных особей сплачивает их в единый коллектив, обуславливает его постоянное или временное существование.

На данном уровне живой материи существует специфический тип обменных связей, содержанием которого является обмен деятельностью между отдельными особями — членами семьи, стада, стаи и т. д.

Примером таких связей могут служить коллективные действия групп хищников по овладению добычей, строительство бобрами плотин, устройство гнезд птицами, создание муравейников, термитников и т. д. При этом сообщества особей одного и того же вида вступают во взаимодействия с внешней средой как целостные живые материальные системы.

В сообществах живых организмов имеются также обменно-информационные связи, осуществление которых заключается в поглощении информации из внешней среды и обмене ею между особями.

В этих процессах на первый план выдвигается способность живых материальных объектов перерабатывать и использовать информацию, а обменная сторона становится вторичным, производным свойством, обусловленным природой самой информации.

Наличие коллективных обменных процессов у сообществ одного и того же вида свидетельствует о том, что они также являются открытыми биологическими системами.

Обменные связи сообщества представляют собой продолжение и дополнение тех связей, которыми обладают индивидуумы. Они устанавливаются активно и внутренне обязательны для сообществ, так как обусловлены непрерывными биохимическими и биофизическими процессами, протекающими в каждом живом организме, входящем в сообщество.

Рассмотренное позволяет прийти к выводу, что обменные связи на уровне сообществ одного и того же вида представляют

¹ Шовен Р. От пчелы до гориллы. М., «Мир», 1965, стр. 249—250.

собой проявление не только самосохранения живых организмов, но также и самосохранения самих сообществ такого типа.

На уровне биоценозов существует значительно большее разнообразие форм взаимоотношения представителей различных таксономических групп.

Американские биологи Г. Уэллс и П. Г. Уэллс различают два типа объединения живых организмов в биоценозы. «Организмы,— пишут они,— могут быть свободно живущими, обладающими значительной телесной независимостью, даже несмотря на то, что они взаимодействуют в удовлетворении жизненных потребностей, или организмы могут жить сообща, в тесном телесном контакте, обязательном для одного или обоих партнеров»¹. В соответствии с этим делением различаются три формы объединений свободно живущих организмов — конкуренция, сотрудничество, хищничество и три формы совместного существования живых тел — паразитизм, комменсализм, мутуализм (симбиоз)².

Конкуренция означает переплетение обменных связей особей, принадлежащих к различным видам в условиях использования одних и тех же элементов внешней среды.

Поэтому особей различных видов объединяет в сообщества в рассматриваемом случае лишь общность истоков их обменных процессов. Что же касается природы самих обменных связей, то в ней не происходит каких-либо существенных изменений. Сами отношения конкуренции не являются внутренне необходимыми для живых материальных систем. Напротив, они нежелательны для них. В силу этого сущность обменных связей в биоценозах данного типа тождественна сущности обмена в сообществах одного и того же вида.

Иная взаимосвязь обменных процессов характерна для отношений сотрудничества, когда отношения между представителями различных видов полезны для всех элементов биоценоза. Как один из примеров сотрудничества В. В. Яхонтов приводит данные исследований, показывающие, что колонии бобовой тли при посещении их муравьями нарастают значительно быстрее. «Муравьи подлизывают сахаристые экскременты тлей и защищают их от врагов, а иногда переносят тлей на новые растения..., метаболизм тлей, за которыми «ухаживают» муравьи, изменяется таким образом, что они способны дольше оставаться на тех же побегах растений»³.

Обменные процессы представителей различных видов, находящихся в отношениях сотрудничества, аналогичны связям в сообществах одного и того же вида. Как там, так и здесь само-

¹ H. Wells, P. H. Wells. General Biology, New York, 1956, p. 71.

² Ibidem.

³ Яхонтов В. В. Экология насекомых. М., «Высшая школа», 1964, стр. 258.

гоятьельные биохимические и биофизические процессы индивидуумов объединяются общими обменными каналами в единую систему. То же относится и к процессам обмена деятельностью.

Вместе с тем сотрудничество в биоценозах обладает рядом особенностей. Индивидуальные обменные процессы в одновидовых сообществах по своему содержанию являются параллельными, так как при этом используют одни и те же вещества и формы энергии. А в биоценозах, объединяемых на основе сотрудничества, существует последовательная связь — конечные продукты биохимических и биофизических превращений в рамках организма одного вида служат исходными веществами таких же процессов в организме другого вида. Таким образом, две цепи обменных процессов составляют единую систему превращений вещества и энергии.

Еще теснее взаимосвязь обменных процессов в биоценологических сообществах типа мутуализма, или симбиоза. В них все составляющие организмы или один из них не способны жить вне сообщества.

Примером может служить группа лишайников, которые «...являются результатом соединения и симбиотического сожительства гриба (из числа сумчатых или базидальных грибов) и водоросли (из числа зеленых или сине-зеленых водорослей), ...в состав лишайников входит еще бактерия азотбактер, способная усваивать элементарный азот атмосферы. Такой тройной симбиоз, в котором гриб доставляет воду и минеральные вещества, водоросль синтезирует углеводы, а бактерия фиксирует атмосферный азот, объясняет крайнюю неприхотливость лишайников и их способность развиваться в очень неблагоприятных и крайне суровых условиях»¹.

В симбиотически связанных сообществах обменные процессы организмов различных видов представляют собой неразрывную целостность, еще более тесную, чем в сообществах, основанных на сотрудничестве.

Рассмотренное позволяет сделать вывод, что сообщества на основе сотрудничества и симбиоза представляют собой разновидности открытых биологических систем, элементами которых являются индивидуумы и сообщества различных видов. Сосуществование в единой системе организмов, обладающих специфическими особенностями обменных процессов, позволяет каждому виду значительно расширить присущие ему возможности обмена с внешней средой.

Следовательно, и в данных типах объединения обменных связей проявляется выясненная ранее сущность открытых биологических систем — самосохранение. Здесь это свойство выступает

---

¹ Гофман-Кадошников П. Б., Петров Д. Ф. Биология с общей генетикой, стр. 477—478.

как общая сущность обменных связей не только отдельных организмов и их одновидовых сообществ, но и объединений на основе сотрудничества или мутуализма.

Иначе взаимосвязаны обменные процессы в сообществах разных видов на основе хищничества, то есть такого «...объединения свободно живущих видов, в котором одна популяция удовлетворяет свои потребности путем непосредственного использования другой. Популяция хищников получает пользу, в то время как другая, наоборот, страдает»¹.

Использование хищниками в качестве пищи трупов убитых ими животных удлиняет цепь обменных процессов, присущих их организмам. Специфика данной обменной системы заключается в том, что для ее реализации необходимо прекращение существования представителей одного из элементов сообщества.

Во многих отношениях близки к хищничеству объединения на основе паразитизма. «Как и при хищничестве, одно сообщество (паразит) действует с пользой для себя, в то время как другому («хозяину») наносится вред. Однако в противоположность отношениям между свободно живущими организмами паразит зависит в своем существовании от тесного контакта с телом «хозяина» в течение всего жизненного цикла или его части. В большинстве случаев паразит питается частично или полностью за счет тканей «хозяина», а тело «хозяина» обычно служит ему жильем, поддерживает или предохраняет его»².

В этом типе ассоциаций живых существ обменно-вещественные и обменно-энергетические связи одного партнера — паразита полностью или частично проходят через тело другого — «хозяина».

Паразитизм, как и хищничество, необходимо лишь «одной стороне» — хищнику или паразиту, ради существования которых сообщества соответствующего типа и образуются. Поэтому сущность объединения обменных связей в данном случае заключается в самосохранении существования популяции и отдельных особей хищников или паразитов.

В отношениях комменсализма (нахлебничества) «...один организм извлекает пользу из взаимодействия; в то время как другой не благопрियтствует, но и не противится этому... Тропические орхидеи, например, являются комменсалом по отношению к ветвям дерева, которые поддерживают их... Орхидеи сами осуществляют питание путем фотосинтеза., главным образом в корнях, которые свободно свисают во влажном воздухе, не получая питательных веществ от дерева-хозяина»³.

Здесь также объединение обменных связей организмов, отно-

---

¹ Wells H., Wells P. H. General Biology, p. 72.

² Jbidem., p. 73.

³ Wells H., Wells P. H. General Biology, p. 74.

сящихся к различным видам, необходимо только одному компоненту сообщества, который либо использует для удовлетворения своих потребностей структурные особенности организма «хозяина» и таким способом косвенно присоединяется к его обменным связям, либо, питаясь «объедками», использует в своих интересах деятельность «хозяина». Поэтому сущность данного типа объединения тождественна сущности обычных обменных связей живого организма: она заключается в самосохранении структуры и существования организма.

Таким образом, в любом случае сообщество особей одного или разных видов, обладающее той или иной общностью обменных процессов, представляет собой открытую биологическую систему совместно функционирующих организмов. Это означает, что на сообщества можно распространить выводы, полученные для отдельных организмов и, в первую очередь, утверждение о самосохранении как сущности обменно-вещественных и обменно-энергетических связей.

Понятие открытой биологической системы может быть отнесено и к биостроме Земли, которая представляет собой гигантский биоценоз. Живая материя на этом уровне представляет собой сообщество, состоящее из двух противоположных элементов. Один элемент — это популяция ауотрофных видов, представители которых способны синтезировать в ходе обменных процессов все необходимые им органические вещества, а также усваивать световую или химическую энергию абиотической среды. Второй элемент — это популяция гетеротрофных видов, особи которых не обладают такой способностью и поэтому вынуждены ассимилировать органические соединения, синтезируемые ауотрофами, получая таким путем необходимые им вещества и энергию. Часть гетеротрофных организмов питается растениями или продуктами растительного происхождения, другие употребляют в пищу тела и ткани животных или продукты их жизнедеятельности, третьи используют оба пути питания.

Общие обменно-вещественные и обменно-энергетические каналы связи с внешней абиотической средой пронизывают всю биострому. «Вещества, синтезируемые при метаболизме у растений, необходимы для жизни животных. Бактерии, используя продукты выделения животных, минерализуют их и создают условия для почвенного питания растений. При этом биогенные элементы: углерод, кислород, азот, натрий, калий, фосфор и др. в форме различных соединений непрерывно циркулируют между средой и организмами животных, растений и микробов, проходя сложный путь, называемый круговоротом веществ в природе»¹.

Обменные процессы, протекающие на различных уровнях

---

¹ Гофман-Кадошников П. Б., Петров Д. Ф. Биология с общей генетикой, стр. 41.

живой материи, и общность обменных каналов связи, принадлежащих популяции и особям разных таксономических групп, объединяют живую материю на биостроматическом уровне в единую метаболизирующую биологическую систему.

Помимо обеспечения потребностей каждого живого тела, система взаимосвязанных обменных процессов обеспечивает существование различных сообществ и биостромы Земли в целом.

Данная качественная особенность живой материи нашей планеты свидетельствует о том, что сущностью ее обменных связей, как и любой биологической открытой системы, является свойство самосохранения. Это свойство представляет собой сущность общебиостроматического единства обменно-вещественных и обменно-энергетических связей аутотрофных и гетеротрофных элементов живой материи, проявляющуюся в постоянных обменных процессах между живой и неживой природой. Самосохранение является также сущностью внутрибиологических процессов обмена веществом, энергией и деятельностью между отдельными организмами и между различными сообществами индивидуумов.

Таким образом, рассмотрение обменных процессов, протекающих на различных уровнях живой материи, позволяет сделать вывод о том, что самосохранение представляет собой общую сущность таких процессов. Независимо от того, на каком именно уровне реализуется та или иная форма обменных связей живого, она оказывается обусловленной самосохранением. Данный вывод может быть использован при разработке общих представлений о сущности живой материи.

О СПЕЦИФИЧЕСКОМ ХАРАКТЕРЕ И СУЩНОСТИ БИОЛОГИЧЕСКОГО ОТРАЖЕНИЯ

Среди разнообразных жизненных явлений отражательные процессы занимают особое место. Как мы отмечали в одной из ранее опубликованных работ¹, биологическое отражение отличается от аналогичного свойства неживой природы своей целесообразной активностью на основе извлечения информации из сигнальных воздействий внешней среды.

Наиболее простыми разновидностями активного отражения в живой материи являются тропизмы, насти и таксисы.

Тропизмы — это такие активные реакции неподвижных растений и самостоятельно не перемещающихся животных, которые заключаются в изменении положения их структурных элементов или направления роста под влиянием внешних воздействий. Фототропизм проявляется в том, что растения «тянутся» к свету, изгибая свои стебли в соответствии с направлением светового потока. Геотропизм — это процесс активного отражения, заключающийся в том, что стебли растений растут вверх, а корни — вниз под влиянием силы земного тяготения. При этом важно не силовое воздействие Земли, а та информация, которую растение извлекает из силы тяжести.

Американский биолог К. Вилли описывает следующий опыт: «Растение можно «обмануть», поместив его на вращающийся диск, при этом растение оказывается в поле действия центробежной силы. Растение будет реагировать на эту силу, заменяющую силу тяжести, таким образом, что побег будет расти по направлению к центру диска (соответствует росту вверх), а корни — к периферии»². Как видно, проявления геотропизма не зависят от характера материального воздействия, а заключаются в самоизменениях растений, получающих информацию о расположении «верха» и «низа» в окружающей их среде.

Существуют также явления хемотропизма — активного отражения воздействия химических веществ, гидротропизма — реакции на действие влаги и т. д.

¹ См. В. Н. Веселовский. О соотношении информации и отражения. — В кн.: Ленинская теория отражения и современность. Свердловск, 1967.

² Вилли К. Биология, М., «Мир», 1964, стр. 121.

Подвижные простейшие организмы активно отражают внешние воздействия посредством так называемых таксисов — движений по направлению к раздражителю или от него. При помощи фототаксиса одноклеточные растения занимают оптимальное положение, обеспечивающее им поглощение фотонов солнечного излучения. Активное отражение в форме хемотаксиса многим простейшим служит средством поиска пищи. Хемотаксис встречается и в многоклеточных организмах, обуславливая движение некоторых внутриорганизменных образований. П. Б. Гофман-Кадошников пишет: «...Некоторые формы лейкоцитов... обладают положительным хемотаксисом. Они проникают в места скопления микробов и пожирают их. Химические вещества, выделяемые отмирающими клетками организма, привлекают микрофагов, заглатывающих нежизнеспособные элементы и очищающих от них ткани»¹.

Таксисы, как и тропизмы, представляют собой самоизменения в деятельности простейших живых организмов, извлекающих информацию из внешних воздействий.

К рассматриваемой группе разновидностей активного отражения относятся присущие многим растениям настии, которые состоят в специфических структурных самоизменениях, вызываемых определенными сигнальными воздействиями. Хорошо известна реакция самоизменения стыдливой мимозы, которая в ответ на прикосновение складывает листья и опускает ветви. К настиям относятся реакции насекомоядных растений, захватывающих садящихся на них насекомых, закрытие и раскрытие в определенное время суток венчиков цветов и т. д.

У многоклеточных животных имеется особая нервная ткань, которая осуществляет восприятие и переработку внешней информации, а также управление органами, реализующими самоизменения организма в ответ на внешнее сигнальное воздействие. Активное отражение у этих живых существ обозначается понятием рефлекс, введенным в науку еще в XVII веке французским ученым Р. Декартом.

Безусловные рефлексy — это активное отражение таких внешних воздействий, способность реагировать на которые передается от родителей к потомкам по наследству. Каждое животное появляется на свет, обладая определенным набором безусловных рефлексов по отношению к пище, непосредственному воздействию на тело, некоторым изменениям внешней среды. На определенной стадии индивидуального развития проявляется безусловный рефлекс по отношению к особи противоположного пола.

Условные рефлексy в отличие от безусловных не являются

---

¹ Гофман-Кадошников П. Б., Петров Д. Ф. Биология с общей генетикой. М., «Медицина», 1966, стр. 82.

врожденными, а приобретаются и утрачиваются животным в онтогенезе. Они заключаются в том, что животные реагируют на такие воздействия, которые становятся сигнальными лишь при условии их предварительного неоднократного совпадения с безусловными сигналами. Появление новых условных рефлексов означает расширение сферы активного отражения; замена одних условных рефлексов другими смещает спектр активного отражения из одной области взаимодействия животного с окружающим миром в другую.

Другими словами, внутренние изменения в нервной системе животного, происходящие в результате совпадения во времени безусловного сигнала с воздействием, не несущим информацию, обуславливают изменение характера этого воздействия — оно становится сигнальным. В этом факте особенно ясно проявляется целесообразная активность биологического отражения, ее резкое отличие от безразличности активного отражения типа взрыва, встречающегося в неорганическом мире.

Активное биологическое отражение служит непосредственной базой управления и регулирования на различных уровнях живой материи.

Управление — это особого рода сигнальное воздействие, возникновение и осуществление которого зависит от закономерностей существования не только отражающей, но и отражаемой системы. Управление предполагает достижение определенной цели самоизменения управляемой системы за счет воздействия системы управляющей.

Биологическое управление — это такое воздействие, которое соответствует определенным целесообразно активным реакциям управляемой системы. При этом происходит переход функции выбора системой состояния в связи с количеством и ценностью воспринимаемой информации от самой системы, способной к самоизменениям, к другой системе, излучающей информацию, необходимую для осуществления этого самоизменения.

Управляющая система служит как бы посредником между управляемой системой и окружающим миром. Она воспринимает внешние воздействия, извлекает из них информацию, перерабатывает ее и, передавая переработанную информацию, оказывает сигнальное целесообразное воздействие на управляемую систему.

Процесс управления в живой материи представляет собой одну из конкретных разновидностей управления вообще, исследуемого современной кибернетикой. Изложенное понимание биологического управления близко определению, данному В. А. Трапезниковым, который считает, что «под управлением следует подразумевать такое корректирующее воздействие на определенную систему, которое вызывает в ней соответствующее изменение, подчиненное определенным объективным закономерностям и

Подвижные простейшие организмы активно отражают внешние воздействия посредством так называемых таксисов — движений по направлению к раздражителю или от него. При помощи фототаксиса одноклеточные растения занимают оптимальное положение, обеспечивающее им поглощение фотонов солнечного излучения. Активное отражение в форме хемотаксиса многим простейшим служит средством поиска пищи. Хемотаксис встречается и в многоклеточных организмах, обуславливая движение некоторых внутриорганизменных образований. П. Б. Гофман-Кадошников пишет: «...Некоторые формы лейкоцитов... обладают положительным хемотаксисом. Они проникают в места скопления микробов и пожирают их. Химические вещества, выделяемые отмирающими клетками организма, привлекают микрофагов, заглатывающих нежизнеспособные элементы и очищающих от них ткани»¹.

Таксисы, как и тропизмы, представляют собой самоизменения в деятельности простейших живых организмов, извлекающих информацию из внешних воздействий.

К рассматриваемой группе разновидностей активного отражения относятся присущие многим растениям настии, которые состоят в специфических структурных самоизменениях, вызываемых определенными сигнальными воздействиями. Хорошо известна реакция самоизменения стыдливой мимозы, которая в ответ на прикосновение складывает листья и опускает ветви. К настиям относятся реакции насекомоядных растений, захватывающих садящихся на них насекомых, закрытие и раскрытие в определенное время суток венчиков цветов и т. д.

У многоклеточных животных имеется особая нервная ткань, которая осуществляет восприятие и переработку внешней информации, а также управление органами, реализующими самоизменения организма в ответ на внешнее сигнальное воздействие. Активное отражение у этих живых существ обозначается понятием рефлекс, введенным в науку еще в XVII веке французским ученым Р. Декартом.

Безусловные рефлексы — это активное отражение таких внешних воздействий, способность реагировать на которые передается от родителей к потомкам по наследству. Каждое животное появляется на свет, обладая определенным набором безусловных рефлексов по отношению к пище, непосредственному воздействию на тело, некоторым изменениям внешней среды. На определенной стадии индивидуального развития проявляется безусловный рефлекс по отношению к особи противоположного пола.

Условные рефлексы в отличие от безусловных не являются

---

¹ Гофман - Кадошников П. Б., Петров Д. Ф. Биология с общей генетикой. М., «Медицина», 1966, стр. 82.

врожденными, а приобретаются и утрачиваются животным в онтогенезе. Они заключаются в том, что животные реагируют на такие воздействия, которые становятся сигнальными лишь при условии их предварительного неоднократного совпадения с безусловными сигналами. Появление новых условных рефлексов означает расширение сферы активного отражения; замена одних условных рефлексов другими смещает спектр активного отражения из одной области взаимодействия животного с окружающим миром в другую.

Другими словами, внутренние изменения в нервной системе животного, происходящие в результате совпадения во времени безусловного сигнала с воздействием, не несущим информацию, обуславливают изменение характера этого воздействия — оно становится сигнальным. В этом факте особенно ясно проявляется целесообразная активность биологического отражения, ее резкое отличие от безразличности активного отражения типа взрыва, встречающегося в неорганическом мире.

Активное биологическое отражение служит непосредственной базой управления и регулирования на различных уровнях живой материи.

Управление — это особого рода сигнальное воздействие, возникновение и осуществление которого зависит от закономерностей существования не только отражающей, но и отражаемой системы. Управление предполагает достижение определенной цели самоизменения управляемой системы за счет воздействия системы управляющей.

Биологическое управление — это такое воздействие, которое соответствует определенным целесообразно активным реакциям управляемой системы. При этом происходит переход функции выбора системой состояния в связи с количеством и ценностью воспринимаемой информации от самой системы, способной к самоизменениям, к другой системе, излучающей информацию, необходимую для осуществления этого самоизменения.

Управляющая система служит как бы посредником между управляемой системой и окружающим миром. Она воспринимает внешние воздействия, извлекает из них информацию, перерабатывает ее и, передавая переработанную информацию, оказывает сигнальное целесообразное воздействие на управляемую систему.

Процесс управления в живой материи представляет собой одну из конкретных разновидностей управления вообще, исследуемого современной кибернетикой. Изложенное понимание биологического управления близко определению, данному В. А. Трапезниковым, который считает, что «под управлением следует подразумевать такое корректирующее воздействие на определенную систему, которое вызывает в ней соответствующее изменение, подчиненное определенным объективным закономерностям и

направленное к лучшему достижению целей при всяких изменениях внешних условий и внутреннего состояния системы»¹.

Взаимосвязь между управляющей и управляемой системами может осуществляться двумя способами. Она может быть ограничена односторонним потоком информации от управляющей системы к управляемой. Более сложный и совершенный способ управления — двусторонняя, обратная связь, при которой не только управляющая система воздействует на управляемую, но существует и обратное сигнальное воздействие управляемой системы на управляющую. Обратный поток информации изменяет процесс управления в соответствии с изменяющимся в ходе этого процесса состоянием управляемой системы. Пример такой взаимосвязи приводит Н. М. Амосов: «...При физическом напряжении сосудодвигательный центр стимулирует сердце, оно увеличивает ударный объем, и кровяное давление повышается. Повышение воспринимается рецепторами (датчиками) в аорте, сигнализирующими обратно в мозг, где тормозится активность сосудодвигательного центра, предохраняя тем самым сосуды от чрезмерного повышения давления»².

Обратная связь может быть отрицательной и положительной. Наличие отрицательной обратной связи означает, что управляющая система стремится вернуть в первоначальное состояние управляемую систему, выходящую из этого состояния в силу тех или иных причин. Осуществление положительной обратной связи, наоборот, заключается в том, что управляющая система способствует выходу управляемой системы из первоначального состояния и переходу ее в другое состояние. При этом следует иметь в виду, что понятие «состояние» может обозначать и покой и процесс изменения по определенной программе. Поэтому переход из одного состояния в другое может проявляться в переходе от покоя к движению и наоборот, а также в переходе от одного процесса изменения к другому.

Существование отрицательной обратной связи обеспечивает особую форму управления в живой материи — регулирование разнообразных жизненных процессов. Регулирование — это поддержание определенной структуры или состояния системы или того и другого одновременно за счет ее самоизменений в условиях внешних возмущающих воздействий. Если управляющая и управляемая системы, необходимо участвующие в регулировании, являются элементами более общей системы, то можно говорить о самоуправлении и саморегулировании в рамках этой более общей

¹ Трапезников В. А. Задачи технических наук в развитии автоматического управления и технических средств автоматизации. — В кн.: Сессия АН СССР по научным проблемам автоматизации производства. М., 1957, стр. 39.

² Амосов Н. М. Регуляция жизненных функций и кибернетика. Киев, «Наукова думка», 1964, стр. 12.

системы. Один и тот же процесс, рассматриваемый в различных связях, может выступать либо как управление (регулирование), либо как самоуправление (саморегулирование).

Поддержание определенного уровня кровяного давления в организме осуществляется за счет управляющих воздействий на сердце и сосуды со стороны мозга. Здесь мозг представляет собой управляющую систему, а сердце и сосуды — управляемые системы. Но этот же процесс, рассмотренный в рамках целостного организма как системы более общей по отношению к мозгу, сердцу и сосудам, является саморегулированием кровяного давления в организме.

Регулирование может осуществляться только в определенном диапазоне изменений, которому соответствуют допустимые колебания внешних возмущающих воздействий. Амплитуда этих изменений и способ регулирования структуры и состояния живых систем составляет программу регулирования различных параметров, внутренне присущую живой материальной системе.

Рассмотрим процессы саморегулирования, протекающие на различных уровнях живой материи. На организменном уровне саморегулирование выражается в поддержании постоянства структуры и состояния организма в целом и отдельных его элементов — органов, тканей, клеток, внутриорганизменных и внутриклеточных жидкостей и т. д. Данное свойство живого организма получило название гомеостазиса. Теплокровные живые существа способны регулировать уровень кровяного давления, величину температуры тела, осмотическое давление крови, содержание в организме различных химических элементов и соединений и другие параметры.

По свидетельству П. А. Вундера, «одним из свойств внутренней сферы высокоорганизованных животных является постоянство уровня осмотического давления. Введение в кровь сернокислого натрия в дозах, которые должны привести к резкому повышению осмотического давления крови, не дает такого эффекта. Избыток соли выводится из организма через почки, со слезами и потом. Устойчивости осмотического давления крови способствует также регуляция концентрации Na, K, Ca в крови. Немалое значение для поддержания определенного уровня осмотического давления имеет способность животного регулировать содержание воды в крови. Если бы животное не было способно к такой регуляции, то осмотическое давление колебалось бы весьма резко в зависимости от наличия или отсутствия воды в пище, от количества выпитой жидкости»¹. Механизм этого регулирования осуществляется путем выработки организмом особых веществ — гормонов, которые переносят между внутренними

¹ Вундер П. А. Процессы саморегулирования в эндокринной системе. М., 1965, стр. 24.

органами соответствующую информацию и вызывают самоизменения в деятельности этих органов, восстанавливающие постоянство внутренней среды в условиях внешних возмущающих воздействий¹.

Покрытосеменные растения посредством самоизменений структурных элементов листа — устьиц также способны регулировать постоянство некоторых параметров своей внутренней среды. П. Б. Гофман-Кадошников следующим образом описывает этот процесс: «Устьица в коже листьев регулируют скорость поступления атмосферного воздуха в межклеточные полости листа и благодаря этому интенсивность водного и газового обмена. В середине дня интенсивность освещения и температура воздуха обычно повышаются, что содействует интенсивности фотосинтеза, но вместе с тем и увеличивает транспирацию воды, что при ограниченном поступлении воды из корневой системы может привести к засыханию растений. Но замыкающие клетки устьиц закрываются хлорофилл и устроены таким образом, что при интенсивном фотосинтезе и достаточном поступлении влаги они дугообразно изгибаются и широко открывают отверстие устьица, а при слабом освещении или недостатке воды замыкающие клетки уменьшаются, сближаются между собой и резко уменьшают щель устьица или даже совсем закрывают эту щель. Благодаря этому, при благоприятных условиях устьица широко открыты, а при неблагоприятных условиях устьица закрываются, что предотвращает напрасный (при недостаточном освещении) или даже опасный (при чрезмерном испарении) расход воды»².

Важная сторона саморегулирования заключается в том, что интервал и крайние значения допустимых колебаний параметров воздействий зависят главным образом от видовых особенностей. Организмы способны к саморегулированию жизненных процессов в зависимости от температуры внешней среды, ее химического состава, атмосферного давления, влажности, уровня ионизирующей радиации, почвенных условий и т. д.

Характеризуя эту особенность самосохранения на организменном уровне, К. Вилли пишет: «Некоторые организмы способны выдерживать лишь весьма незначительные колебания внешних условий, другие же выносят изменения в очень широких пределах... *стенотермным* называют организм, способный вынести лишь незначительные колебания температуры. Комнатная муха, напротив, *эвритермный* организм, так как она способна выдерживать колебания температуры от 7° до 50°»³.

П. Б. Гофман-Кадошников приводит данные о различии ин-

¹ Вундер П. А. Процессы саморегулирования в эндокринной системе. М., 1965, стр. 24.

² Гофман-Кадошников П. Б., Петров Д. Ф. Биология с общей генетикой, стр. 491.

³ Вилли К. Биология, стр. 604.

тервалов концентрации кислорода в воздушной среде для нормально регулируемого существования организмов: «В бескислородной среде аэробные организмы могут существовать очень короткое время. Малярийный комар в атмосфере азота погибает через 1—2 минуты. Снижение концентрации растворенного в воде кислорода вызывает гибель многих речных и озерных рыб. Но некоторые виды (карась, линь) приспособлены жить при низких концентрациях этого газа. Анаэробные организмы, в том числе аскарида и другие кишечные паразиты, живут при полном отсутствии кислорода»¹.

Согласно сообщению американского ученого Р. Гольдэкра, «для того, чтобы убить амёбу, требуется доля рентгеновского излучения в 1000 раз большая, чем для умертвления кролика...»².

Особой формой регулирования течения жизненных процессов на организменном уровне является самопереход некоторых видов живых существ в состояние полного или частичного анабиоза, при котором жизненные процессы приостанавливаются под воздействием неблагоприятных воздействий внешней среды или на какое-то время прекращаются вообще. И. И. Презент пишет, что «...такое состояние в определенных условиях есть приспособление к жизненной ситуации, когда, как это ни парадоксально, активная жизнь может быть опасна для жизни»³. Организмы, совершая самопереход в анабиотическое состояние, расширяют диапазон саморегулирования в ответ на колебания параметров внешней среды. Однако и в этом случае возможность регулирования состояния живого тела остаются ограниченными, определенными конечными пределами.

Одним из проявлений биологического отражения является приспособительная защитная окраска внешних покровов или специфическая форма тела, животных и растений — мимикрия, обеспечивающая живым существам сходство с окружающей средой или другими организмами.

Мимикрия основана на информационных процессах, но ее различные разновидности связаны с различным использованием информации. В условиях отпугивающей окраски она играет свою обычную роль — вызывать активное самозменение состояния той живой материальной системы, которая ее воспринимает. «Интересным примером, — пишет К. Вилли, — служит жерлянка, имеющая ярко окрашенное брюшко. Ее кожные железы выделяют определенные химические вещества, делающие ее совершенно

¹ Гофман-Кадошников П. Б., Петров Д. Ф. Биология с общей генетикой, стр. 45.

² Гольдэкр Р. Регуляция ритма и гомеостазиса в биологии и медицине. В кн.: Кибернетика и живой организм. Киев, «Наукова думка», 1964, стр. 46.

³ Презент И. И. О сущности жизни в связи с ее происхождением. В кн.: О сущности жизни, М., «Наука», 1964, стр. 216.

несъедобной; поэтому когда какой-нибудь потенциальный хищник, например, аист, приближается к группе этих животных, они переворачиваются на спинку, выставляя в качестве предостережения свое яркое брюшко. У аистов и других хищников, по-видимому, вырабатывается условный рефлекс, связывающий яркую окраску с неприятным вкусом, и поэтому они старательно избегают этих жаб»¹.

Если организм обладает защитной окраской, сигнал, исходящий от маскирующегося организма, играет несколько необычную роль. Он несет информацию, сходную с той, которая исходит от окружающей среды, и поэтому вызывает у хищника реакцию безразличия, благоприятную для испускающей его живой материальной системы. Информация, заключенная в защитной окраске, скрывает информацию о существовании маскирующегося организма.

Несколько примеров, иллюстрирующих это жизненное явление, приводит В. В. Яхонтов: «Богомол... обитающий на зеленой листве, имеет зеленый цвет, это облегчает ему нападение на жертву, а также делает его незаметным для хищников и паразитов, жертвой которых он может стать. Сельскохозяйственные вредители — восклицательная совка... и озимая совка..., летающие ночью, а днем укрывающиеся между кочками почвы, имеют землисто-серую окраску, благодаря которой они мало заметны... многие гусеницы пядениц... чрезвычайно похожи на сучки и веточки растений, где они обитают. Многие насекомые «подражают» по форме листьям растений, на которых они держатся, например, листовидка...»².

Когда организм обладает подражательной окраской, испускаемая им информация служит для дезинформации хищника, вызывая у него реакцию, противоположную его потребностям. «Разновидностью мимикрии,— пишет В. В. Яхонтов,— является миметизм, который выражается в сходстве по окраске и форме с другими животными, преимущественно другими насекомыми. Средством защиты (в основном от хищников) здесь служит внешнее сходство с более защищенными видами, например, с ядовитыми и жалящими... Например, некоторые мухи-журчалки очень похожи на жалящих перепончатокрылых — ос и пчел., или не ядовитая бабочка *Opthalmus* очень похожа на другую, ядовитую бабочку *Artaxa*...»³.

Сущность всех разнообразных видов мимикрии, основанной на биологическом отражении, как это видно из вышесказанного, состоит в сохранении индивидуального существования организмов. Этой же сущностью обусловлены процессы самоизменения окраски тела некоторых видов животных в зависимости от

¹ Вилли К. Биология, стр. 618.

² Яхонтов В. В. Экология насекомых, стр. 289—290.

³ Там же, стр. 291 и 78.

цвета окружающей среды. Например, камбала может приобретать различную окраску кожи, соответствующую цвету морского дна, заяц к зиме становится белым, что делает его малозаметным на фоне снега.

Каждая из рассмотренных отдельных разновидностей биологического отражения, управления и регулирования на организменном уровне обладает специфическими особенностями, отличающими ее от других разновидностей на этом же уровне живой материи. Вместе с тем все, что связано с уровнем организмов, обладает чертами, обусловленными данной связью. Различные свойства организменного уровня существуют не сами по себе, не изолированно, а в тесном сцеплении с другими свойствами.

Живой организм существует всегда в условиях необходимых обменных связей с окружающей средой, параметры которой подвержены не зависящим от живых тел колебаниям. Приведение организма в соответствии с этими колебаниями параметров путем его самоизменения представляет собой общее содержание разнообразных процессов отражения, управления и регулирования на организменном уровне.

Как видно из вышерассмотренного, биологическое отражение и основанные на нем управление и регулирование являются целесообразными. Эта целесообразность, в свою очередь, обладает более глубокой сущностью, которая заключается в самосохранении существования организма в определенных условиях внешней среды. Любое из рассмотренных явлений — тропизм, рефлекс, регулирование постоянства внутренних параметров и т. д. обнаруживают свою сущность в том, что сохраняют существование организма в условиях разнообразных возмущающих воздействий, обрушивающихся на него. Поскольку все эти процессы внутренне присущи самим организмом, следует говорить именно о самосохранении.

Таким образом, сущностью биологического отражения, управления и регулирования на организменном уровне живой материи является самосохранение живых организмов в определенном диапазоне внешних возмущающих воздействий. Данный вывод близок утверждению А. А. Ляпунова, что «...то состояние вещества, которое... следует считать живым...», обладает «...сохраняющими реакциями и управляющими системами, которые вызывают эти реакции и которые используют информацию, кодируемую мономолекулярными носителями»¹. А. А. Ляпунов считает данное свойство сущностью живого.

Однако рассмотренные выше проявления сохраняющих реакций не дают достаточных оснований для такого вывода. Не следует забывать, что сохраняющие реакции — только одно из

¹ Ляпунов А. А. Об управляющих системах живой природы. — В кн.: О сущности жизни. М., 1964, стр. 70.

несъедобной; поэтому когда какой-нибудь потенциальный хищник, например, аист, приближается к группе этих животных, они переворачиваются на спинку, выставляя в качестве предостережения свое яркое брюшко. У аистов и других хищников, по-видимому, вырабатывается условный рефлекс, связывающий яркую окраску с неприятным вкусом, и поэтому они старательно избегают этих жаб»¹.

Если организм обладает защитной окраской, сигнал, исходящий от маскирующегося организма, играет несколько необычную роль. Он несет информацию, сходную с той, которая исходит от окружающей среды, и поэтому вызывает у хищника реакцию безразличия, благоприятную для испускающей его живой материальной системы. Информация, заключенная в защитной окраске, скрывает информацию о существовании маскирующегося организма.

Несколько примеров, иллюстрирующих это жизненное явление, приводит В. В. Яхонтов: «Богомол... обитающий на зеленой листве, имеет зеленый цвет, это облегчает ему нападение на жертву, а также делает его незаметным для хищников и паразитов, жертвой которых он может стать. Сельскохозяйственные вредители — восклицательная совка... и озимая совка..., летающие ночью, а днем укрывающиеся между кочками почвы, имеют землистосерую окраску, благодаря которой они мало заметны... многие гусеницы пядениц... чрезвычайно похожи на сучки и веточки растений, где они обитают. Многие насекомые «подражают» по форме листьям растений, на которых они держатся, например, листовидка...»².

Когда организм обладает подражательной окраской, испускаемая им информация служит для дезинформации хищника, вызывая у него реакцию, противоположную его потребностям. «Разновидностью мимикрии,— пишет В. В. Яхонтов,— является миметизм, который выражается в сходстве по окраске и форме с другими животными, преимущественно другими насекомыми. Средством защиты (в основном от хищников) здесь служит внешнее сходство с более защищенными видами, например, с ядовитыми и жалящими... Например, некоторые мухи-журчалки очень похожи на жалящих перепончатокрылых — ос и пчел... или на ядовитую бабочку *Ophthalmus* очень похожа на другую, ядовитую бабочку *Artaxa*...»³.

Сущность всех разнообразных видов мимикрии, основанной на биологическом отражении, как это видно из вышесказанного, состоит в сохранении индивидуального существования организмов. Этой же сущностью обусловлены процессы самоизменения окраски тела некоторых видов животных в зависимости от

¹ Вилли К. Биология, стр. 618.

² Яхонтов В. В. Экология насекомых, стр. 289—290.

³ Там же, стр. 291 и 78.

цвета окружающей среды. Например, камбала может приобретать различную окраску кожи, соответствующую цвету морского дна, заяц к зиме становится белым, что делает его малозаметным на фоне снега.

Каждая из рассмотренных отдельных разновидностей биологического отражения, управления и регулирования на организменном уровне обладает специфическими особенностями, отличающими ее от других разновидностей на этом же уровне живой материи. Вместе с тем все, что связано с уровнем организмов, обладает чертами, обусловленными данной связью. Различные свойства организменного уровня существуют не сами по себе, не изолированно, а в тесном сцеплении с другими свойствами.

Живой организм существует всегда в условиях необходимых обменных связей с окружающей средой, параметры которой подвержены не зависящим от живых тел колебаниям. Приведение организма в соответствии с этими колебаниями параметров путем его самоизменения представляет собой общее содержание разнообразных процессов отражения, управления и регулирования на организменном уровне.

Как видно из вышерассмотренного, биологическое отражение и основанные на нем управление и регулирование являются целесообразными. Эта целесообразность, в свою очередь, обладает более глубокой сущностью, которая заключается в самосохранении существования организма в определенных условиях внешней среды. Любое из рассмотренных явлений — тропизм, рефлекс, регулирование постоянства внутренних параметров и т. д. обнаруживают свою сущность в том, что сохраняют существование организма в условиях разнообразных возмущающих воздействий, обрушивающихся на него. Поскольку все эти процессы внутренне присущи самим организмам, следует говорить именно о самосохранении.

Таким образом, сущностью биологического отражения, управления и регулирования на организменном уровне живой материи является самосохранение живых организмов в определенном диапазоне внешних возмущающих воздействий. Данный вывод близок утверждению А. А. Ляпунова, что «...то состояние вещества, которое... следует считать живым...», обладает «...сохраняющими реакциями и управляющими системами, которые вызывают эти реакции и которые используют информацию, кодируемую молекулярными носителями»¹. А. А. Ляпунов считает данное свойство сущностью живого.

Однако рассмотренные выше проявления сохраняющих реакций не дают достаточных оснований для такого вывода. Не следует забывать, что сохраняющие реакции — только одно из

¹ Ляпунов А. А. Об управляющих системах живой природы. — В кн.: О сущности жизни. М., 1964, стр. 70.

многочисленных жизненных явлений. Чтобы убедиться в правильности того, что самосохранение живых организмов — это и есть сущность организменного уровня живой материи, необходимо быть уверенным, что все остальные явления на этом уровне жизни обусловлены тем же свойством самосохранения. Но и тогда можно будет говорить лишь о сущности одного уровня живой материи.

На уровне сообществ одного и того же вида также существует биологическое отражение, управление и регулирование.

Одна из наиболее распространенных форм отражения внутри сообщества связана с сексуальными отношениями. Английский ученый Н. Тинберген следующим образом описывает управляющее воздействие самца трехиглой колюшки на самку: «Как только самец заканчивает строительство гнезда, он в тот же момент изменяет свою окраску. Красное на его теле становится еще более интенсивным, а все участки черного цвета, которые находятся на спине, сокращаются до мельчайших точек. Вследствие этого блестящие голубоватые кристаллы гуанина, которые расположены в глубоком слое кожи, становятся видны, и спина приобретает блестящий белесовато-голубой оттенок. Свет спины и темнота красного брюшка вместе с блестящими глазами делают самца крайне заметным. Показывая это привлекательное одеяние, самец дефилирует вверх и вниз по своей территории...

Каждый самец, если он готов принять самку, реагирует на нее путем исполнения курьезного танца около и вокруг нее... Каждый танец содержит серию скачков, во время которых самец сначала поворачивается так, как будто он собирается плыть прочь от самки, затем внезапно поворачивается и плывет к ней с широко открытым ртом»¹. В этих действиях и окраске тела самца содержится информация, которая воспринимается лишь самками, готовыми к икрометанию. Отвечая на «ухаживание», самка проникает в подготовленное гнездо и в ответ на тактильно-информационное воздействие самца мечет икру, которую тот оплодотворяет.

В данном примере управляющее воздействие внутри раздельнополой пары особей осуществляется посредством световых сигналов, несущих информацию о цвете тела самца и его движениях, а также путем непосредственного тактильного воздействия на тело самки. Элементы, присущие управляющей системе, которые служат источником сигналов — детали окраски, характер движения, определенного рода касание и т. д., принято называть релизерами, то есть пусковыми факторами.

У различных видов птиц номенклатура сексуальных релизеров включает не только элементы окраски оперения и определенные движения, но и разного рода звуки. Последние имеют особое

¹ N. Tinbergen. *Social Behaviour in Animals*. London, 1953, p., 10—11.

значение для тех видов птиц, у которых окраска оперения самцов и самок тождественна. Н. Тинберген пишет: «Многие птицы привлекают особей противоположного пола путем громких звуков. У соловья мы находим эти звуки прекрасными и называем их песней. А весенний зов самца серой цапли, представляющий собой резкий крик, непривлекателен для человеческих ушей. Зато он привлекает самку цапли и управляет теми же функциями, что и соловьиная песня»¹.

Звуковая сигнализация как средство передачи информации в процессе размножения присуща многочисленным видам насекомых. Один из примеров описывает Ж. П. Экхоудт: «...Трубочик-самец никогда не поет, если он находится вне своей зоны. Если к его владению приближается самец-конкурент, он заводит особую песню — предупреждение. Когда же долг защиты территории выполнен, сверчок продолжает свое обычное непрерывное стрекотание. Это стрекотание длится с заката солнца до раннего утра и издавна считалось «безразличным». Теперь известно, что он этим стремится привлечь самок. Когда самка оказывается рядом, он меняет мелодию и заводит «песню ухаживания», которую она должна долго выслушивать.

Таким образом, в распоряжении сверчка-трубочика по крайней мере три различных выражения: предупреждение, призыв и ухаживание»².

Многие земноводные и млекопитающие также издают звуки, несущие сексуальную информацию. У обезьян, помимо прочего, релизером может служить особая поза самки или самца, у других млекопитающих — запахи.

Роль информационных воздействий в раздельнополых парах особей не ограничивается тем, что она обеспечивает необходимый для полового процесса контакт самца и самки. У некоторых видов животных передача информации необходима для нормального течения других явлений, входящих в комплекс процессов воспроизведения себе подобных.

Р. Шовен приводит следующие данные об особенностях размножения мышей: «...Для нормального функционирования органов размножения у самок необходимо присутствие самца даже при условии, что он отделен от самок решеткой, так что спаривание невозможно. Недостаточно, чтобы самец побывал в клетке только для своей роли производителя, а затем был оттуда изъят; нет, нужно, чтобы самки постоянно испытывали возбуждающее воздействие его присутствия, быть может, чувствовали его запахи»³. Аналогичным образом «...у свиньи не могут нормально

¹ N. Tinbergen. *Social Behaviour in Animals*. London, 1953, p. 32.

² Экхоудт Ж. П. Насекомые-музыканты. «Наука и жизнь», 1965, № 4, стр. 149.

³ Шовен Р. От пчелы до гориллы, стр. 183.

развиваться половые железы, если она не имеет возможности услышать голос или почуять запах самца»¹.

Процессы биологического отражения входят также в другие отношения комплекса размножения, а именно: между представителями одного и того же пола и между родителями и потомками. Здесь они также заключаются в обмене информацией, вызывающей различные целесообразные действия.

Без обмена информацией, вызывающей активно целесообразные отражательные процессы, функция размножения не может действовать, за исключением самовоспроизведения тех видов, которые размножаются путем простого деления, как это происходит у многих одноклеточных, самооплодотворения и перекрестного оплодотворения путем переноса пыльцы ветром, как это имеет место у некоторых растений.

Биологическое управление в сообществах также имеет место в коллективных действиях по совместной защите от врагов. Появление хищника в непосредственной близости от сообщества представляет собой сигнал, несущий информацию об угрозе его существованию. Эта информация вызывает не только защитную реакцию тех особей, которые непосредственно воспринимают ее, но и передается посредством целесообразной сигнализации другим членам сообщества.

Следует отметить, что в таких случаях информация является своеобразным знаком, обозначающим определенный материальный объект, процесс или ситуацию внешней среды.

Сигнал, излучаемый одним из членов сообщества и оказывающий воздействие на остальных его членов, не содержит информации, адекватной угрожающему объекту. Он является лишь одним из элементов целесообразно активного отражения на организменном уровне. Крик птицы не предназначается ею для информирования об опасности других птиц — в условиях опасности птица будет так же кричать, находясь в полном одиночестве. В то же время характерные особенности издаваемых звуков служат релизерами, вызывающими защитную реакцию других птиц. Они могут быть различными в зависимости от каких-либо особенностей опасной ситуации — появления, например, врага птичьей стаи с земли или с воздуха. Однако во всех случаях звуки, движения, изменения внешнего вида, с одной стороны, являются элементами целесообразно активного отражательного процесса на уровне отдельных особей, а с другой — знаками, замещающими своим воздействием сигналы непосредственной опасности, грозящей членам сообщества. Как правило, эти сигналы-знаки способны воспринимать лишь представители того же вида, что и живое существо, их производящее. Но иногда животные способны воспринимать сигналы тревоги, издаваемые другим видом.

¹ Шовен Р. От пчелы до гориллы, стр. 183.

Сущность рассмотренного проявления биологического отражения явствует из того, что оно представляет собой одну из составных частей процесса защиты от врагов.

На этом основании можно сделать вывод, что сущность биологического отражения в рассматриваемых процессах состоит в сохранении существования всего сообщества и отдельных его членов.

Если кратко суммировать то, что сказано об отражении на уровне сообществ одного и того же вида, можно сделать вывод, что сущность биологического отражения на этом уровне материи состоит в самосохранении сообществ и отдельных живых организмов, их составляющих.

Уровню таксономических групп также присуща специфическая форма биологического отражения, которая состоит в передаче наследственной информации от родителей к потомкам. Исходящая от родителей информация содержится в специфическом сигнале — структуре хромосомного набора ядра зародышевой клетки и структуре самих хромосом.

Современная генетика раскрыла многие черты и особенности передачи наследственной информации, связи материальных носителей наследственной информации с организмом родителя, соотношения между генами и свойствами организма потомка, влияния внешней среды на наследственность и т. д.

Поскольку хромосомы и гены, расположенные в ядре зародышевой клетки, несут информацию о признаках, свойствах и чертах будущего живого организма, можно говорить, что структура этих материальных образований является сигналом относительно окружающей ядро цитоплазмы.

На необходимость такого совместного анализа обеих систем, ответственных за передачу наследственных признаков, обращал внимание известный американский ученый-генетик Т. Г. Морган¹.

Таким образом, передача признаков, черт и свойств живых организмов от родителей к потомкам представляет собой одну из разновидностей активного отражения, присущего живой материи. При этом передача наследственной информации так же целесообразна, как и другие разновидности биологического отражения. Каждый организм, чтобы существовать в той среде, где он рождается и существует, должен обладать определенными свойствами. Приобретение их и происходит в процессе развития от зародышевой клетки до взрослого организма под управлением наследственных сигналов.

Отсюда следует, что сущностью наследственно-отражательных процессов является сохранение в условиях постоянной сме-

¹ См. Морган Т. Избранные работы по генетике. М.—Л., Сельхозгиз, 1937, стр. 267.

ны поколений морфологических, физиологических и этиологических признаков, обеспечивающих самосохранение существования видов, родов, семейств и других таксономических групп.

На уровне различного рода биоценозов, то есть совокупностей живых организмов, относящихся к разным таксономическим группам и обитающих в относительно изолированном общем ареале, биологическое отражение проявляется в нескольких разновидностях. В первую очередь, сюда следует отнести отражение в процессе поиска пищи, когда организмы одного вида служат пищей организмам, принадлежащим к другому виду. Индивиды каждого вида, воспринимая информацию, исходящую от представителей другого вида, действуют в соответствии с этой информацией. Ясно, что сущностью отражательных процессов в том и другом случае является сохранение существования индивидов и сообществ, относящихся к одному и тому же виду.

Совместное действие этих двух противоположных процессов в биоценозе обуславливает регулирование численности популяций разных видов, составляющих биоценоз. Один из примеров такого регулирования приводят Г. Уэллс и П. Г. Уэллс: «В начале века популяция оленей на 700 000 акров плато Кейбаб к северу от Большого Каньона в Аризоне держалась на уровне около 5 тысяч животных из-за хищничества волков и пум. В то время как популяции волков и пум процветали, дальнейшего роста популяции оленей не происходило.

В течение пятнадцати лет, последовавших за 1907 годом, в этом районе было предпринято систематическое истребление крупных хищников, что привело к уменьшению численности их популяций. В ответ на устранение хищничества популяция оленей резко увеличилась, так что к 1925 году в этой зоне было около 100 тысяч оленей. На этом уровне уничтожение оленями травы, кустарников и деревьев стало таким интенсивным, что доступные запасы пищи скоро были съедены. В результате последовавшего массового голодания оленей в течение двух лет популяция оленей сократилась на 50%, а в дальнейшем численное падение постепенно уменьшило популяцию оленей до величины, не намного превышающей начальную»¹.

Этот пример показывает регулирующее воздействие хищников на травоядных животных того же биоценоза при наличии в нем растительных элементов определенной массы.

Регулирующая роль хищников осуществляется путем уничтожения ими части особей из популяции травоядных. Конечно, само по себе уничтожающее воздействие, представляющее один из элементов межвидовой борьбы, не относится непосредственно к процессу размножения. Но оно вызывает процесс самозменения популяций в силу специфических закономерностей, присущих

¹ H. Wells, P. H. Wells, *General Biology*, p. 72.

животным каждого вида. Информацией при этом служат темпы уничтожения хищниками своих жертв.

Аналогичным образом проявляется влияние растительных элементов биоценоза на численность популяций травоядных. Ясно, что само по себе процветание отдельных особей при обилии пищи или их гибель в условиях бескормицы не представляет собой отражения. Однако эти же процессы, будучи отнесены к динамике изменения численности популяции в целом, выступают как сигнальные воздействия, влекущие за собой самоизменения в ее специфическом процессе размножения. Информацией здесь служит средний уровень обеспечения пищей индивидуумов популяции.

Целесообразность биологического регулирования в биоценозах заключается в том, что благодаря ему восстанавливается оптимальное соотношение популяций разных видов, обеспечивающее их взаимосвязанное существование.

Соответствие между массой растений, уничтожаемой травоядными, и массой их, появляющейся в процессах роста и размножения, устанавливается путем уничтожения травоядных хищниками, численность которых поддерживается на определенном уровне, зависящем от численности травоядных.

Вывод, который следует сделать в итоге рассмотрения целесообразно активного отражения в биоценозах, состоит в следующем: сущностью отражения на этом уровне живой материи является сохранение существования биоценозов как сложных динамических систем и сохранение отдельных популяций, представляющих собой составляющие элементы этих систем.

Если сравнить те выводы, которые были получены при рассмотрении биологического отражения на различных уровнях живой материи, то нетрудно отметить, что все они обладают общим характером и единой сущностью. На всех уровнях биологическое отражение является целесообразно активным. В этом состоит его принципиальное отличие от любых форм отражения в неживом мире. Все формы биологического отражения обусловлены, в конечном счете, самосохранением соответствующих уровней. Поэтому общий вывод с необходимостью должен быть таков: сущностью биологического отражения является самосохранение живой материи.

ОБЪЕКТИВНОЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ И ИХ СООТНОШЕНИЕ В МЕХАНИЗМЕ ДЕЙСТВИЯ ЗАКОНОВ СОЦИАЛИЗМА

В. И. Ленин уделял большое внимание выяснению особенностей действия законов общественного развития в условиях социализма. Эти особенности связаны, прежде всего, с изменением соотношения субъективной и объективной сторон деятельности людей. Возрастание роли субъективного фактора в период социализма и строительства коммунизма существенно влияет на механизм действия законов во всех сферах жизни общества.

Решение вопроса о соотношении субъективного и объективного в действии и проявлении законов социализма имеет важное теоретическое и практическое значение. Это имеет и прямое отношение к практической деятельности партии, государства и всех трудящихся в эпоху строительства коммунистического общества.

Суть дела сводится к тому, чтобы на основе научного анализа правильно сочетать объективные возможности и направления деятельности людей. Как отмечал В. И. Ленин, «метод Маркса состоит прежде всего в том, чтобы учесть *объективное* содержание исторического процесса в данный конкретный момент, в данной конкретной обстановке, чтобы прежде всего понять, движение *какого* класса является главной пружиной возможного прогресса в этой конкретной обстановке»¹. Все это дает возможность не допустить крайностей как субъективизма и волюнтаризма, так и объективизма, выражающегося в недооценке роли объективной стороны исторического процесса. Известно, что еще на заре истории Коммунистической партии, а затем после прихода ее к власти В. И. Ленин активно боролся против различных форм субъективизма и вульгарного экономизма, объективизма правых и левых оппортунистов.

В современной философской литературе все эти вопросы находят соответствующее отражение. При этом высказываются различные точки зрения. Существенное расхождение взглядов обнаружилось в понимании объективности законов социализма, механизма их действия.

Многие авторы полагают, что объективность законов общест-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 139—140.

ва, и в частности, социализма означает полную независимость их действия от сознания и воли людей. Именно в этом смысле и истолковывается ими известное высказывание В. И. Ленина, направленное против субъективизма: «Маркс рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс, подчиняющийся законам, не только не зависящим от воли, сознания и намерений людей, а, напротив, определяющим их волю, сознание и намерения»¹.

Так, Я. А. Кронрод исходит из того, что существуют, с одной стороны, объективные законы, независимые от сознательной деятельности людей, а с другой стороны, сама эта деятельность, связанная с такими «объективными формами и стимулами», как материальные потребности и интересы общества. «Экономические законы социализма,— пишет он,— как и любого другого способа производства реализуются необходимо, неизбежно, безотносительно к воле и сознанию людей». «Законы объективны и реализуются вне зависимости от того, познаны они или нет»².

Такое понимание объективности законов общества, и прежде всего, законов социализма, вызвало возражение авторов ряда работ. Основываясь на известном положении марксизма, определяющем законы общественного развития как законы самой практической деятельности людей, они утверждают, что данные законы не могут действовать вне соответствующей степени осознания людьми необходимости тех или иных действий. Одновременно последнее оказывает влияние и на направление их практической деятельности. Поэтому сознание и воля людей, субъективная сторона исторического процесса — это не просто внешние условия и ускорители действия объективных законов общества, они входят в содержание механизма их действия. Такое положение обосновывалось, в частности, в статье И. И. Ворошилина «Можно ли прийти к социализму без научной теории»³. Его придерживается и В. Яковцевский. Критикуя Я. Кронрода, он отмечает, что точка зрения последнего возвышает экономические законы над производственной деятельностью людей, возводит их «в ранг внешних сил, за которыми люди должны слепо следовать»⁴.

На наш взгляд, основа правильного решения вопроса об объективности законов социализма заложена в диалектическом понимании взаимодействия объективной и субъективной сторон в историческом процессе. И те, кто критикует точку зрения

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 166.

² Кронрод Я. А. «Законы политической экономии социализма. Очерки методологии и теории». М., 1966, стр. 523, 373.

³ Ворошилин И. И. Можно ли прийти к социализму без научной теории.— «Вопросы философии», 1962, № 7.

⁴ Яковцевский В. Общественные отношения и экономические законы.— «Вопросы экономики», 1968, № 6, стр. 105.

ОБЪЕКТИВНОЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ И ИХ СООТНОШЕНИЕ В МЕХАНИЗМЕ ДЕЙСТВИЯ ЗАКОНОВ СОЦИАЛИЗМА

В. И. Ленин уделял большое внимание выяснению особенностей действия законов общественного развития в условиях социализма. Эти особенности связаны, прежде всего, с изменением соотношения субъективной и объективной сторон деятельности людей. Возрастание роли субъективного фактора в период социализма и строительства коммунизма существенно влияет на механизм действия законов во всех сферах жизни общества.

Решение вопроса о соотношении субъективного и объективного в действии и проявлении законов социализма имеет важное теоретическое и практическое значение. Это имеет и прямое отношение к практической деятельности партии, государства и всех трудящихся в эпоху строительства коммунистического общества.

Суть дела сводится к тому, чтобы на основе научного анализа правильно сочетать объективные возможности и направления деятельности людей. Как отмечал В. И. Ленин, «метод Маркса состоит прежде всего в том, чтобы учесть объективное содержание исторического процесса в данный конкретный момент, в данной конкретной обстановке, чтобы прежде всего понять, движение *какого* класса является главной пружиной возможного прогресса в этой конкретной обстановке»¹. Все это дает возможность не допустить крайностей как субъективизма и волюнтаризма, так и объективизма, выражающегося в недооценке роли объективной стороны исторического процесса. Известно, что еще на заре истории Коммунистической партии, а затем после прихода ее к власти В. И. Ленин активно боролся против различных форм субъективизма и вульгарного экономизма, объективизма правых и левых оппортунистов.

В современной философской литературе все эти вопросы находят соответствующее отражение. При этом высказываются различные точки зрения. Существенное расхождение взглядов обнаружилось в понимании объективности законов социализма, механизма их действия.

Многие авторы полагают, что объективность законов общест-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 139—140.

ва, и в частности, социализма означает полную независимость их действия от сознания и воли людей. Именно в этом смысле и истолковывается ими известное высказывание В. И. Ленина, направленное против субъективизма: «Маркс рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс, подчиняющийся законам, не только не зависящим от воли, сознания и намерений людей, а, напротив, определяющим их волю, сознание и намерения»¹.

Так, Я. А. Кронрод исходит из того, что существуют, с одной стороны, объективные законы, независимые от сознательной деятельности людей, а с другой стороны, сама эта деятельность, связанная с такими «объективными формами и стимулами», как материальные потребности и интересы общества. «Экономические законы социализма,— пишет он,— как и любого другого способа производства реализуются необходимо, неизбежно, безотносительно к воле и сознанию людей». «Законы объективны и реализуются вне зависимости от того, познаны они или нет»².

Такое понимание объективности законов общества, и прежде всего, законов социализма, вызвало возражение авторов ряда работ. Основываясь на известном положении марксизма, определяющем законы общественного развития как законы самой практической деятельности людей, они утверждают, что данные законы не могут действовать вне соответствующей степени осознания людьми необходимости тех или иных действий. Одновременно последнее оказывает влияние и на направление их практической деятельности. Поэтому сознание и воля людей, субъективная сторона исторического процесса— это не просто внешние условия и ускорители действия объективных законов общества, они входят в содержание механизма их действия. Такое положение обосновывалось, в частности, в статье И. И. Ворошилина «Можно ли прийти к социализму без научной теории»³. Его придерживается и В. Яковцевский. Критикуя Я. Кронрода, он отмечает, что точка зрения последнего возвышает экономические законы над производственной деятельностью людей, возводит их «в ранг внешних сил, за которыми люди должны слепо следовать»⁴.

На наш взгляд, основа правильного решения вопроса об объективности законов социализма заложена в диалектическом понимании взаимодействия объективной и субъективной сторон в историческом процессе. И те, кто критикует точку зрения

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 166.

² Кронрод Я. А. «Законы политической экономии социализма. Очерки методологии и теории». М., 1966, стр. 523, 373.

³ Ворошилин И. И. Можно ли прийти к социализму без научной теории.— «Вопросы философии», 1962, № 7.

⁴ Яковцевский В. Общественные отношения и экономические законы.— «Вопросы экономики», 1968, № 6, стр. 105.

Я. Кронрода, больше раскрывает эту диалектику в механизме действия законов социализма. Вместе с тем данный вопрос нуждается в дальнейшей разработке и в более четком определении субъективной и объективной сторон общественно-исторического процесса. Остановимся на содержании категорий объективного и субъективного, а также их соотношении с категориями стихийного и сознательного.

Понятия субъективного и объективного связаны непосредственно с понятиями субъекта и объекта. Понятие субъективного выражает в общем смысле принадлежность к субъекту и зависимость от него, понятие же объективного — принадлежность к объекту и зависимость от объекта. Но это общее отношение нужно раскрыть как соотношение определенных факторов и сторон детерминации во взаимодействии субъекта и объекта. Ведь само это взаимодействие есть одна из конкретных форм движения материи со специфическими формами закономерности, причинности, связи возможности и действительности.

Понятия субъекта и объекта характеризуют две стороны материального взаимодействия на уровне общества. Отношение между этими сторонами имеет характер развивающегося противоречия. Субъект выступает как носитель сознательно целенаправленного действия, преобразующего объект. Та часть материального мира, с которой субъект взаимодействует и которая стала предметом его преобразующей деятельности и познания, определяется как объект. Сущность субъекта социальна. Отношение субъекта к миру определяется его социальными потребностями, удовлетворение их связано с сознательным преобразованием объекта. Поскольку практика — это целенаправленное воздействие субъекта на объект, — то она включает в себя относительно самостоятельный момент — познание. И практика, и познание совершаются только внутри исторически определенной системы связей отдельных индивидов и социальных групп. Поэтому-то субъектом общественно-исторической практики и познания выступает общество в целом. Однако общественный субъект имеет сложную развивающуюся структуру. Она включает в себя различные элементы и уровни организации (отдельные индивиды, классы, партии), взаимодействующие между собой и выступающие субъектами конкретных действий. Объектом деятельности субъекта является не только внешняя природа. На основе преобразования ее, субъект сам становится объектом собственной преобразующей деятельности. В данном случае объектом преобразования выступают элементы и отношения самого общества, прежде всего материальные производственные отношения. Все это объясняет взаимопроникновение и определенную относительность противоположности субъективного и объективного в общественно-историческом процессе.

Общество является самоуправляющейся системой на всех

уровнях своей организации. Поэтому при рассмотрении взаимодействия субъекта и объекта обнаруживается, наряду с противоположностью субъективного и объективного, противоположность стихийного и сознательно управляемого. Стихийное означает такое сочетание факторов детерминации и такое осуществление возможностей, в выбор и реализацию которых не включено действие систем управления на основе сознательной цели. Сознательность определяется адекватностью отражения сознанием субъекта ситуации, в которой он действует, и характеризует степень совпадения цели и результата действия на основе этой цели. Во взаимодействии всех элементов и уровней общества, а также общества и природы, соотношение стихийного и сознательного приобретает сложный характер, и их противоположность также обнаруживает свою относительность. Сознательность же функционирования и развития общества в целом, степень этой сознательности, обусловленную и гносеологически, и социальными факторами, следует связывать с деятельностью центральных систем управления. Главным элементом в них в классовом обществе является государство. Очевидно, что отношение субъективного и объективного, как и отношение стихийного и сознательного, не сводится только к гносеологическому отношению. Оно обнаруживается внутри самой практики как отношение материальных факторов детерминации. Субъективная сторона практики, как материального взаимодействия субъекта и объекта, будет представлена тем, что в результате этого взаимодействие детерминировано субъектом. Объективная же, соответственно, тем, что детерминируется объектом и существует в данном отношении независимо от субъекта и субъективного.

К субъективной стороне практики и общественно-исторического процесса обычно относят совокупность форм общественного и индивидуального сознания. Эта сторона обнаруживается в детерминации деятельности субъекта наряду с объективными причинами — причинами субъективными — сознанием¹. Однако субъективная сторона практики хотя и обнаруживается как зависимость ее результатов от сознания, не исчерпывается этой зависимостью. Субъективное должно характеризовать и содержание самих материальных факторов детерминации. Если же субъективная сторона практики ограничивается только ее зависимостью от сознания, то субъективное в практике легко отождествить с идеальным, что и делают некоторые авторы. Но понятие идеального не тождественно понятию субъективного.

---

¹ Бухалов Ю. Ф. Соотношение субъективного и объективного в практике. — «Философские науки», 1961, № 1; Приписнов В. И. Проблема субъективного фактора в историческом материализме. Душанбе, 1966; Глезерман Г. Е. Исторический материализм и развитие социалистического общества. М., 1967; Чагин Б. А. Субъективный фактор. Структура и закономерности. М., 1968.

Чтобы выступить в качестве фактора детерминации, субъективное, как и объективное, должно иметь материальное содержание, которое в той или иной степени адекватности находит отражение и в сознательной цели субъекта. Не все факторы детерминации, определяемые материальной природой субъекта, в том числе и применяемых им орудий труда, следует относить к субъективным (например, просто физические, химические, биологические свойства субъекта). Субъективная сторона детерминации определяется лишь социальной сущностью субъекта, совокупностью специфически общественных материальных отношений и порожденных ими потребностей. Потребность есть первичная форма выражения и существования субъективного. Возрастание же возможностей сознательной регуляции самих потребностей и процесса их удовлетворения означает возрастание уровня развития субъективного. Потребности субъекта, выражающие его социальную сущность, и определяют содержание субъективной стороны практики. Такое содержание воплощается в материальных результатах деятельности субъекта потому, что эта деятельность включает в себя применение различных орудий и средств, рассчитанных на определенный результат, и управление, обеспечивающее выбор возможностей на основе сознательной цели. Управление же является материальным процессом, хотя и включает в себя информационный аспект. Субъективное, будучи выражением социальной сущности субъекта, будет включать в себя и гносеологическое отношение к объекту. Поэтому сознание выступает как сторона субъективного, не существующая вне и независимо от субъекта. Но наряду с субъективной формой и субъективным содержанием, сознание включает в себя объективное содержание как отражение вступившего во взаимодействие с субъектом объекта. Отсюда следует, что субъективное не тождественно сознательному, хотя всегда в определенной степени и содержит его. Субъективная сторона практики будет обнаруживаться и там, где в ней, наряду с сознательным, присутствуют элементы стихийного. Поэтому субъективное может характеризоваться и как сознательное, и как стихийное. На наш взгляд, на эту взаимосвязь правильно указывает Б. А. Чагин¹. Преобладание во многих отношениях стихийности в общественной практике и историческом процессе характерно для досоциалистических формаций. При социализме отношение стихийного и сознательного качественно изменяется.

Между понятиями объективного и стихийного также обнаруживается взаимосвязь, но не тождественность. Материальный мир (природа и само общество), вовлеченный во взаимодействие с субъектом, обнаруживает по отношению к нему свойство объек-

¹ Чагин Б. А. Субъективный фактор. Структура и закономерности, стр. 23.

тивности, независимости от субъекта, его потребностей и целей. Объект, наряду с субъектом, детерминирует результат взаимодействия, определяя его объективное содержание. Зависимость субъекта от материального мира, что находит выражение и в объективном содержании цели, объясняет то, что субъект может лишь менять и модифицировать форму проявления природных закономерностей, но не отменять их. Во взаимодействии с материальным миром субъект никогда не может полностью детерминировать результат и охватить своей регуляцией все генетические, структурные, пространственные и прочие связи и отношения. Объект его деятельности и регуляции есть лишь часть бесконечного материального мира. И сам субъект, как конечная материальная система, есть продукт бесконечного развития материи. Поэтому, не отменяя действия объективных факторов детерминации, субъект меняет лишь форму их воплощения в продуктах своей деятельности. «Законы внешнего мира, природы... суть основы *целесообразной* деятельности человека.

Человек в своей практической деятельности имеет перед собой объективный мир, зависит от него, им определяет свою деятельность»¹.

Субъективное и объективное в процессе общественной практики не представляют из себя застывшие противоположности. Они изменяются и взаимно переходят друг в друга. Объект конкретного практического действия субъекта, еще не преобразованный в соответствии с наличной потребностью в целом, не зависит в этом отношении от субъекта и его сознания. Но объект может в значительной мере представлять продукт прошлой деятельности субъекта, и если субъект действует сознательно, то цели прошлой, настоящей и будущей деятельности взаимосвязаны. Конечно, такая сознательность общественного субъекта есть продукт исторического развития, и здесь следует учитывать тот факт, что в классовом обществе антагонизм интересов классов порождает и противоположность целей их деятельности. Но все же в общем плане нельзя отрицать как зависимость субъективного от объективного в процессе общественно-исторической практики, так и обратную зависимость объективного от субъективного.

Виды практической деятельности субъекта многообразны. Общее в них то, что объект сознательно преобразуется в соответствии с потребностями субъекта. Поэтому материальный мир, как объект деятельности субъекта, дан для субъекта не просто сам по себе, а внутри его противоречия с объектом, через результат взаимодействия с ним, определенный потребностями, интентами, целями, а также средствами взаимодействия на объект. В этих результатах, наряду с объективным, всегда имеется и субъективное содержание. «Природа, взятая абстрактно, изоли-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 169—170.

рованно, фиксированная в оторванности от человека, есть для человека ничто»¹. Отсюда следует, что по отношению к субъекту материальный мир, как объект, всегда выявляет лишь отдельные стороны, свойства, возможности своей сущности. Но способ и средства деятельности субъекта (орудия труда, технические устройства, приборы) в процессе его социально-исторического развития становятся все более универсальными. Результаты деятельности субъекта (преобразование природы, общественных отношений) включаются в материальный мир и становятся его частью. Этот факт создает возможность для того, чтобы представить сам материальный мир как не существующий независимо от субъекта, его деятельности, потребностей, интересов, целей. Данный вывод в той или иной форме лежит в основе всех субъективно-идеалистических направлений буржуазной философии. В частности, в свое время А. Богданов, исходя из теории эмпириокритицизма, сделал вывод о тождественности общественного бытия и общественного сознания.

Критикуя точку зрения А. Богданова, как проявление субъективного идеализма во взглядах на общество, В. И. Ленин подчеркнул абсолютную противоположность общественного сознания и общественного бытия, образа и объекта в гносеологическом плане как противоположность идеального и материального. Объект первичен по отношению к своему образу в акте отражения, их нельзя отождествлять. Но если рассмотреть функции образа, сознания в практической деятельности, то следует учесть его участие в детерминации продуктов этой деятельности. Как отмечал В. И. Ленин, сознание не только отражает объективный мир, но и творит его. Но и этот факт не будет отрицать первичность материального мира по отношению к субъекту и его деятельности и в генетическом плане, и в плане постоянного участия в детерминации деятельности субъекта. Законы же движения и развития материи в целом не подчинены никакому сознательно регулирующему их началу. Субъект в своей деятельности всегда должен опираться на объективное и учитывать его, а сознательная деятельность субъекта всегда существует во взаимодействии со стихийным.

Поэтому-то В. И. Ленин, критикуя А. Богданова, чтобы доказать, что общественное бытие по отношению к общественному сознанию обладает свойством объективности, указывает на тот факт, что сами материальные отношения людей, производственные отношения в буржуазном обществе складываются стихийно, не проходя предварительно через сознание². Это означает, что хотя индивидуальная деятельность людей в пределах наличной ситуации всегда в определенной степени сознательна, однако,

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 640.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 345.

принимая характер общественной деятельности, она уже во многом не является объектом сознательного общественного управления. Попытки современного буржуазного государства расширять границы государственного регулирования встречают объективные препятствия и ограничения. Их причина — частная собственность, классовый интерес буржуазии. Поэтому в основу такого регулирования не может быть положена действительно научная теория развития капитализма, необходимости тех или иных преобразований.

Однако стихийность, как свойство движения и развития материального мира в целом, а частично и общества, и объективность, как такое его свойство, которое обнаруживается во взаимодействии с субъектом, не совпадают. Стихийное, которое в обществе противостоит сознательно управляемому, обнаруживается, конечно, факт независимости материального мира в целом от субъекта, его деятельности и сознания, а также обусловленность этой деятельности на каждом конкретном ее этапе не определяемыми самим субъектом объективными факторами детерминации. Но объективная сторона детерминации обнаруживается и в процессе сознательно управляемом. Во-первых, границы сознательно управляемого всегда относительны и существуют во взаимодействии со стихийным. Это относится и к взаимодействию общества с природой, и к преобразованию самих общественных отношений. Во-вторых, объективная сторона обнаруживается не только вне, но и внутри сознательно управляемого процесса, свобода всегда опирается на объективную закономерность.

И в том случае, когда результат деятельности субъекта соответствует его потребностям и регулируется в соответствии с ними, материальный мир с его законами не устраняется, но эти законы меняют лишь форму своего проявления. В данном случае субъективное и объективное в наиболее полной мере взаимобуславливают и взаимопереходят друг в друга. Цели субъекта, воплощаясь в материальных результатах, порождают объективные факторы детерминации его дальнейшей деятельности. Но если цели прошлой и настоящей деятельности связаны, то новое содержание объективных условий лишь помогает осуществить цели нового действия.

Таким образом, и в процессе сознательно управляемом объективная сторона детерминации не исчезает. Но ее нельзя отрывать от субъективной стороны, когда мы рассматриваем практическую деятельность людей и ее законы. В противоположность вульгарному экономизму и объективизму, марксизм указывает на то, что законы развития общества есть законы самой практической деятельности людей и не проявляются вне ее. Законы развития общества охватывают как субъективную, так и объективную стороны детерминации и осуществляются как их единство. В отличие от законов природы, в механизм действия законов

общества входят потребности, интересы, цели общественного субъекта. Но это означает, что объективность этих законов проявляется иначе, чем объективность законов природы. Если в механизм действия законов общества входит субъективная сторона детерминации, то проявление этих законов всегда зависит и от познания, воплотившегося в практические действия субъекта, и от соотношения в этих действиях стихийного и сознательного. Все это оказывает влияние на характер и направление исторического процесса. Но это не устраняет и никогда не сможет устранить объективную сторону детерминации. Наиболее полные возможности для сознательного проявления субъективного в механизме действия законов общества, как социальные, так и гносеологические, возникают при социализме. Научное управление обществом становится потребностью и необходимым моментом действия законов социализма, реализации объективных возможностей.

Таким образом, в историческом процессе субъективная и объективная стороны находятся в постоянном взаимодействии. При этом субъективное не отменяет объективного содержания действительности, а существует на его основе.

В связи с этим встает вопрос о конкретной связи субъективного и объективного в механизме действия законов общества, в том числе и законов социализма.

К. Маркс, а затем и В. И. Ленин, говоря о развитии общества как об естественно-историческом процессе, подчеркивали этим не только единство законов природы и законов общества, но и их существенное различие. Общественно-историческая практика реализуется как единство субъективного и объективного, законы движения и развития общества и есть законы этой практической деятельности людей, они не стоят где-то над ней и вне ее. «История», — писал К. Маркс, — не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения *своих* целей. История — *не что иное*, как деятельность преследующего свои цели человека¹.

Эти положения марксизма и следует положить в основу решения вопроса об объективности законов социализма и механизма их действия. Любой закон развития и функционирования общества реализуется прежде всего как процесс превращения возможности в действительность. При этом связь возможности и действительности следует понимать диалектически, движение и развитие многонаправлены, они осуществляются в борьбе различных возможностей, в процессе выбора возможностей, реализация которых и входит в содержание того или иного закона. Превращение возможности в действительность в обществе всегда связано с целой совокупностью объективных и субъективных

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, стр. 102.

условий, факторов. Поэтому взаимодействие объективного и субъективного с необходимостью включается в механизм действия законов общества, в том числе и законов социализма.

Точка зрения тех, кто исключает из механизма действия общественных законов сознательную деятельность людей и выносит ее как субъективную сторону за пределы этого механизма, неверна и по существу родственна метафизической натурализации общественной закономерности. Такая точка зрения разделяется, например, Я. А. Кронродом. Он пишет: «Механизм действия экономических законов социализма объективен, не зависит от воли и сознания людей, он имманентен самим экономическим отношениям. Деятельность же по планомерному, сознательному применению экономических законов хотя объективно и обусловлена, но сама по себе, как таковая, субъективна»¹.

При таком подходе неверно представляется соотношение объективного и субъективного в механизме действия законов социализма, по существу, исключается субъективная сторона, в том числе и сознание людей из этого механизма. За всем скрывается непонимание того, что объективность законов общества проявляется иначе, чем объективность законов природы. Последние действительно существуют независимо от сознания и деятельности субъекта, не детерминируются им. Потому в своей практике люди могут лишь видоизменять форму проявления законов природы, но не отменять их действия. Законы же общества реализуются во взаимодействии объективной и субъективной сторон. Вот почему объективность их обусловлена тем, что субъективная, сознательная деятельность людей в конечном счете всегда связана с объективным, основывается на нем.

Как бы ни были широки границы свободы деятельности людей, это никогда полностью не может устранить объективных факторов детерминации. Поэтому проявление и действие любого общественного закона всегда сопряжено с определенной степенью осознания людьми его требований и учета этого в своей деятельности. Сама же индивидуальная деятельность людей при отсутствии объективных возможностей ее управления со стороны центральных органов, во многих отношениях на уровне общества в целом, может обнаруживаться как стихийная.

При социализме же, в условиях возрастания роли субъективной стороны общественной практики, все законы (в том числе закон планомерного развития народного хозяйства, закон соответствия производительных сил и производственных отношений) реализуются на основе научного осознания как общественных потребностей, обусловленных системой социалистических обще-

¹ Кронрод Я. А. К вопросу об объективном механизме действия экономических законов социализма.— «Вопросы философии», 1965, № 3, стр. 119.

ственных отношений, так и объективных возможностей их удовлетворения.

В новых условиях развития социалистических стран, вызванных осуществлением экономической реформы, необходимостью совершенствования всех систем общественного управления, выяснение роли субъективного фактора в механизме действия законов социализма требует серьезного изучения.

Э. Альбрехт справедливо отмечает, что для уяснения специфики соотношения объективных законов и сознательной деятельности людей в условиях социализма уже недостаточно формулы, применявшейся в прошлом: сознательная деятельность, если она опирается на знание законов, может ускорить развитие общества, или, наоборот, замедлять его, если она направлена против них.

Эта формула охватывает количественную, но не качественную сторону соотношения. Качественная сторона проявляется в том, что «общественное сознание выполняет необходимую функцию в общественном процессе развития; оно хотя и не причина, но необходимое условие для действия общественных законов развития»¹. Поэтому в решении данного вопроса нужно ограничиться и от идеализма, и субъективизма, и от вульгарно-материалистических концепций, в основе которых «лежит мысль о том, что объективность законов общественного развития требует указания на то, что эти законы могли бы действовать также и без определенных идеологических условий»². Основа для такого подхода в значительной мере определяется отождествлением объективного и стихийного. Однако, как было отмечено выше, объективность может характеризовать не только стихийный, но и сознательно управляемый процесс. Законы же социализма как раз и проявляются в процессах, которые управляются со стороны всего общества на основе сознательной цели.

Некоторые научные работы уже содержат конкретное рассмотрение вопроса о месте субъективного фактора в механизме действия законов общества, в том числе и в специфических условиях социализма. Мы полностью согласны с тем, что механизм действия законов общества выявляет себя в процессе превращения возможности в действительность, а последний во многом определяется направлением сознательной деятельности людей, степенью ее сознательности и организованности. Как пишет В. И. Приписнов, «механизм действия законов общественного развития есть процесс превращения возможности в действительность. Следовательно, и в механизмы действия законов включается как составная часть, как звено, субъективный фактор»³.

¹ Albrecht E. Zur Dialektik von objektiven Gesetzen und bewubter Tätigkeit. In: Dzf Ph, 1964, nf. 4. S. 910.

² Ebenda, s. 911.

³ Приписнов В. И. Проблема субъективного фактора в историческом материализме. Душанбе, 1966, стр. 69.

Если же законы социализма реализуются как единство объективного и субъективного, то их реализация во многом зависит от субъективной стороны, потребностей общества, степени сознательности, организованности деятельности трудящихся, руководимых Коммунистической партией. С этой стороны проявляется зависимость законов движения и развития общества от сознания людей, ставшего практической силой. Люди, наряду с объективными факторами, оказывают свое влияние и на направленность, и на форму осуществления исторического процесса.

То, что при социализме общественное сознание может в наибольшей полноте основываться на научном анализе потребностей и возможностей развития общества, а деятельность масс обнаруживать все возрастающую степень организованности, означает высшую форму развития субъективной стороны общественно-исторического процесса. Но все это не отменяет существования и определяющей во многих отношениях роли объективной стороны в механизме действия законов социализма. Поэтому сама практика социалистического и коммунистического строительства обнаруживает и теоретическую и практическую несостоятельность отрыва субъективного от объективного, проявляющегося в различных формах субъективизма.

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЮРИДИЧЕСКОЙ ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ

В данной статье авторы предпринимают попытку выявить формальный язык для описания отношений собственности, имея в виду ту сферу этих отношений, которая регулируется нормами гражданского права. Решение этой задачи необходимо для дальнейшего анализа логического смысла соответствующих правовых норм. Возможен ли аналогичный язык для выражения всех или некоторых других общественных отношений, регулируемых правом, это задача более широкого исследования. Надеемся, что в принципе проблема поиска такого языка не является неразрешимой.

1. Язык описания отношений собственности

Собственность как реальное (фактическое) отношение. Раскрывая сущность отношений собственности, К. Маркс показал необходимость различать двоякую форму выражения этих отношений: экономическую и юридическую¹. Остановимся на отношениях собственности пока без юридической оболочки, то есть на их экономической (реальной или фактической) форме.

Развитая реальная форма собственности, основанная на производстве и обращении товаров, включает такие акты, как пользование, владение и отчуждение продукта в порядке обмена. При этом пользование, как способ присвоения продукта для удовлетворения потребности, и владение, как неограниченное сроком пользование продуктом, основываются на потребительных стоимостях продуктов (товаров), а отчуждение продукта (товара) — на его меновой стоимости².

Общая структура реальной формы собственности позволяет обнаружить те фактические данные, которые предопределяют «язык» отношений собственности. Такими данными оказываются: а) множества продуктов, из которых формируются объекты собственности; б) множества людей и объединений, из которых фор-

¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 16, стр. 26.

² Подробнее об этом см. Калганов М. В. Собственность. Соцэкгиз, 1962, стр. 5—7.

мируются субъекты собственности; в) отношения типа «субъект — объект», реализующие непосредственное присвоение стоимостей; г) отношения между субъектами собственности по поводу объектов.

Объекты собственности. Мир состоит из дискретных, относительно изолированных друг от друга частей, обычно называемых «предметами», «объектами» и т. п. Однако не всякая дискретная часть материального мира, взятая изолированно от других частей, может выступать в качестве самостоятельного объекта собственности. Неразумно, например, считать такую дискретную часть материального мира, как молекула железа, самостоятельным объектом собственности. Это касается и многих единиц материального мира, дискретных в физическом, химическом, биологическом и т. п. смысле.

Объектами собственности являются лишь более или менее значительные количества дискретных частей материального мира, способные удовлетворять определенные потребности людей. Среди них можно выделить в каждом конкретном случае такие, или одна часть которых не выступает в качестве самостоятельного объекта собственности. Это количество дискретных частей (разумеется, в определенном качестве!) будет представлять в некотором смысле «атом собственности», т. е. элементарный самостоятельный объект собственности. Конечно, данные объекты могут содержать физические, химические, биологические и т. п. части, которые допускают даже самостоятельное существование, но эти части не являются (не могут являться) самостоятельными объектами собственности. Бессмысленно, разумеется, искать абсолютно элементарные объекты собственности, так как понятия «элементарный» и «сложный» относительны.

Однако в каждом конкретном практическом случае (для конкретных условий места и времени) вполне возможно материально-неэлементарные части реального мира рассматривать в качестве элементарных объектов собственности. Они выступают в качестве элементарных в некоторых отношениях, при некоторых условиях, в некоторое время, для некоторых целей и т. д. Такие части материального мира, которые могут являться относительно элементарными объектами собственности, мы в дальнейшем будем коротко называть «вещами». При этом подразумевается, что вещи могут быть лишь потенциальными объектами собственности, так как некоторые из них вообще не являются фактически чьей-либо собственностью.

Всякий объект собственности является либо вещью, либо множеством вещей (т. е. комплексом элементарных объектов собственности). При этом очевидно, что собственность на сложный объект в конечном итоге сводится к собственности на все составляющие этот объект элементарные части.

Человечество в целом и любая его часть в каждый данный

момент времени имеет дело с конечным множеством вещей (в вышеизложенном смысле). Поэтому в каждом конкретном случае мы будем предполагать существование конечного множества $V_m = \{b_1, b_2, b_3, \dots, b_m\}$ вещей $b_1, b_2, b_3, \dots, b_m$. В качестве переменных для имен вещей употребим знаки $u_1, u_2, u_3, \dots, u_1, \dots$

Для всякого конечного множества V_m элементарных объектов собственности (вещей) всегда можно установить общее число различных возможных сложных объектов собственности, составляемых из элементарных объектов. В этих целях может быть использована формула

$$C = \sum_{r=0}^m \frac{m!}{r!(m-r)!}. \quad (1.1)$$

По формуле (1.1) можно вычислить число сочетаний элементов множества V_m по 0, по 1, по 2, ..., по m из $m!$. Суммируя все полученные числа C_r ($r = 0, 1, \dots, m$), мы найдем общее число с всех возможных различных объектов собственности для данного множества V_m вещей. Так, например, для множества $V_4 = \{b_1, b_2, b_3, b_4\}$ вещей имеем: $c_0 = 1, c_1 = 4, c_2 = 6, c_3 = 4, c_4 = 1$, так что $c = 16$. Таким образом, если дано множество V_m вещей, то мы можем построить множество всех возможных различных самостоятельных объектов собственности, которое обозначим через V_m и которое имеет мощность c .

Субъекты собственности. Субъектами собственности, как известно, являются отдельные люди и их объединения (организации). Следует отметить при этом два обстоятельства. Во-первых, не всякий человек фактически является и может быть самостоятельным субъектом собственности, ибо для присвоения объекта собственности (вещи) человек должен обладать качеством самостоятельного участника экономических отношений. Во-вторых, человек, как самостоятельный субъект собственности, является таковым в целом: ни один физически и физиологически автономный орган человека не может выступать в качестве самостоятельного субъекта собственности.

По существу эти замечания относятся и к объединениям людей (организациям), как субъектам собственности. В этой связи отдельный человек (отдельная организация), ни одна часть которого не является самостоятельным субъектом собственности, может быть назван элементарным субъектом собственности. Во всех других отношениях «элементарный» субъект может иметь сложный состав и структуру, но ни один составляющий его физический, физиологический, организационный и т. п. элемент не может быть самостоятельным субъектом собственности.

Разумеется, не существует никакого абсолютно элементарно-

¹ В дальнейшем везде принимается $0! = 1$.

го субъекта, но на практике всегда можно рационально выделить множество элементарных субъектов собственности. Субъекты собственности, принимаемые за относительно элементарные субъекты, мы в дальнейшем будем коротко именовать «лицами». Лица являются лишь потенциальными субъектами собственности, так как фактически некоторые элементарные субъекты вообще не являются собственниками.

Ясно, что любой субъект собственности является либо лицом (т. е. элементарным субъектом собственности), либо множеством лиц (т. е. комплексом элементарных субъектов). Количество лиц во всем человечестве и любой его части в каждый данный отрезок времени заведомо конечно. Поэтому будем предполагать существование в каждом конкретном случае конечного множества $A_n = \{a_1, a_2, \dots, a_n\}$ лиц $a_1, a_2, \dots, a_n$. В качестве переменных для имен лиц в дальнейшем мы будем использовать знаки $x_1, x_2, x_3, \dots, x_j, \dots$.

Способом, аналогичным способу для множества V_m вещей, мы можем установить общее число возможных различных самостоятельных субъектов собственности при данном множестве A_n лиц. Применяется при этом та же самая формула (1.1) и суммирование полученных результатов, т. е.

$$d = \sum_{r=0}^n \frac{n!}{r!(n-r)!}.$$

Поэтому, если дано множество A_n лиц, то можно образовать множество A_n всех потенциально возможных различных самостоятельных субъектов собственности мощности d . Например, для случая $A_2 = \{a_1, a_2\}$ имеем: $d_0 = 1, d_1 = 2, d_2 = 1$, откуда следует $d = 4$.

Отношения собственности типа «субъект — объект». Если при данных A_n и V_m образованы множества A_n и V_m , то не трудно показать, что для каждого данного элемента $a_i \in A_n$ ($i = 1, 2, \dots, n$) существует ровно c различных пар (a_i, b_j) таких, что $a_i \in A_n$ и $b_j \in V_m: (a_i, b_1), (a_i, b_2), \dots, (a_i, b_m)$. Другими словами, каждый из числа d возможных субъектов собственности множества A_n , абстрактно говоря, может быть поставлен в соответствие каждому из числа c возможных различных объектов собственности множества V_m . Ясно, что количество всевозможных пар типа «субъект собственности — объект собственности», полученных таким образом, равно при данных A_n и V_m числу $d \cdot c$. Множество всевозможных пар вида $(a_i, b_j), a_i \in A_n$ и $b_j \in V_m$ является прямым произведением множеств A_n и V_m , которое обозначается через $A_n \times V_m$ и имеет мощность $a \cdot c$. В таблице 1 приведены всевозможные различные пары, входящие в прямое произведение множеств A_2 и V_4 , для которых, как выше установлено, $d = 4$ и $c = 16$.

Клетки таблицы 1 образуются пересечением строк и колонок. В каждой клетке стоит два числа: первое число — номер элемента множества B_1 , второе — номер элемента множества A_2 .

Таблица 1

		A_2			
		1	2	3	4
1	B_1	$\emptyset$	$\{a_1\}$	$\{a_2\}$	$\{a_1, a_2\}$
		2	$\emptyset$	1,1	1,2
3	$\{b_1\}$	2,1	2,2	2,3	2,4
4	$\{b_2\}$	3,1	3,2	3,3	3,4
5	$\{b_3\}$	4,1	4,2	4,3	4,4
6	$\{b_4\}$	5,1	5,2	5,3	5,4
7	$\{b_1, b_2\}$	6,1	6,2	6,3	6,4
8	$\{b_1, b_3\}$	7,1	7,2	7,3	7,4
9	$\{b_1, b_4\}$	8,1	8,2	8,3	8,4
10	$\{b_2, b_3\}$	9,1	9,2	9,3	9,4
11	$\{b_2, b_4\}$	10,1	10,2	10,3	10,4
12	$\{b_3, b_4\}$	11,1	11,2	11,3	11,4
13	$\{b_1, b_2, b_3\}$	12,1	12,2	12,3	12,4
14	$\{b_1, b_2, b_4\}$	13,1	13,2	13,3	13,4
15	$\{b_1, b_3, b_4\}$	14,1	14,2	14,3	14,4
16	$\{b_2, b_3, b_4\}$	15,1	15,2	15,3	15,4
	$\{b_1, b_2, b_3, b_4\}$	16,1	16,2	16,3	16,4

В таблице, как обычно, знак $\emptyset$ обозначает пустое множество.

В каждой клетке табл. 1, таким образом, указана пара типа «субъект — объект».

Введем теперь постоянный двухместный предикат «быть собственностью», который обозначим через E . Выражение вида

$$y_i E x_j$$

означает: «вещь y_i является собственностью лица x_j » или «лицо x_j является собственником вещи y_i ».

Затем введем понятие формулы:

I. Если α обозначает либо постоянное имя, либо переменную имени вещи, а β обозначает либо постоянное имя, либо переменную имени лица, то выражение

$$\alpha E \beta$$

есть атомарная формула.

II. Дальнейшие формулы образуются с помощью коннекторов

$$\neg, \wedge, \vee, \supset, \equiv :$$

- 1) если P — формула, то $\neg P$ есть формула;
- 2) если P и Q суть формулы, то $P \wedge Q, P \vee Q, P \supset Q, P \equiv Q$ суть формулы;
- 3) если $P(\gamma)$ есть формула, в которую γ (обозначающая

переменную имени лица или вещи) входит свободно, то $\forall \gamma P(\gamma)$ и $\exists \gamma P(\gamma)$ суть формулы.

Формулы, не содержащие вхождений свободных переменных, называются предложениями. Предложения имеют значение либо истины, либо лжи в соответствии с обычными таблицами истинности предложений.

С помощью атомарных предложений мы можем теперь выразить факт, что вещь $b_i \in B_m$ ($i = 1, 2, \dots, m$) является (не является) собственностью лица $a_j \in A_n$ ($j = 1, 2, \dots, n$), т. е. отношение собственности типа «элементарный объект собственности — элементарный субъект собственности». Например, отношение собственности между парой, указанной во второй строке второй колонки табл. 1, запишется так: $b_1 E a_1$ и т. д.

Отношение собственности типа «неэлементарный объект — лицо» может быть записано в виде некоторой конъюнкции атомарных предложений, в совокупности утверждающих, что любая вещь, входящая в неэлементарный объект собственности, является собственностью данного лица.

Отношение собственности типа «вещь — неэлементарный субъект собственности» может быть записано в виде конъюнкции атомарных предложений, в совокупности утверждающих, что данная вещь является собственностью каждого лица, входящего в неэлементарный субъект собственности.

Отношение собственности типа «неэлементарный объект — неэлементарный субъект собственности» может быть записано в виде конъюнкции атомарных предложений, в совокупности утверждающих, что любая вещь, входящая в сложный объект, является собственностью каждого лица, входящего в сложный субъект собственности.

Таким образом, вместо, скажем, $\{b_1, b_2\} E a_1$, $\{b_1, b_2\} E \{a_1, a_2\}$, $b_1 E \{a_1, a_2\}$ мы соответственно будем писать: $b_1 E a_1 \wedge b_2 E a_1$, $b_1 E a_1 \wedge b_2 E a_1 \wedge b_1 E a_2 \wedge b_2 E a_2$, $b_1 E a_1 \wedge b_1 E a_2$. При этом, как не трудно понять, мы исходим из следующих двух принципов: а) собственность на объект означает собственность на все его элементарные части; б) собственность субъекта на объект означает собственность всех элементарных частей субъекта на данный объект.

Фактические отношения собственности, как известно, допускают общую собственность нескольких лиц, не образующих какой-либо организации. В этом случае объект собственности может либо расчленяться на соответствующие доли, либо не расчленяться, выступая как неделимый объект собственности группы лиц. Поскольку общая долевая собственность есть собственность каждого участника на разные вещи (доли), то факт общей долевой собственности запишется в виде конъюнкции атомарных предложений, в совокупности утверждающих, что разные вещи (доли) находятся в собственности разных лиц. Например, если

объект $\{b_1, b_2\}$ находится в общей долеговой собственности субъекта $\{a_1, a_2\}$ (6-я строка 4-й колонки табл. 1), то это можно записать либо в виде $b_1Ea_1 \wedge b_2Ea_2$, либо в виде $b_1Ea_2 \wedge b_2Ea_1$.

Общая недолевая собственность может быть как отношением типа «вещь — сложный субъект», так и типа «сложный объект — сложный субъект». Первый случай, например, может иметь место для пары, стоящей в 5-й строке 4-й колонки табл. 1. Он может быть записан конъюнкцией атомарных предложений, утверждающих в совокупности, что данная вещь является собственностью всех лиц, входящих в сложный субъект:

$$b_4Ea_1 \wedge b_4Ea_2.$$

Второй случай может иметь место для пары, стоящей в 9-й строке 4-й колонки табл. 1. Он может быть записан конъюнкцией атомарных предложений, в совокупности утверждающих, что каждая вещь, входящая в сложный объект, является совокупностью каждого лица, входящего в сложный субъект:

$$b_2Ea_1 \wedge b_2Ea_2 \wedge b_3Ea_1 \wedge b_3Ea_2.$$

Таким образом, общая долеговая собственность может быть записана как собственность *разных лиц на разные вещи*, в то время как общая недолевая собственность может быть записана как собственность *каждого* лица, входящего в сложный субъект, *на каждую вещь*, входящую в сложный объект.

Отношения субъектов собственности по поводу объектов собственности. Собственность, кроме отношений типа «объект — субъект», предполагает отношения между субъектами по поводу объектов собственности. Эти отношения определяются отношениями соответствующих субъектов к определенным объектам собственности. Вкратце перечислим возможные виды отношений между субъектами по поводу объектов.

1. Отношения собственности между лицами a_1 и a_2 , выражаемые конъюнкцией $b_1Ea_1, \wedge b_2Ea_1, \wedge b_1Ea_2, \wedge b_2Ea_2$, можно назвать отношением типа «имущий — неимущий».

2. Отношения собственности между лицами a_1 и a_2 , выражаемые конъюнкцией $b_1Ea_1 \wedge b_1Ea_2 \wedge b_2Ea_2 \wedge b_2Ea_1$, можно назвать отношением типа «парциальной собственности»: a_1 и a_2 противостоят друг другу как собственники разных вещей b_1 и b_2 .

3. Отношения собственности между лицами a_1 и a_2 , выражаемые конъюнкцией $b_1Ea_1 \wedge b_1Ea_2 \wedge b_2Ea_1 \wedge b_2Ea_2$ можно назвать отношением типа «частичного совладения» вещами.

4. Отношения собственности между лицами a_1 и a_2 , выражаемые конъюнкцией $b_1Ea_1 \wedge b_1Ea_2 \wedge b_2Ea_1 \wedge b_2Ea_2$ можно назвать отношениями типа «полной общей собственности».

5. Отношения собственности между лицами a_1 и a_2 , выражае-

мые конъюнкцией $b_1\bar{E}a_1 \wedge b_1\bar{E}a_2 \wedge b_2\bar{E}a_1 \wedge b_2\bar{E}a_2$ можно назвать отношением типа «неимущий — неимущий».

Для совместного описания отношений собственности как типа «объект — субъект», так и типа «субъект — субъект» будем пользоваться следующим способом.

Отрицание атомарного предложения будем записывать в виде

$$y_i \bar{E} x_j,$$

как это и было сделано выше. Выражение $y_i \bar{E} x_j$ означает: «вещь y_i не является собственностью лица x_j » или «лицо x_j не является собственником вещи y_i ». Договоримся также о том, что атомарное предложение вида $y_i E x_j$ будем ради краткости записывать в форме E_{ij} , а предложение $y_i \bar{E} x_j$ в форме $\bar{E}_{ij}$, где i ($i = 1, 2, \dots, m$) есть номер вещи из множества V_m , a_j , j ($j = 1, 2, \dots, n$) есть номер лица из множества A_n (поскольку множества A_n и V_m конечны, то можно исходить из предположения, что их элементы пронумерованы в определенном порядке для каждого конкретного случая).

Договоримся также о том, что в дальнейшем мы не будем оперировать специальным знаком пустого множества вещей и лиц. Факт, что при данных A_n и V_m какое-то лицо имеет в собственности пустое множество вещей, можно записать в виде конъюнкции отрицательных атомарных предложений, утверждающих в совокупности, что это лицо не имеет в собственности ни одной вещи из множества V_m . Факт, что пустое множество лиц владеет некоторым объектом (при данных A_n и V_m), может быть записан в виде конъюнкции отрицательных атомарных предложений, утверждающих в совокупности, что ни одно лицо множества A_n не владеет ни одной вещью, входящей в объект собственности.

Предложения вида

$$b_i E a_j \quad (i = 1, 2, \dots, m, j = 1, 2, \dots, n)$$

и их отрицания назовем *базисными*¹. Пару базисных предложений $\langle E_{ij}, \bar{E}_{ij} \rangle$ назовем также базисной. Ясно, что при данных A_n и V_m для каждого $a_j \in A_n$ можно построить m базисных пар:

1. $\langle E_{1,j}, \bar{E}_{1,j} \rangle,$
2. $\langle E_{2,j}, \bar{E}_{2,j} \rangle,$
3. $\langle E_{3,j}, \bar{E}_{3,j} \rangle,$
- ... ..
- m . $\langle E_{m,j}, \bar{E}_{m,j} \rangle,$

¹ Здесь мы используем некоторые идеи статьи Финна В. К. О некоторых семантических понятиях для простых языков. «Логическая структура научного знания», М., 1965.

и затем для каждого $b_i \in V_m$ можно построить еще n базисных пар:

1. $\langle E_{i,1}, \bar{E}_{i,1} \rangle,$
2. $\langle E_{i,2}, \bar{E}_{i,2} \rangle,$
3. $\langle E_{i,3}, \bar{E}_{i,3} \rangle,$
- ... ..
- n . $\langle E_{i,n}, \bar{E}_{i,n} \rangle.$

Таким образом, при данных множествах A_n и V_m всего можно построить $m \cdot n$ базисных пар:

1. $\langle E_{1,1}, \bar{E}_{1,1} \rangle,$
2. $\langle E_{2,1}, \bar{E}_{2,1} \rangle,$
3. $\langle E_{3,1}, \bar{E}_{3,1} \rangle,$
- ... ..
- m . $\langle E_{m,1}, \bar{E}_{m,1} \rangle,$
- $m+1$. $\langle E_{1,2}, \bar{E}_{1,2} \rangle,$
- ... ..
- $m \cdot n$. $\langle E_{m,n}, \bar{E}_{m,n} \rangle.$

Каждая базисная пара содержит утверждение о том, что $b_i \in V_m$ ($i = 1, 2, \dots, m$) является собственностью $a_j \in A_n$ ($j = 1, 2, \dots, n$), и его отрицание. Например, для множеств $V_4 = \{b_1, b_2, b_3, b_4\}$ вещей и $A_2 = a_1, a_2$ лиц имеется всего 8 базисных пар:

1. $\langle E_{1,1}, \bar{E}_{1,1} \rangle,$	5. $\langle E_{3,1}, \bar{E}_{3,1} \rangle,$
2. $\langle E_{1,2}, \bar{E}_{1,2} \rangle,$	6. $\langle E_{3,2}, \bar{E}_{3,2} \rangle,$
3. $\langle E_{2,1}, \bar{E}_{2,1} \rangle,$	7. $\langle E_{4,1}, \bar{E}_{4,1} \rangle,$
4. $\langle E_{2,2}, \bar{E}_{2,2} \rangle,$	8. $\langle E_{4,2}, \bar{E}_{4,2} \rangle.$

Определение. Конъюнкция, содержащая из каждой базисной пары из общего числа $m \cdot n$ базисных пар, один и только один элемент (т. е. либо $E_{i,j}$, либо $\bar{E}_{i,j}$, $i = 1, 2, \dots, m$, $j = 1, 2, \dots, n$), будет называться *максимальной*.

Максимальная конъюнкция в качестве своих элементов содержит такой набор атомарных предложений, которые в совокупности дают полную информацию о том: а) в каком отношении собственности находится любой субъект из множества A_n к каждому объекту из множества V_m ; б) в каких отношениях собственности находится каждый субъект собственности к каждому другому субъекту собственности из множества A_n .

Каждая из максимальных конъюнкций содержит, таким образом, исчерпывающую информацию об одном из возможных вариантов отношений собственности типа «объект — субъект» при данных A_n и B_m и, как следствие из этого, о соответствующем возможном варианте отношений собственности типа «субъект — субъект». Максимальная конъюнкция, другими словами, описывает одну из возможных совокупностей отношений собственности на объекты собственности множества B_m среди субъектов собственности множества A_n . Каждую такую возможную совокупность отношений собственности на объекты собственности множества B_m среди субъектов собственности множества A_n назовем «состоянием отношений собственности». Множество всех максимальных конъюнкций содержит полную информацию о всех возможных «состояниях отношений собственности» при данных множествах A_n и B_m . При этом не может существовать никаких других «состояний отношений собственности», кроме описываемых максимальными конъюнкциями. Общее число максимальных конъюнкций при этом равно $2^{m \cdot n}$, что для A_2 и B_4 дает число 256.

2. Формальное описание изменений отношений собственности

Язык описания изменений отношений собственности мы ради простоты изложим на основе анализа частного примера. Пусть дано множество $B_4 = \{b_1, b_2, b_3, b_4\}$ вещей и множество $A_2 = \{a_1, a_2\}$ лиц. Рассмотрим отношения собственности типа «объект — субъект» и типа «субъект — субъект» для данных A_2 и B_4 . Полный список базисных пар для A_2 и B_4 приведен выше. На основе базисных пар можно построить 256 различных максимальных конъюнкций.

Для упрощения дела на множество всех максимальных конъюнкций мы наложим ряд ограничений. Во-первых, в дальнейшем мы исключим из рассмотрения всякую общую собственность на b_1, b_2, b_3, b_4 . Так как b_1, b_2, b_3, b_4 по условиям являются элементарными объектами собственности и поэтому в рамках нашего примера не будут находиться в общей доле собственности, то наше ограничение касается общей недолевой собственности, которую мы хотим исключить из рассмотрения. Для этого вычеркнем из числа 256 все те максимальные конъюнкции, в которых встречается по меньшей мере одна подконъюнкция вида

$$E_{i,k} \wedge E_{i,l},$$

где $i = 1, 2, 3, 4$, $k = 1, 2$, $l = 1, 2$ и $k \neq l$.

Второе ограничение вытекает из того, что мы в дальнейшем хотим рассмотреть имущественные отношения лишь между гражданами. В этой связи нас не будут интересовать ситуации, в которых некоторые из объектов b_1, b_2, b_3, b_4 не находятся в собст-

венности каких-либо граждан и не вовлекаются поэтому в имущественные отношения между гражданами. При нашей форме записи отсутствие собственности на объект $b_i \in B_m$ выразится в том, что в максимальной конъюнкции будет фигурировать двучленная подконъюнкция вида

$$\bar{E}_{i,1} \wedge \bar{E}_{i,2},$$

где $i = 1, 2, 3, 4$. Такая подконъюнкция обозначает отсутствие собственности на $b_i \in B_m$. Поэтому из числа 256 мы вычеркнем также все те конъюнкции, в которых встречаются подконъюнкции указанного вида.

После этого в нашем распоряжении останутся лишь следующие 16 максимальных конъюнкций:

- $M_1. \bar{E}_{1,1} \wedge E_{1,2} \wedge \bar{E}_{2,1} \wedge E_{2,2} \wedge \bar{E}_{3,1} \wedge E_{3,2} \wedge \bar{E}_{4,1} \wedge E_{4,2}$
- $M_2. \bar{E}_{1,1} \wedge E_{1,2} \wedge \bar{E}_{2,1} \wedge E_{2,2} \wedge \bar{E}_{3,1} \wedge E_{3,2} \wedge E_{4,1} \wedge \bar{E}_{4,2}$
- $M_3. \bar{E}_{1,1} \wedge E_{1,2} \wedge \bar{E}_{2,1} \wedge E_{2,2} \wedge E_{3,1} \wedge \bar{E}_{3,2} \wedge \bar{E}_{4,1} \wedge E_{4,2}$
- $M_4. \bar{E}_{1,1} \wedge E_{1,2} \wedge E_{2,1} \wedge \bar{E}_{2,2} \wedge \bar{E}_{3,1} \wedge E_{3,2} \wedge \bar{E}_{4,1} \wedge E_{4,2}$
- $M_5. E_{1,1} \wedge \bar{E}_{1,2} \wedge \bar{E}_{2,1} \wedge E_{2,2} \wedge \bar{E}_{3,1} \wedge E_{3,2} \wedge \bar{E}_{4,1} \wedge E_{4,2}$
- $M_6. \bar{E}_{1,1} \wedge E_{1,2} \wedge \bar{E}_{2,1} \wedge E_{2,2} \wedge E_{3,1} \wedge \bar{E}_{3,2} \wedge E_{4,1} \wedge \bar{E}_{4,2}$
- $M_7. \bar{E}_{1,1} \wedge E_{1,2} \wedge E_{2,1} \wedge \bar{E}_{2,2} \wedge \bar{E}_{3,1} \wedge E_{3,2} \wedge E_{4,1} \wedge \bar{E}_{4,2}$
- $M_8. \bar{E}_{1,1} \wedge E_{1,2} \wedge E_{2,1} \wedge \bar{E}_{2,2} \wedge E_{3,1} \wedge \bar{E}_{3,2} \wedge \bar{E}_{4,1} \wedge E_{4,2}$
- $M_9. E_{1,1} \wedge \bar{E}_{1,2} \wedge \bar{E}_{2,1} \wedge E_{2,2} \wedge \bar{E}_{3,1} \wedge E_{3,2} \wedge E_{4,1} \wedge \bar{E}_{4,2}$
- $M_{10}. E_{1,1} \wedge \bar{E}_{1,2} \wedge \bar{E}_{2,1} \wedge E_{2,2} \wedge E_{3,1} \wedge \bar{E}_{3,2} \wedge \bar{E}_{4,1} \wedge E_{4,2}$
- $M_{11}. E_{1,1} \wedge \bar{E}_{1,2} \wedge E_{2,1} \wedge \bar{E}_{2,2} \wedge \bar{E}_{3,1} \wedge E_{3,2} \wedge \bar{E}_{4,1} \wedge E_{4,2}$
- $M_{12}. \bar{E}_{1,1} \wedge E_{1,2} \wedge E_{2,1} \wedge \bar{E}_{2,2} \wedge E_{3,1} \wedge \bar{E}_{3,2} \wedge E_{4,1} \wedge \bar{E}_{4,2}$
- $M_{13}. E_{1,1} \wedge \bar{E}_{1,2} \wedge \bar{E}_{2,1} \wedge E_{2,2} \wedge E_{3,1} \wedge \bar{E}_{3,2} \wedge E_{4,1} \wedge \bar{E}_{4,2}$
- $M_{14}. E_{1,1} \wedge \bar{E}_{1,2} \wedge E_{2,1} \wedge \bar{E}_{2,2} \wedge \bar{E}_{3,1} \wedge E_{3,2} \wedge E_{4,1} \wedge \bar{E}_{4,2}$
- $M_{15}. E_{1,1} \wedge \bar{E}_{1,2} \wedge E_{2,1} \wedge \bar{E}_{2,2} \wedge E_{3,1} \wedge \bar{E}_{3,2} \wedge \bar{E}_{4,1} \wedge E_{4,2}$
- $M_{16}. E_{1,1} \wedge \bar{E}_{1,2} \wedge E_{2,1} \wedge \bar{E}_{2,2} \wedge E_{3,1} \wedge \bar{E}_{3,2} \wedge E_{4,1} \wedge \bar{E}_{4,2}$

Каждая из этих 16 максимальных конъюнкций содержит исчерпывающую информацию (с учетом ограничений) об одном из возможных вариантов распределения собственности на вещи b_1, b_2, b_3, b_4 среди лиц a_1, a_2 . Так, например, M_9 описывает случай, когда b_1 и b_4 находятся в собственности лица a_1 , b_2 и b_3 — в собственности лица a_2 . Множество всех 16 максимальных конъюнкций содержит полную информацию о всех возможных (с учетом ограничений) состояниях отношений собственности, которые мы в дальнейшем будем называть просто «состояниями». Ясно, что любое изменение состояния при данных A_2 и V_4 , описываемого

какой-либо максимальной конъюнкцией из числа 16, означает переход к некоторому другому состоянию, описываемому другой максимальной конъюнкцией.

Средством изменения отношений собственности является *отчуждение* объектов собственности. Единичный акт отчуждения объекта собственности в нашем примере возможен при любом состоянии, которое описывается максимальной конъюнкцией, содержащей по меньшей мере одну подконъюнкцию вида

$$E_{i,k} \wedge \bar{E}_{l,i},$$

где $i = 1, 2, 3, 4$, $k = 1, 2$, $l = 1, 2$, $k \neq l$. Отчуждение «переводит» некоторое исходное состояние в другое, результирующее состояние.

В дальнейшем состоянии, описываемое максимальной конъюнкцией M_i ($i = 1, 2, \dots, 16$), будем кратко называть состоянием i и обозначать через i° .

Состояния $1^\circ, 2^\circ, \dots, 16^\circ$ в результате единичного акта отчуждения какого-либо объекта собственности переходят в некоторые другие состояния того же самого множества состояний $1^\circ, 2^\circ, \dots, 16^\circ$. Ниже следует полный перечень таких возможных преобразований для каждого из состояний $1^\circ, 2^\circ, \dots, 16^\circ$ (преобразования, как видно из списка, не однозначны):

- 1° переходит в $2^\circ, 3^\circ, 4^\circ, 5^\circ$;
- 2° переходит в $1^\circ, 6^\circ, 7^\circ, 9^\circ$;
- 3° переходит в $1^\circ, 6^\circ, 8^\circ, 10^\circ$;
- 4° переходит в $2^\circ, 7^\circ, 8^\circ, 11^\circ$;
- 5° переходит в $1^\circ, 9^\circ, 10^\circ, 11^\circ$;
- 6° переходит в $2^\circ, 3^\circ, 12^\circ, 13^\circ$;
- 7° переходит в $2^\circ, 4^\circ, 12^\circ, 14^\circ$;
- 8° переходит в $3^\circ, 4^\circ, 12^\circ, 15^\circ$;
- 9° переходит в $2^\circ, 5^\circ, 13^\circ, 14^\circ$;
- 10° переходит в $3^\circ, 5^\circ, 13^\circ, 15^\circ$;
- 11° переходит в $4^\circ, 5^\circ, 14^\circ, 15^\circ$;
- 12° переходит в $6^\circ, 7^\circ, 8^\circ, 16^\circ$;
- 13° переходит в $6^\circ, 9^\circ, 10^\circ, 16^\circ$;
- 14° переходит в $7^\circ, 9^\circ, 11^\circ, 16^\circ$;
- 15° переходит в $8^\circ, 10^\circ, 11^\circ, 16^\circ$;
- 16° переходит в $12^\circ, 13^\circ, 14^\circ, 15^\circ$.

Преобразование какого-либо состояния i° множества M состояний $1^\circ, 2^\circ, \dots, 16^\circ$ в другие состояния того же множества M можно рассматривать как (неоднозначное) отображение i° в множество M и на этой основе определить отображение Γ множества M в множество M :

$$\begin{aligned} \Gamma 1^\circ &= \{2^\circ, 3^\circ, 4^\circ, 5^\circ\}, & \Gamma 5^\circ &= \{1^\circ, 9^\circ, 10^\circ, 11^\circ\}, \\ \Gamma 2^\circ &= \{1^\circ, 6^\circ, 7^\circ, 9^\circ\}, & \Gamma 6^\circ &= \{2^\circ, 3^\circ, 12^\circ, 13^\circ\}, \\ \Gamma 3^\circ &= \{1^\circ, 6^\circ, 8^\circ, 10^\circ\}, & \Gamma 7^\circ &= \{2^\circ, 4^\circ, 12^\circ, 14^\circ\}, \\ \Gamma 4^\circ &= \{1^\circ, 7^\circ, 8^\circ, 11^\circ\}, & \Gamma 8^\circ &= \{3^\circ, 4^\circ, 12^\circ, 15^\circ\}, \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} \Gamma 9^\circ &= \{2^\circ, 5^\circ, 13^\circ, 14^\circ\}, & \Gamma 13^\circ &= \{6^\circ, 9^\circ, 10^\circ, 16^\circ\}, \\ \Gamma 10^\circ &= \{3^\circ, 5^\circ, 13^\circ, 15^\circ\}, & \Gamma 14^\circ &= \{7^\circ, 9^\circ, 11^\circ, 16^\circ\}, \\ \Gamma 11^\circ &= \{4^\circ, 5^\circ, 14^\circ, 15^\circ\}, & \Gamma 15^\circ &= \{8^\circ, 10^\circ, 11^\circ, 16^\circ\}, \\ \Gamma 12^\circ &= \{6^\circ, 7^\circ, 8^\circ, 16^\circ\}, & \Gamma 16^\circ &= \{12^\circ, 13^\circ, 14^\circ, 15^\circ\}. \end{aligned}$$

Множество M и отображение Γ определяют граф, который мы обозначим через $G = (M, \Gamma)$. Множество U дуг графа G не трудно установить на основе отображения Γ :

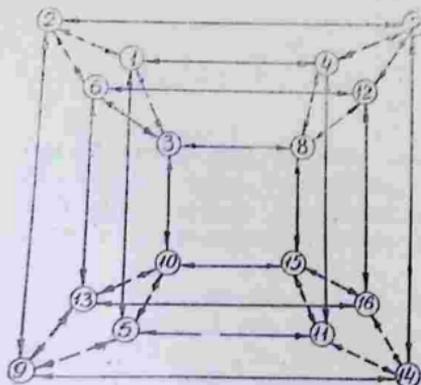
1. $1^\circ \rightarrow 2^\circ$, 9. $2^\circ \rightarrow 6^\circ$, 17. $3^\circ \rightarrow 10^\circ$, 25. $8^\circ \rightarrow 4^\circ$,
2. $1^\circ \rightarrow 3^\circ$, 10. $2^\circ \rightarrow 7^\circ$, 18. $6^\circ \rightarrow 3^\circ$, 26. $11^\circ \rightarrow 4^\circ$,
3. $1^\circ \rightarrow 4^\circ$, 11. $2^\circ \rightarrow 9^\circ$, 19. $8^\circ \rightarrow 3^\circ$, 27. $5^\circ \rightarrow 9^\circ$,
4. $1^\circ \rightarrow 5^\circ$, 12. $6^\circ \rightarrow 2^\circ$, 20. $10^\circ \rightarrow 3^\circ$, 28. $5^\circ \rightarrow 10^\circ$,
5. $2^\circ \rightarrow 1^\circ$, 13. $7^\circ \rightarrow 2^\circ$, 21. $4^\circ \rightarrow 7^\circ$, 29. $5^\circ \rightarrow 11^\circ$,
6. $3^\circ \rightarrow 1^\circ$, 14. $9^\circ \rightarrow 2^\circ$, 22. $4^\circ \rightarrow 8^\circ$, 30. $9^\circ \rightarrow 5^\circ$,
7. $4^\circ \rightarrow 1^\circ$, 15. $3^\circ \rightarrow 6^\circ$, 23. $4^\circ \rightarrow 11^\circ$, 31. $10^\circ \rightarrow 5^\circ$,
8. $5^\circ \rightarrow 1^\circ$, 16. $3^\circ \rightarrow 8^\circ$, 24. $7^\circ \rightarrow 4^\circ$, 32. $11^\circ \rightarrow 5^\circ$,
33. $6^\circ \rightarrow 12^\circ$, 41. $8^\circ \rightarrow 12^\circ$, 49. $10^\circ \rightarrow 13^\circ$, 57. $13^\circ \rightarrow 16^\circ$,
34. $6^\circ \rightarrow 13^\circ$, 42. $8^\circ \rightarrow 15^\circ$, 50. $10^\circ \rightarrow 15^\circ$, 58. $16^\circ \rightarrow 13^\circ$,
35. $12^\circ \rightarrow 6^\circ$, 43. $12^\circ \rightarrow 8^\circ$, 51. $13^\circ \rightarrow 10^\circ$, 59. $14^\circ \rightarrow 16^\circ$,
36. $13^\circ \rightarrow 6^\circ$, 44. $15^\circ \rightarrow 8^\circ$, 52. $15^\circ \rightarrow 10^\circ$, 60. $16^\circ \rightarrow 14^\circ$,
37. $7^\circ \rightarrow 12^\circ$, 45. $9^\circ \rightarrow 13^\circ$, 53. $11^\circ \rightarrow 14^\circ$, 61. $15^\circ \rightarrow 16^\circ$,
38. $7^\circ \rightarrow 14^\circ$, 46. $9^\circ \rightarrow 14^\circ$, 54. $11^\circ \rightarrow 15^\circ$, 62. $16^\circ \rightarrow 15^\circ$,
39. $12^\circ \rightarrow 7^\circ$, 47. $13^\circ \rightarrow 9^\circ$, 55. $14^\circ \rightarrow 11^\circ$, 63. $12^\circ \rightarrow 16^\circ$,
40. $14^\circ \rightarrow 7^\circ$, 48. $14^\circ \rightarrow 9^\circ$, 56. $15^\circ \rightarrow 11^\circ$, 64. $16^\circ \rightarrow 12^\circ$.

Для каждой из дуг состояние, стоящее первым, называется *началом*, а вторым — *концом* дуги. Начало и конец называются *граничными* вершинами соответствующей дуги.

Граф G имеет следующее изображение (разъяснение деталей схемы будет дано ниже).

Путь в графе G определяется обычным образом; это такая

последовательность дуг, что конец каждой предыдущей дуги совпадает с началом следующей. При этом путь называется *простым*, если в нем никакая дуга не встречается дважды. В противном случае путь называется *составным*. Путь, в котором никакая вершина не встречается дважды, называется *элементарным*. При этом путь μ , последовательными вершинами которого являются состояния $i_1^\circ, i_2^\circ, \dots, i_k^\circ$, обозначается через $\mu = [i_1^\circ, i_2^\circ, \dots, i_k^\circ]$. Конечный путь, у которого началь-

ная вершина совпадает с конечной, называется *контуром*. Длиной пути μ называется число $l(\mu)$ дуг, входящих в μ . Контур длины l , образованный дугой вида $i^{\circ} \rightarrow i^{\circ}$, принято называть *петлей*.

Для дальнейшего отметим, что $\Gamma^2 i^{\circ}$ обозначает множество состояний, которые могут быть получены из i° посредством двукратного совершения акта отчуждения, т. е. $\Gamma^2 i^{\circ} = \Gamma(\Gamma i^{\circ})$. $\Gamma^2 i^{\circ}$ обозначает $\Gamma(\Gamma^2 i^{\circ})$ и т. д. $\hat{\Gamma} i^{\circ}$, называемое *транзитивным замыканием* отображения Γ , обозначает множество состояний, которые вообще можно рано или поздно получить из i° посредством актов отчуждения, т. е. $\hat{\Gamma} i^{\circ} = \{i^{\circ}\} \cup \Gamma i^{\circ} \cup \Gamma^2 i^{\circ} \cup \Gamma^3 i^{\circ} \cup \dots$. Для любой вершины i° графа G имеет место $\hat{\Gamma} i^{\circ} = M$.

Граф G является *симметрическим* (для него верно утверждение $i^{\circ} \rightarrow j^{\circ} \in U \Rightarrow j^{\circ} \rightarrow i^{\circ} \in U$), *неполным* (не любые две его вершины соединены хотя бы в одном направлении) и *сильно связным* (для любых двух вершин i° и j° , $i^{\circ} \neq j^{\circ}$ существует путь, идущий из i° в j°).

На графе G определено рефлексивное и транзитивное отношение $\geq$ *квазипорядка*: для двух вершин i° и j° пишут $i^{\circ} \leq j^{\circ}$, если $i^{\circ} = j^{\circ}$ или существует путь из i° в j° , т. е. если $j^{\circ} \in \hat{\Gamma} i^{\circ}$.

Граф G является *конечным*, т. к. $|M| < \infty$ (знак $|x|$ обозначает число элементов множества x), и в то же время Γ — *конечным* (для всех $i^{\circ} |\Gamma i^{\circ}| < \infty$) и Γ^{-1} — *конечным* (для всех $i^{\circ} |\Gamma^{-1} i^{\circ}| < \infty$, где Γ^{-1} есть отображение, обратное отображению Γ), т. е. граф G *локально конечен*. Кроме того, граф G является Γ — *ограниченным*, т. к. при всех i° существует целое число 4 такое, что $|\Gamma^4 i^{\circ}| \leq 4$. В то же время граф G не является *прогрессивно конечным* (т. к. существуют пути бесконечной длины, начинающиеся в любой вершине графа), *прогрессивно ограниченным* (не существует такого целого числа m , что длина каждого пути, начинающегося в любой вершине графа, не превосходит m).

Граф $G = (M, \Gamma)$ представляет для нас интерес в том отношении, что *любой путь в этом графе представляет одну из возможных последовательностей изменений отношений собственности* при данных A_2 и B_1 . При этом переход от одной вершины к другой совершается в результате выполнения единичного акта отчуждения вещи.

На схеме графа, приведенной выше, имеются сплошные и пунктирные стрелки. Сделано это для следующей цели. Множество $B_4 = \{b_1, b_2, b_3, b_4\}$ мы детализируем: b_1 и b_2 будут в дальнейшем обозначать дома, находящиеся в личной собственности, а b_3 и b_4 — равные друг другу и эквивалентные цене каждого дома суммы денег. На схеме графа сплошные стрелки символизируют отчуждение домов, а пунктирные — отчуждение денег.

На схеме графа отчетливо просматриваются четыре прямоугольника и четыре ромба. Вершины, принадлежащие одному и тому же прямоугольнику или ромбу, эквивалентны в некотором содержательном смысле. Вершины, лежащие на одном и том же прямоугольнике, эквивалентны друг другу в смысле количества сумм денег, находящихся в собственности каждого лица:

3°, 8°, 10°, 15° — a_1 владеет суммой b_3 , a_2 — суммой b_4 ,

2°, 7°, 9°, 14° — a_1 владеет суммой b_4 , a_2 — суммой b_3 ,

6°, 12°, 13°, 16° — a_1 владеет суммами b_3 и b_4 , a_2 не имеет ни одной суммы денег,

1°, 4°, 5°, 11° — a_1 не имеет ни одной суммы денег, a_2 владеет суммами b_3 и b_4 .

Вершины, лежащие на одном и том же ромбе, эквивалентны друг другу в смысле количества домов, находящихся в собственности каждого лица:

1°, 2°, 3°, 6° — a_2 владеет обоими домами b_1 и b_2 , a_1 не имеет ни одного дома,

4°, 7°, 8°, 12° — a_2 владеет домом b_1 , a_1 — домом b_2 ,

5°, 9°, 10°, 13° — a_2 владеет домом b_2 , a_1 — домом b_1 ,

11°, 14°, 15°, 16° — a_2 не имеет ни одного дома, a_1 владеет обоими домами b_1 и b_2 .

Для правильного чтения схемы графа G договоримся употреблять следующие термины. Путь будет называться *однородным пунктирным (сплошным)*, если в него будут входить дуги, соединенные только пунктирными (сплошными) стрелками. В противном случае путь будет называться *комбинированным*.

3. Переход от юридического языка к языку описания отношений собственности и их изменений

Теперь мы в первом приближении дадим «перевод» языка юридической терминологии на язык описания отношений собственности и их изменений. При этом мы исходим из того, что положения гражданского законодательства о праве собственности в специфической форме выражают структуру реальных отношений собственности. Понятие элементарного объекта собственности (вещи), совокупность которых составляет конечное множество V_m , находит свое выражение в ряде статей Гражданских Кодексов РСФСР и других союзных республик. Так, например, ст. 113 ГК РСФСР предусматривает существование имущества, которое в соответствии с уставом колхоза может принадлежать только колхозному двору и ни одна его часть не может быть самостоятельным объектом личной собственности члена колхозного двора. Точно так же в ст. 95 ГК РСФСР перечисляются объекты государственной собственности, ни одна часть которых не может быть самостоятельным объектом собственности иных лиц.

Другой способ фиксации объектов собственности применяет-

ся в отдельных статьях ГК РСФСР. В этом случае речь идет о составных объектах собственности, частями которых являются элементарные объекты (ст. 100, 103 и др. ГК РСФСР).

Подобное же положение вещей имеет место при установлении правового статуса субъектов собственности. Дифференциация субъектов собственности на граждан (физические лица) и объединения — учреждения (юридические лица) дает возможность в правовой форме выявить конечно множество A_n элементарных собственников. Понятия физического и юридического лица в определенных отношениях предполагают, очевидно, что ни одна часть такого лица не может быть самостоятельным субъектом собственности. Поэтому даже в тех случаях, когда юридическое лицо учреждает свои филиалы или представительства (которые являются составными элементами юридического лица), последние действуют на основании доверенности, полученной от соответствующего юридического лица, т. е. не могут быть самостоятельными собственниками (ст. 31 ГК РСФСР). Понятие сложного субъекта собственности используется, например, в статье 100 ГК РСФСР при указании на права объединений колхозов и иных кооперативных организаций.

Связь субъекта собственности с объектом рассматривается при юридической регламентации как право собственности. Выражаясь атомарной формулой $y_i E x_j$, право собственности соотносится с развитой реальной формой собственности, а именно: закрепляет владение в форме права владения, пользование — в форме права пользования и отчуждение в форме права распоряжения.

Фиксируя исходные предпосылки отношений субъектов собственности между собой, право, во-первых, исключает возможность таких отношений по поводу определенных объектов (например, объекты государственной собственности исключаются из отношений граждан между собой) и тем регистрирует пустое множество объектов собственности для данной категории лиц. Во-вторых, право предусматривает возможность пустого множества собственников для определенных объектов (например, бесхозяйное имущество по ст. 143 ГК РСФСР). В-третьих, рассматривает отношения субъектов между собой, как выражение их добровольности и, следовательно, как их способность сознательно вступать в такие отношения. Критерии «сознательности» находят выражение в правовом институте «дееспособность» (ст. 11—16 ГК РСФСР).

Регламентация изменений отношений собственности вызывает к жизни различные правовые институты, фиксирующие акт отчуждения. Таковы институты дарения, мены, купли-продажи и др. При этом отчуждение вещи в юридическом смысле связано прежде всего с отчуждением права распоряжения вещью. Это дает нам возможность некоторые юридические институты, от-

чуждающие лишь право владения и право пользования (например, заем, имущественный наем, хранение и пр.), а не право распоряжения, не рассматривать в рамках нашего частного примера.

Следует отметить, что все юридические институты, фиксирующие акт отчуждения, могут быть разделены на два типа: фиксирующие единичный акт одностороннего отчуждения и фиксирующие акт двустороннего отчуждения (который сводится к последовательному осуществлению двух единичных актов одностороннего отчуждения). Условия осуществимости единичного акта отчуждения для нашего примера рассмотрены выше.

Получающееся после осуществления единичного одностороннего отчуждения состояние будет описываться максимальной конъюнкцией, отличающейся от максимальной конъюнкции, описывающей исходное состояние, лишь тем, что в первой вместо подконъюнкции $E_{i,k} \wedge \bar{E}_{i,l}$ будет стоять подконъюнкция $\bar{E}_{i,k} \wedge E_{i,l}$ ($i = 1, 2, \dots, m, k = 1, 2, \dots, n, l = 1, 2, \dots, n, k \neq l$). Единичный акт отчуждения односторонен в том смысле, что лицо $a_k \in A_n$, имевшее в исходном состоянии в своей собственности вещь $b_i \in V_m$, в результирующем состоянии лишается собственности на $b_i \in V_m$, не получая при этом в собственность никакой другой вещи от нового владельца $a_l \in A_n$ вещи $b_i \in V_m$. В то же время лицо $a_l \in A_n$, в исходном состоянии не имевшее собственности на $b_i \in V_m$, в результирующем состоянии получает вещь $b_i \in V_m$ в свою собственность, не передавая прежнему владельцу $b_i \in V_m$ в собственность никакой другой своей вещи.

Под понятие одностороннего отчуждения в нашем примере подпадает лишь такой юридический институт, как дарение. Конфискация исключается в нашем примере потому, что мы с самого начала не включили в множество V_m лиц государство. Тайное и открытое похищение объекта собственности не подпадает вообще под понятие отчуждения, т. к. не влечет за собой отчуждения права распоряжения собственностью со стороны их законного владельца. Эти институты, следовательно, вообще не являются формами изменения собственности в юридическом смысле.

Остаются еще такие юридические институты, как завладение вещью путем обмана, злоупотребление доверием и вымогательства. Однако эти институты относятся к сфере уголовного права и, поскольку мы условились рассматривать лишь сферу гражданских отношений, поэтому они также остаются за пределами нашего анализа. Используя язык теории графов, институт дарения применительно к нашему примеру можно определить формально: любая дуга графа $G = (M, \Gamma)$ представляет акт дарения. На основании такого определения мы будем говорить о дарении, как произвольной дуге графа.

Двустороннее (взаимное) отчуждение объектов собственности возможно во всяком состоянии, описываемом максимальной конъюнкцией, содержащей, по меньшей мере, одну подконъюнкцию вида

$$E_{i,k} \wedge E_{j,l} \wedge \bar{E}_{i,l} \wedge \bar{E}_{j,k},$$

$i = 1, 2, \dots, m, j = 1, 2, \dots, m, k = 1, 2, \dots, n, l = 1, 2, \dots, n, i \neq j, k \neq l$. Такая подконъюнкция утверждает, что лицо $a_k \in A_n$ имеет в собственности вещь $b_l \in B_m$ и не имеет собственности на вещь $b_j \in B_m$, а лицо $a_l \in A_n$ имеет в собственности вещь $b_j \in B_m$ и не имеет в собственности вещь $b_i \in B_m$. При этом максимальная конъюнкция, описывающая исходное состояние, может быть преобразована в максимальную конъюнкцию, описывающую результирующее состояние, посредством замещения в ней подконъюнкции $E_{i,k} \wedge E_{j,l} \wedge \bar{E}_{i,l} \wedge \bar{E}_{j,k}$ подконъюнкцией $E_{j,k} \wedge E_{i,l} \wedge \bar{E}_{i,k} \wedge \bar{E}_{j,l}$, $i = 1, 2, \dots, m, j = 1, 2, \dots, m, k = 1, 2, \dots, n, l = 1, 2, \dots, n; i \neq j, k \neq l$.

Юридическими институтами, фиксирующими двустороннее (взаимное) отчуждение, являются купля-продажа и мена. Сходство купли-продажи и мены состоит в том, что в обоих случаях налицо двустороннее отчуждение. Разница между ними лишь в том, что при мене с обеих сторон отчуждаются потребительские стоимости, а при купле-продаже потребительская стоимость отчуждается лишь с одной стороны, тогда как с другой стороны отчуждается меновая стоимость. Двустороннее отчуждение меновых стоимостей, вероятно, лишено смысла.

Применительно к нашему примеру, юридическому институту купли-продажи может быть дано следующее формальное определение: комбинированный путь длины $2\mu = [i^{\circ}, h^{\circ}, j^{\circ}]$, для которого выполняется одно из четырех неравенств: (1) $i < j < h$; (2) $h < i < j$; (3) $j < i < h$; (4) $h < j < i$, представляет акт купли-продажи. Выполнение условия (1) дает куплю-продажу, состоящую в последовательном выполнении актов отчуждения потребительской и затем меновой стоимостей. Выполнение условия (2) дает куплю-продажу, состоящую в последовательном выполнении актов отчуждения меновой и затем потребительской стоимостей. В зависимости от порядка отчуждения потребительской и меновой стоимости купля-продажа будет представляться различными путями графа $G = (M, \Gamma)$. Условия (3) и (4) связаны с «обратной» куплей-продажей той же вещи (т. е. прежний покупатель выступает в качестве продавца, а прежний продавец — в качестве покупателя). На основании сказанного мы будем говорить о купле-продаже, как о комбинированном пути $\mu = [i^{\circ}, h^{\circ}, j^{\circ}]$ в графе $G = (M, \Gamma)$ таком, что для него выполняется одно из приведенных выше неравенств.

Юридическому акту мены в нашем примере может быть дано следующее формальное определение: однородный непрерывный

путь длины $2\mu = [i^{\circ}, h^{\circ}, j^{\circ}]$ такой, что для него выполняется одно из четырех неравенств: 1) $i < j < h$, 2) $h < i < j$, 3) $j < i < h$, 4) $h < j < i$, представляет акт мены. Наличие четырех неравенств здесь объясняется теми же соображениями, что и в случае купли-продажи. В дальнейшем мы будем говорить о мене, как об однородном непрерывном пути $\mu = [i^{\circ}, h^{\circ}, j^{\circ}]$ длины 2 таком, что для него выполняется одно из указанных выше неравенств.

В соответствии с приведенным «переводом» юридических терминов мы в нашем примере можем для анализа юридических институтов пользоваться формальными результатами теории графов.

ОБ ОБЩИХ И СПЕЦИФИЧЕСКИХ ЗАКОНАХ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА И ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИИ

Общественная жизнь представляет собой сложную систему взаимосвязанных процессов. Законы развития общества выражают существенные связи в этих процессах. Есть такие связи и отношения, которые имеют место в любом обществе. Существуют связи и отношения, характеризующие общие черты не всех, а некоторых ступеней общественного развития. Но есть связи и отношения, присущие только определенному обществу. Именно поэтому существует многообразие законов общественного развития, находящихся в определенном взаимодействии между собой.

Из этой большой темы мы берем вопрос об общих и специфических законах и их соотношении.

1. Понятие общих и специфических законов общественного развития

На всех ступенях исторического развития есть общие условия, при которых люди производят средства к жизни. «Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, — пишет Маркс, — так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства»¹. Это обстоятельство вызывает к жизни ряд общих законов, которые выражают наиболее общие связи и отношения человеческой деятельности, независимо от той или иной ступени общественного развития. Сфера действия этих законов охватывает все общественно-экономические формации.

В предисловии К. Маркса к «Критике политической экономии» сформулированы важнейшие общие законы исторического процесса. К ним относится, например, закон об определяющей роли способа производства в общественном развитии. Каков способ производства у общества, такова социально-политическая

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, стр. 387.

структура данного общества, таковы его учреждения и идеи. «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»¹.

Общим законом исторического развития является закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Производственные отношения в любой общественно-экономической формации находятся в зависимости от уровня производительных сил; развитие последних вызывает изменение производственных отношений. В свою очередь, производственные отношения не пассивны к производительным силам, они оказывают обратное активное воздействие на производительные силы, ускоряя или замедляя их развитие. Эта общая объективно необходимая связь между двумя сторонами общественного производства и выражается в законе соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

Из того, что общие законы свойственны любым ступеням исторического развития, не следует, что они во всех общественных формациях выступают однозначно, в одних и тех же формах. Закон об определяющей роли способа производства является общим законом всех фаз человеческой истории. Но форма проявления его зависит от тех конкретных условий общественно-экономических формаций, в которых он действует. Точно так же и общий закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил не выступает в одних и тех же формах. Объективно необходимая связь между производительными силами и производственными отношениями, выражаемая этим законом, далеко не одинакова по своему характеру на разных исторических ступенях.

Ступени общественного развития не только едины, взаимосвязаны, но качественно отличаются друг от друга. Эти качественные отличия ступеней общественного развития характеризуют специфические законы. Общие законы не охватывают собой специфики отдельного, конкретного; они выражают единство, общие черты различных ступеней общественного развития. Специфические же законы выражают необходимые связи и отношения, присущие не всем ступеням, а определенной, конкретной ступени общественного развития. В отличие от общих законов сфера действия специфических законов ограничена рамками данной общественно-экономической формации.

Среди специфических законов формации, которые выражают ее качественную определенность, главная роль принадлежит основному экономическому закону. Например, основной экономический закон капитализма — закон прибавочной стоимости выражает специфическую сущность капиталистического способа производства. «Производство прибавочной стоимости или нажи-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, стр. 7.

ва — таков абсолютный закон этого способа производства»¹. Основной экономический закон социализма, существенные черты и требования которого состоят в максимально-возможном удовлетворении растущих материальных и культурных потребностей народа путем развития и совершенствования общественного производства, есть качественное выражение сущности социалистического способа производства.

Коренное различие общественных формаций находит свое выражение и в других специфических законах. Например, экономический закон конкуренции и анархии производства характеризует специфическую особенность развития капиталистического производства. Прямо противоположный закону конкуренции и анархии производства закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства выражает особенность развития социалистического производства. Качественное различие капиталистической и социалистической формации выражается и в таких специфических законах, как законы капиталистического и социалистического накопления и т. д.

Однако различие между общими и специфическими законами не абсолютно. Специфический закон в одном отношении может быть общим законом в другом отношении. Например, закон стоимости по отношению к закону соответствия производственных отношений характеру производительных сил является в известном смысле специфическим законом. Закон соответствия действует во всех формациях. Закон стоимости же действует там, где есть товарное производство. При первобытно-общинном строе не было товарного производства, там не мог действовать закон стоимости. С исчезновением товарного производства при коммунизме прекратит свое существование и закон стоимости.

Но если мы рассматриваем закон стоимости по отношению к основному закону капитализма — закону прибавочной стоимости, то он является по сути дела общим законом, ибо закон стоимости действует не только в условиях капиталистического товарного производства. Товарное производство существовало при рабовладельческом строе и при феодализме. Там, следовательно, также действовал закон стоимости. Товарное производство сохраняется при социализме, и здесь продолжает действовать закон стоимости. Закон же прибавочной стоимости является законом только капиталистического способа производства.

Относительный характер деления законов общественного развития на общие и специфические можно видеть и при сопоставлении закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил и закона об определяющей роли способа производства в жизни общества. Тот и другой являются общими законами в том смысле, что они действуют во всех фа-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, стр. 632.

зах общественного развития. Тем не менее сфера действия этих законов не одна и та же. В самом деле, закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил выражает взаимоотношения лишь одной стороны жизни общества — экономической. Закон же об определяющей роли способа производства в жизни общества выражает одновременно взаимоотношения экономической, социально-политической и духовной сторон. Сфера действия этого закона более широкая.

В свою очередь, общий закон об определяющей роли способа производства в жизни общества является менее общим законом по отношению к законам материалистической диалектики, например, к закону единства и борьбы противоположностей, сфера действия которого простирается не только на все стороны и фазы общественного развития, но и на все сферы, на все процессы материальной действительности.

Таким образом, грани между общими и специфическими законами подвижны, но они существуют, их необходимо учитывать. Общие законы выражают единство, общие черты различных ступеней общественного развития. Специфические же законы выражают качественные отличия той или иной общественно-экономической формации.

2. Взаимоотношение общих и специфических законов

Вопрос о соотношении общих и специфических законов рассматривается в ряде работ советских философов и экономистов¹. В них вскрыты некоторые особенности взаимодействия общих и специфических законов в различных общественных формациях и подвергнуты критике ошибочные концепции. Тем не менее проблема взаимоотношения общих и специфических законов, особенно в условиях социализма, разработана недостаточно. Среди философов и экономистов нет единства в понимании этого вопроса.

Каково соотношение общих и специфических законов?

Прежде всего, общие и специфические законы формации в своей совокупности образуют единую взаимосвязанную систему, их действия не изолированы друг от друга, а взаимообусловлены. Ни один общий закон не действует сам по себе, обособленно от специфических законов и наоборот — ни один специфический закон не действует изолированно от общих законов.

Так, преимущественное развитие производства средств производства по сравнению с производством предметов потребления общий закон и для капитализма и для социализма. При капита-

¹ См. Розенталь М. Диалектический материализм об общих и специфических законах развития. — «Коммунист», 1954, № 9; Любошиц Л. И. Общие и специфические экономические законы. Госполитиздат, 1959; работы Тугаринова В. П. и Глезермана Г. Е.

лизме действие этого общего закона переплетается с действием таких специфических для капитализма законов, как закон конкуренции и анархии производства, средней нормы прибыли и другие. В условиях социализма действие общего закона преимущественного развития производства средств производства по сравнению с производством предметов потребления тесно связано с действием специфических для социализма законов планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, основного экономического закона социализма.

Однако общие законы не теряют самостоятельного значения из-за того, что их действие переплетается с теми или иными специфическими законами. Между тем попытка свести общие законы к специфическим имела место в нашей литературе. Некоторые философы и экономисты в недавнем прошлом ошибочно утверждали, что якобы расширенное воспроизводство при социализме в силу специфики последнего возможно уже не на основе преимущественного роста средств производства по сравнению с производством предметов потребления.

Хотя общие законы тесно связаны со специфическими, действуют в единстве с ними и через них, они тем не менее существуют как вполне самостоятельные законы. Если общий закон, выражающий преимущественное развитие первого подразделения общественного производства по сравнению со вторым, действует при капитализме в единстве с законом конкуренции и анархии производства, а при социализме взаимодействует с законом планомерного пропорционального развития народного хозяйства, то это не значит, что данный закон теряет свою самостоятельность, растворяется в специфических законах. Специфические законы в данном случае создают конкретные условия для действия общего закона преимущественного развития производства средств производства по сравнению с производством предметов потребления. Не будь преимущественного развития производства средств производства не было бы и необходимости регулировать пропорции между I и II подразделениями общественного производства ни посредством конкуренции, ни планомерно.

Специфические законы также не лишаются самостоятельного значения из-за того, что они взаимодействуют с общими законами. В нашей литературе не всегда правильно вскрывается и качественное своеобразие специфических законов. Например, в «Философской энциклопедии» сказано, что следует различать закон «как конкретно-всеобщее и его абстрактно-односторонний момент, частную форму проявления, то есть отдельную закономерную связь»¹. В данном определении как раз не указывается на различия между специфическими и общими законами. Тем более, что ни до, ни после этого утверждения не дается никаких

¹ Философская энциклопедия. Т. 2, 1962, стр. 149.

разъяснений на этот счет. Сводя специфический закон к «абстрактно-одностороннему моменту», «частной форме проявления» общего закона, авторы данного определения смазывают качественное своеобразие специфических законов.

Специфичность той или иной общественно-экономической формации нельзя свести к простой форме проявления общих законов, общих черт, присущих всем общественным формациям. В качестве примера можно привести специфические законы развития капитализма — прибавочной стоимости, средней нормы прибыли и другие. Они не являются видоизменением каких-либо общих законов, хотя и тесно связаны с ними. Эти специфические законы характерны только для капиталистического способа производства и выражают его специфическую сущность.

Общие и специфические законы, следовательно, имеют вполне самостоятельное значение, но вместе с тем они неразрывно связаны между собой. Нет специфических законов без общих, как нет общих без специфических. Общее и особенное — это стороны единой, неразрывной материальной действительности. В. И. Ленин в работе «К вопросу о диалектике» указывает: «...Отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д.»¹.

Соотношение общих и специфических законов общественного развития включает в себя не только взаимосвязь, но и противоречия в их действиях. Это особенно обнаруживается в переходные эпохи общественного развития, когда на смену старого, отживающего строя приходит новый, нарождающийся. В эти периоды некоторые общие и специфические законы начинают действовать в противоположных направлениях. Существующий строй с его специфическими законами препятствует реализации требований общих законов поступательного развития общества. Например, в эпоху восходящего развития капитализма, наряду с различными противоречивыми тенденциями, было известное единство между действием специфических законов и общим законом соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Но на последующей стадии капиталистического общества обнаружилась противоположность в их действии. Ныне закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил требует устранения отживших капиталистических производственных отношений с их специфическими законами: прибавочной стоимости, конкуренции и анархии производства и т. д. Только реализация требования общего закона

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 318.

соответствия способна преодолеть и разрешить эту противоположность в действии данных законов.

Противоречия между общими и специфическими законами нельзя понимать так, что гибель данной общественно-экономической формации определяется только общими законами, а специфические законы не содействуют этому процессу. Такое упрощенное представление одно время имело хождение на страницах журнала «Вопросы истории». Исходя из этого представления, некоторые авторы выдвинули мысль о том, что в историческом процессе господствующие классы, заинтересованные в сохранении существующих условий, опираются на выгодные для них специфические законы своей формации, тогда как новые, революционные классы, стремящиеся уничтожить существующие отношения, находят опору в действии общих законов¹.

В условиях современного капитализма, например, не только действие общего закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил требует замены капиталистических производственных отношений социалистическими. Этому способствуют действия и специфических законов капитализма. В. И. Ленин в статье «Карл Маркс» подчеркивает, что неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс вывел «из экономического закона движения современного общества»², то есть из закона прибавочной стоимости. Действие закона прибавочной стоимости не только обеспечивает капиталистам получение прибыли, но вызывает угнетение и обнищание трудящихся масс, экономические и политические конфликты, доводит до крайних пределов все противоречия капитализма, порождая те тенденции, которые ведут его к гибели. Поэтому при решении вопроса о том, может ли, например, рабочий класс в своей революционной деятельности опираться на специфические законы капитализма, нужно исходить из противоречивых результатов действия этих законов, из взаимодействия общих и специфических законов.

Итак, общие и специфические законы не только взаимосвязаны, взаимообусловлены, но и противоречивы. Поэтому научное познание и практическая деятельность передовых сил общества должны учитывать как единство, так и противоречия в действиях законов общественного развития.

3. Особенности действия общих и специфических законов в социалистическом обществе

Развитие социалистического общества, как и других общественно-экономических формаций, подчиняется общим и специфическим законам в их сложном диалектическом взаимодействии.

¹ См. «Вопросы истории», 1954, № 5, стр. 22.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 73.

Но социализм вызывает к жизни не только новые, отличные по содержанию от законов антагонистического общества, специфические законы, но существенным образом видоизменяет форму действия общих и специфических законов.

Законы антагонистических формаций, например, капитализма — это законы эксплуатации человека человеком. В их действиях выражаются существенные связи производственных отношений, которые базируются на частной собственности на средства производства. Любой специфический закон капитализма, будь это закон прибавочной стоимости или какой-либо другой специфический закон капитализма, так или иначе выражает отношение наемного труда и капитала.

Антагонистический характер производственных отношений обуславливает то, что действие законов капитализма антагонистически противоречиво. С одной стороны, эти законы определяют быстрый рост производства и технического прогресса в тот или иной период, в той или иной капиталистической стране, с другой стороны, они тормозят развитие производства и технического прогресса. Например, известный рост производства и технического прогресса имеет место и в ряде современных капиталистических государств. Но стремление капиталистов выжать максимум прибыли путем эксплуатации большинства населения ведет к непрерывному сужению рамок развития капиталистического производства, к росту антагонизма между трудом и капиталом, в конечном счете к разрешению этого антагонизма насильственным путем. Это объективная тенденция самым ясным и самым отчетливым образом дает о себе знать при современном капитализме.

Законы же развития социалистического общества выражают сущность социалистических производственных отношений — отношений товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи свободных от эксплуатации работников. Это прежде всего относится к основному закону социализма, который выражает сущность социалистического способа производства в целом, а также к тем специфическим законам социализма, которые выражают отдельные существенные стороны социалистических производственных отношений.

Характер социалистических производственных отношений, основанных на общественной собственности на средства производства, обуславливает то, что действие законов социализма не порождает классовых противоречий и антагонизмов. Законы развития социализма определяют планомерный рост социалистического производства и материального благосостояния трудящихся. Они вызывают заинтересованность у тружеников социалистического общества в росте и совершенствовании производства на базе высшей техники, так как этим улучшается материальное и культурное положение трудящихся. Именно поэтому социализм

порождает трудовой энтузиазм работников производства, массовое движение новаторов и рационализаторов, соревнующихся за неуклонный подъем производительности труда, совершенствование техники и технологии производства и т. д.

Конечно, из этого не следует, что действие законов в социалистическом обществе не вызывает вообще никаких противоречий. Социализм исключает классовые противоречия и антагонизмы. Но он не исключает неантагонистические противоречия.

В условиях социализма противоречия имеют место между новым и старым, между ушедшими вперед производительными силами и имеющими тенденцию к отставанию производственными отношениями, между постоянно растущими потребностями и достигнутым уровнем производства и другими сторонами и процессами социалистического общества. Законы же развития социализма выражают эти противоречивые тенденции в общественных процессах. Поэтому противоречия имеют место и в действиях законов социализма. Но это противоречия роста, которые успешно преодолеваются на базе социалистического строя.

В нашей философской и экономической литературе в общем отрицается наличие противоречий в социалистическом обществе. Но в отдельных научных работах встречается точка зрения, которая исключает противоречия в действиях законов развития при социализме¹. Дело по существу изображается так, что в социалистическом обществе достигнуто полное соответствие в системе объективных законов, что общественная собственность на средства производства обеспечивает в условиях социализма ненарушаемое единство действий и общих, и специфических законов.

Конечно, общественная собственность на средства производства создает такие возможности для единства действия общих и специфических законов при социализме, какого не может быть достигнуто в классово-антагонистических формациях. Но это единство не исключает противоречий в системе развития социализма.

В ряде статей советских экономистов и философов акцентируется внимание на некоторых противоречиях в действиях экономических законов². Например, в условиях социализма время от времени дает о себе знать противоречие между действиями закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства и законом стоимости. Закон планомерного, пропорционального развития требует централизованного руководства всеми от-

¹ См., например, «Научные труды Ташкентского университета» (вып. 293, эконом. науки), 1964, стр. 110.

² См. К о н н и к И. О механизме действия и использовании экономических законов социализма.— «Вопросы экономики», 1963, № 12; Кропфрод Я. Система экономических законов социализма.— «Политическое самообразование», 1967, № 8.

раслями народного хозяйства. Закон стоимости же обуславливает эквивалентный обмен общественного продукта на началах купли-продажи, что предполагает хозяйственную самостоятельность предприятий, активное участие их в экономическом обороте. Эти противоречивые тенденции учитываются в деятельности Коммунистической партии и Советского государства.

Отличие законов социализма от законов других общественно-экономических формаций состоит не только в их содержании, но и в форме действия. При социализме действие законов общественного развития в целом лишено стихийного характера, они используются людьми сознательно, планомерно.

В условиях капитализма, например, экономические законы действуют стихийно, через механизм конкурентной борьбы. Так проявляется основной закон капитализма — закон прибавочной стоимости, закон средней нормы прибыли и другие.

Разумеется, это не означает, что при капитализме вовсе отсутствует планомерность. К. Маркс и Ф. Энгельс в последние годы жизни обращали внимание на это. Например, Энгельс в связи с ростом монополистических объединений писал: «Если мы от акционерных обществ переходим к трестам, которые подчиняют себе и монополизируют целые отрасли промышленности, то тут прекращается... *отсутствие планомерности*»¹. В. И. Ленин в трудах по империализму также показал, что в условиях монополистического капитализма гигантски выросшие производительные силы делают необходимостью известное регулирование производства. Например, в современных капиталистических странах имеют место организованные, планомерные действия государственно-монополистических объединений, рассчитанные на стабильное, бескризисное развитие экономики. Но жизнь подтверждает предвидения Маркса, Энгельса и Ленина, что эти действия не устраняют анархии капиталистического производства и стихийного характера действия экономических законов капитализма. Иначе и быть не может до тех пор, пока средства производства принадлежат капиталистам, а производство ведется в интересах извлечения капиталистической прибыли.

В условиях же социализма, где господствует общественная собственность на средства производства, впервые становится не только возможным, но и экономически необходимым планомерное развитие народного хозяйства. При этих общественных условиях действие законов общественного развития в целом лишено стихийного характера, они используются людьми сознательно, планомерно.

Насколько глубоко различие в форме проявления специфических законов социализма и капитализма, можно видеть на примере действия основного закона социализма и капитализма.

---

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, стр. 234.

В основном экономическом законе отражена взаимосвязь между производством и потреблением. Эта взаимосвязь проявляется по-разному при капитализме и при социализме.

Непосредственной целью капиталистического производства является не потребление, а производство прибавочной стоимости, не продукт, а прибавочный продукт. В погоне за прибавочной стоимостью капиталисты расширяют производство, в то время как потребление трудящихся масс отстает от производства, не успевает за развитием производственных сил. Отсюда стихийный, циклический характер развития капиталистического производства, периодически прерываемый кризисами перепроизводства.

В социалистическом обществе производство подчинено наиболее полному удовлетворению потребности людей. Здесь возникает реальная возможность планомерно сочетать производство и потребление. В каждом перспективном плане развития народного хозяйства предусматривается не только рост социалистического производства, производительности общественного труда, но и рост потребления, рост благосостояния трудящихся. Планомерность действия — важнейшая черта основного экономического закона и других специфических законов социализма.

В условиях социализма, наряду со специфическими, коренным образом видоизменяется действие общих законов. Примером этого служит закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

В капиталистическом обществе этот закон действует так, что противоречия, возникающие между производительными силами и производственными отношениями, развиваются, углубляются и превращаются в противоположность. Правда, и при капитализме после застоя, кризиса, в период повышенной экономической активности на некоторое время могут быть значительно ослаблены противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Но это достигается ценой огромной растраты производительных сил. В дальнейшем развитии капитализма эти противоречия принимают еще более острые формы, в конечном счете, ведут к конфликту, к насильственной социальной революции, в результате которой устанавливаются новые социалистические производственные отношения.

При социализме закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил действует иначе. Здесь противоречия между производительными силами и производственными отношениями не превращаются в противоположность, так как способ производства стихийно не порождает таких сил, которые могли бы стать непреодолимым препятствием на пути развития производства; все члены социалистического общества и, прежде всего, государственная власть заинтересованы в планомерном преодолении противоречий между выросшими произво-

дительными силами и устаревшими элементами производственных отношений. Здесь преодоление этих противоречий вызывает не застой, не кризисным состоянием, как при капитализме, а непрерывным и планомерным развитием социалистического производства.

Сознательное, планомерное использование законов общественного развития в условиях социализма не исключает элементов стихийности в их действиях. Элементы стихийности, не поддающиеся планомерному контролю со стороны общества, нередко дают о себе знать. Они связаны с природно-географическими условиями, с наличием неорганизованного колхозного рынка, с влиянием мировой капиталистической системы, закономерности развития которой оказывают определенное воздействие на социалистические страны.

Элементы стихийности в общественных процессах в условиях социализма могут быть порождены также ошибками и просчетами планирующих органов. В решениях XXIII съезда КПСС отмечено, что в практике руководства хозяйством имели место произвольные изменения пропорции между первым и вторым подразделениями общественного производства, забвение ленинского принципа материальной заинтересованности, слабое обоснование ряда хозяйственных решений. Эти ошибки и просчеты планирующих органов вызвали ряд нежелательных явлений в развитии социалистической экономики, а именно, неоправданное отставание производства предметов потребления от производства средств производства, задержку развития колхозного производства, отлив некоторой части населения из деревни в город.

Централизованная деятельность планирующих органов может вести к непрерывному росту производства и материального благосостояния лишь при строжайшем учете требований законов развития социализма. Субъективистское же, волевое руководство хозяйственной жизнью, игнорирующее требования тех или иных экономических законов, ведет к фактическому оживлению стихии, к замедлению темпов роста социалистической экономики и народного благосостояния. Академик В. Немчинов в статье «Социалистическое хозяйствование и планирование производства» заметил, что «стихия волюнтаризма и в наших условиях, если позволить ей разрастись, приведет к вредным последствиям, в отдельных случаях не меньшим, чем результаты стихийной конкуренции при капитализме»¹.

Коммунистическая партия ведет непримиримую борьбу со всякого рода проявлениями субъективизма, поверхностным, некомпетентным руководством в коммунистическом строительстве. В последнее время проделана большая работа по преодолению

---

¹ Немчинов В. Социалистическое хозяйствование и планирование производства.— «Коммунист», 1964, № 5, стр. 84.

субъективизма и его последствий. Проведены в жизнь крупные мероприятия по улучшению централизованного руководства всеми отраслями народного хозяйства и вместе с тем по всемерному развитию инициативы республиканских, областных, районных и других местных органов власти, по расширению прав и оперативной самостоятельности промышленных и сельскохозяйственных предприятий. К числу этих мероприятий относится прежде всего новая экономическая реформа. Эта реформа усиливает экономические стимулы развития. На ее основе более последовательно проводится в жизнь принцип материальной заинтересованности работников в труде, создаются более благоприятные условия для всемерного развития хозяйственной инициативы на местах. Одновременно повышается научный уровень централизованного планирования и управления народным хозяйством.

Таким образом, преимущества законов развития социализма, в силу которых они являются законами планомерного товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи свободных от эксплуатации работников, не реализуются самотеком, автоматически. Умелое применение объективных законов возможно лишь в том случае, если строители социалистического общества будут глубоко изучать действия общих и специфических законов общественного развития, совершенствовать формы и методы их сознательного использования в интересах всего общества.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ МОНУМЕНТАЛЬНОГО ИСКУССТВА В АТЕИСТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ

Атеистическое воспитание — важная сторона коммунистического воспитания. Цель его — способствовать формированию научного, материалистического понимания явлений и происходящих событий, помогать повышению политической сознательности и активности трудящихся, освобождению их от религиозных предрассудков, привести к отказу от веры в сверхъестественные силы и загробную жизнь, к борьбе за счастье людей на земле.

Коммунисты Советского Союза активно используют «средства идейного воздействия для воспитания людей в духе научно-материалистического миропонимания, для преодоления религиозных предрассудков, не допуская оскорбления чувств верующих»¹.

На то, какой по содержанию и методам должна быть работа с верующими, указывал В. И. Ленин в произведении «О значении воинствующего материализма». В 1922 году он писал: «Этим массам необходимо дать самый разнообразный материал по атеистической пропаганде, знакомить их с фактами из самых различных областей жизни, подойти к ним и так и эдак для того, чтобы их заинтересовать, пробудить их от религиозного сна, встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами и т. п.»².

Среди множества различных форм и способов атеистического воспитания важнейшим является искусство, как средство идеологического воздействия на человека.

Н. К. Крупская, многие годы посвятившая антирелигиозной работе, писала: «Противостоять религиозным влияниям можно лишь, приблизив искусство к массам, сделав его максимально народным, близким массам, организуя массы на почве искусства»³.

Искусство действует на психику, на чувства человека, обладает громадной силой внушения. А внушить можно как добро, так и зло, как прекрасное, так и безобразное, как веру в бога, так и атеизм. Поэтому велика ответственность художника, создающего

¹ Материалы XXII съезда КПСС. М., Госполитиздат, 1961, стр. 412.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 26.

³ Крупская Н. К. Избранные педагогические произведения, М., 1957, стр. 477.

произведение искусства. Но велика ответственность и того класса, с идейных позиций которого производится это внушение.

Господствующие классы всегда использовали искусство для внушения своих идеалов, в воспитательных целях. Не случайно религия, являющаяся сильным идеологическим орудием в руках господствующих классов в антагонистических обществах, все достижения искусства поставила и ставит на службу для воспитания веры в бога, в загробную жизнь, для утверждения религиозной идеологии.

Церковники привлекают различные виды искусства: литературу (мифы, сказания о богах), музыку (гимны богам и молитвы), архитектуру (храмы: церкви, костелы, мечети, молитвенные дома и другие культовые сооружения), живопись, скульптуру (изображение богов), используют различные одурманивающие напитки и курения. По словам А. В. Луначарского, церковь создавала такую «пышную, привлекательную и сладостную обстановку, которая заставляет приходить в церковь уже по одному тому, что здесь люди получают эстетическое наслаждение»¹.

Но религия никогда не была основой эстетического наслаждения природой и человеком. Религия и материалистическая эстетика по-разному трактуют природу эстетического и с этим связано различное понимание искусства и его роли в эстетическом воспитании.

Материалистическая эстетика определяет художественный образ как субъективно отраженную сознанием объективную действительность. Эстетическое познание основано на признании отражения прекрасного, объективно существующего в действительности. Нет чувств, эмоций, эстетических понятий вне связи с действительностью.

Все чувства, эмоции, эстетические понятия имеют социальную окраску. Так, красота, являясь социально-эстетическим понятием, всегда связана с человеческим содержанием жизни, зависит от него и определяется им.

Специфика эстетического восприятия заключается в том, что человек, постигая прекрасное, трансформирует это на жизненные ценности. Человек, по-настоящему чувствующий прекрасное, ищет его вокруг себя, в жизни, которая его окружает.

Эстетическое наслаждение, которое получают в церкви, основано на религиозной идеологии, на идеалистическом, извращенно-фантастическом отражении действительности.

Ведь религия считает красоту порождением духа, а искусство — божьим даром, раскрывающимся только в результате общения с богом, отсюда стремление поставить искусство на службу богу. Так как религия признает бессмертие души, то в ее представлении истинно прекрасное может открыться человеку не в

¹ Луначарский А. В. Почему нельзя верить в бога? М., 1965, стр. 405.

земной жизни, а в загробной. Религия внушает верующему: «нет красоты на земле, истинное наслаждение ты познаешь только на небе». Такое толкование помогает церкви призывать верующих отрешиться от земных благ и наслаждений.

Религия и эстетическое освоение мира абсолютно противоположны. Эстетическая деятельность — это процесс освоения мира в художественно-эмоциональной форме. Религия же уводит человека от познания реального мира в мир религиозной экзальтации, трагического и ужасного, отбрасывая все здоровое и оптимистическое в эстетических переживаниях человека, калечит эстетические чувства. Эстетические переживания, связанные с чувством радости, комического, развивались вне всякой связи с религиозной идеологией.

Церковь всегда была заинтересована в том, чтобы искусство находилось под ее влиянием, развивалось под руководством религии.

Все средства искусства, помогающие эмоциональному и эстетическому воздействию на тех, кто приходит в церковь, костел, молитвенный дом, религия стремилась употребить на то, чтобы воспитать в людях чувства рабленного преклонения перед мифическим богом, раба божьего, способного только на восприятие эмоций благоговения и страха перед несуществующими сверхъестественными силами.

Среди различных видов искусства религией в большей мере использовалось монументальное искусство. Оно долговечно, наиболее доступно для восприятия. Как правило, произведения монументального искусства бывают больших размеров (монументы, памятники, архитектурные сооружения, настенные росписи). Монументальное искусство близко народу, непосредственно к нему обращено на улицах, площадях, в храмах.

В отличие от других художественных форм, оно обладает огромным идейно-эстетическим потенциалом, широким диапазоном воздействия на массы, воспитания общественно-значимых моральных качеств, чувств и идеалов.

Произведения монументального искусства, создаваемые по заказу церкви на религиозные сюжеты, и должны, казалось бы, воспитывать только религиозные чувства. Однако художники, выполнявшие эти работы, произвольно вкладывали в них другие, земные идеи. Не религия была основой художественного творчества, а жизнь.

Во многих произведениях монументального искусства, заказанных церковью, находило отражение реалистическое видение мира художником, умение его связать себя с природой, с жизнью людей. Таким образом, шедевры этого вида искусства обладали двойственным характером эстетического воздействия. С одной стороны — они служили для утверждения религиозной идеологии, с другой — содержали отрицание религии.

Очень долго религия эксплуатировала монументальное искусство в своих целях. Величайшие художники, зодчие, скульпторы работали на религию. Постепенно монументальное искусство стало эмансипироваться, освобождаться от влияния церкви. Но и тогда оно не могло использоваться в атеистическом воспитании. Только с победой социалистической революции, только с момента отделения церкви от государства, а школы от церкви атеистическое воспитание в нашей стране становится важнейшей частью коммунистического воспитания.

Остановимся на том, как можно использовать средства монументального искусства в атеистическом воспитании.

Прежде всего, необходимо учитывать определенные трудности, связанные с использованием в атеистическом воспитании произведений искусства, навеянных религиозными сюжетами.

Естественно, религиозные сюжеты и такие условные элементы форм, как, например, иконопись в живописи и культовый характер церковной архитектуры, затрудняют восприятие подлинного содержания многих произведений искусства. Поэтому включение церковного искусства в атеистическое воспитание требует знания дела, такта и умения. Это, во-первых. Во-вторых, необходимо признать историческое наследие церковного искусства величайшей культурной ценностью, созданной человечеством, признать связь эстетического и атеистического воспитания. Среди церковных сооружений имеются уникальные, бесценные исторические и архитектурные памятники, являющиеся частью многовековой человеческой культуры.

Если исторически проследить создание памятников в различные эпохи и разных странах, то обнаруживается, что все лучшее, чего достиг человек в архитектуре, живописи, скульптуре, строительстве, сосредоточено в храмах. Египетские пирамиды, индийская усыпальница Тадж-Махал, греческий Парфенон со статуями и фризами Фидия, готические соборы, и среди них Нотр-Дам де Пари, собор св. Петра в Риме, Белокаменная церковь Покрова на реке Нерли, Московский храм Василия Блаженного, Анкорва на реке Нерли, Камбожде и многие другие другие сооружения и теперь восхищают красотой и величием форм, монументальностью, пробуждают чувство гордости за творения человека.

Культовые сооружения глубокой древности возводились при самой примитивной технике и скудных знаниях. Но их создатели проявили высокий вкус, тонкое чувство гармонии, ритма. Некоторые храмы, созданные народными умельцами, также являются художественно совершенными творениями. В храмах отражались почти все культурные ценности. Храмы отражали уроки общественного развития, духовную жизнь, представления, взгляды, настроения.

Еще тогда, когда не было ни книг, ни школ, храмы владели

всеми средствами духовного воздействия на человека, всеми средствами воспитания. Так, вырубленный в скале по приказу египетского фараона ансамбль храмов Абу-Симбела посвящен трем главным египетским богам — Амону, Птаху, Ра и четвертому — самому фараону, богу среди богов. Египетским владыкам нужно было, чтобы их считали богами. И для устрашения народа, для упрочения своего могущества, для усиления своей власти фараоны не жалели ни сил, ни средств. Весь ансамбль храмов Абу-Симбела подчинен одной общей идее: поразить воображение людей, возвеличить власть фараона, показать, что не только силы земные, но и небесные на стороне владыки. Вот он сидит — бесстрашный и спокойный, положив на колени гигантские каменные руки и устремив в бесконечность холодный и внимательный взор.

Царь и бог одновременно, владыка судеб, жизни и смерти. И горе тем, кто посягнет на его власть, кто помыслит не подчиниться ему!

Однако в наше время этот ансамбль вызывает другие чувства — восхищение величием сооружения, созданного в глубокой древности.

Тридцать три века спустя французский египтолог Максим дю Кан, увидевший Большой храм, в восторге писал своей жене: «Постарайся представить себе Собор Парижской богородицы, вырубленный в целом утесе. Ни одно европейское сооружение не может дать представления о труде, вложенном в это гигантское святилище»¹.

Многие сооружения, возведенные церковью на Руси, являются не столько культовыми, сколько памятниками народного таланта, инженерного мастерства, великого искусства. Их художественная и историческая ценность очевидна. Некоторые из них являются национальной гордостью, образцами древнего зодчества, памятниками героического прошлого русского народа.

Символом воинской славы стали для советских людей Золотые ворота во Владимире, принявшие на себя главный удар татарской орды. Через эти ворота шли дружины Александра Невского на битву с немецкими псами-рыцарями. Непрístupной крепостью были они на пути польских завоевателей в начале XVII века. У этих ворот провозжали владимирцы шесть своих полков на войну с Наполеоном.

22-главая деревянная Преображенская церковь (Кижский погост), выстроенная в 1714 году народным умельцем Нестером, является триумфальным памятником победы России в Северной войне. Выдающимся мастером возведена Строгановская церковь

---

¹ Бродский Б., Варшавский А. Века. Скульпторы. Памятники. М., 1962, стр. 18.

рождества Богородицы в Горьком. Оригинальностью конструкции и своеобразием используемого материала отличается церковь Успенья в Иванове (построена в XVII веке из дерева). Выдающимися памятниками являются Софийские соборы в Киеве и Новгороде. И в наши дни эти памятники пробуждают благородные чувства любви к Родине, уважение к таланту народа.

Открывать красоту, находящуюся в храмах и других монументальных сооружениях, возведенных церковью, это не только эстетическое, но и атеистическое воспитание.

В-третьих, диалектико-материалистический анализ произведений, созданных на религиозные сюжеты, помогает раскрывать за мертвой религиозной формой живое, реалистическое содержание.

Заказывая храмы божьи, духовенство стремилось подчинить творчество художников пропаганде религиозной идеологии, определяя темы, сюжеты, направление работы художника. Но религия никогда не была основой художественного творчества. Как ни старалась церковь, ей не удалось подавить светлое, оптимистическое начало в творчестве талантливых художников, зодчих. Их произведения, наполненные истинно человеческими эмоциями, и теперь будят в советских людях не сверхъестественные стремления, а земные добрые чувства.

Истинный смысл этих произведений часто глубоко противоречит религиозной иллюзии, что объясняется близостью художников, создавших произведения монументального искусства на религиозные сюжеты, к жизни. Понятия о добре и зле, прекрасном и безобразном, утвердившиеся в данном обществе, находят реалистическое отображение, реалистическое восприятие ощущений красоты, гармонии цвета, гармонии тела, вызывают реакцию, соответствующую тому заряду, который заключен в произведении.

При этом нельзя не учитывать всех, очень сложных форм отражения действительности в произведениях искусства с религиозной тематикой. Порождение их связано с конкретными историческими процессами, классовыми столкновениями и т. д.

Если даже художники сами верили в бога, то и тогда творили великие произведения искусства не потому, что исходили из религиозных представлений, а потому, что объективно отражали окружающий мир, природу, жизнь и мысли своего народа. Творчество художника всегда питается живыми, жизненными наблюдениями. Прототипами его религиозных образов служат люди. Религиозная форма произведений, создаваемых по заказу церкви, не совпадает с жизнеутверждающим содержанием.

Вопреки требованиям религии, религиозная форма часто наполнялась «земной» жизнью и симпатиями к человеку. Так, Андрей Рублев и многие другие великие мастера, веря в бога,

рисовали лики святых, персонажи неземные, которые должны были в соответствии с требованием религии вызывать трепет и благоговение, а получились они самыми человечными, добрыми, благородными и красивыми.

Если проанализировать русские монументальные росписи XIV века, то можно заметить стремление к такому изображению человека, которое противостояло религиозному учению о беспомощности человека в земной жизни. Об этом свидетельствуют фрески Феофана Грека, Данилы Черного и Андрея Рублева, выполненные в Благовещенском соборе и Андрониковом монастыре. Фрески А. Рублева и Д. Черного в Успенском соборе (во Владимире) религиозны по форме, но по своему содержанию очень близки к идеям подлинно реалистического искусства, пробуждающего в человеке творческие силы и стремления бороться против всего темного, отжившего. Они жизнерадостны гаммой цвета, любовью и симпатией к русскому человеку. Таков апостол Петр, ведущий праведников в рай, из легенды о «Страшном суде».

В русских сказаниях о «Страшном суде» выражались надежда на милость судьбы, ожидание блаженства праведников. Для образа Петра, идущего во главе праведников в рай, характерна самоотверженность, призыв, а не отрешенность. Петр приветливо обращает лицо к следующей за ним толпе, уверенный, что его услышат и поймут. Весь его облик говорит о доверии к людям, о твердой убежденности, что добрым и страстным призывом можно наставить людей на истинный путь. А. Рублев вложил в этот облик энтузиазм, который он увидел у сподвижников Дмитрия Донского, лучших представителей народа, выступивших против татаро-монгольского ига. Творчество А. Рублева, связанное с жизнью русского народа, отражало время освобождения от татаро-монгольского ига, время становления национального русского государства.

Великие мастера эпохи Возрождения — Рафаэль, Микеланджело, Леонардо да Винчи, создавая произведения на религиозные темы, также вносили в них реалистическое содержание. «Тайная вечеря» привлекла Леонардо да Винчи не своим догматическим содержанием, а возможностью развернуть перед зрителем большую человеческую драму, показать различные характеры, вскрыть душевный мир человека и ясно обрисовать его переживания. Он воспринял «Тайную вечерю» как сцену предательства и внес в это традиционное начало свое отношение к происходящему, благодаря которому оно приобрело совсем иное эмоциональное звучание. Леонардо да Винчи реалистически передал сложнейшие психологические реакции на слова Христа: «Один из вас предаст меня». Давая в образах апостолов законченные человеческие характеры и темпераменты, Леонардо заставляет каждого из них по-своему реагировать на произнесенные Христом слова. В изображении головы Иуды ощущение

истинного воплощения предательства и бесчеловечности. Таков анализ фрески, сделанный искусствоведом В. Лазаревым¹.

Главные фрески сикстинского плафона Микеланджело в Ватикане (1508—1512 гг.) передают библейскую легенду о сотворении мира, начиная с «первых дней творения» и кончая «потопом». Но легенда служила ему лишь поводом, чтобы создать поэму о творческой силе человека, воспеть созидательные стремления героев. В образе седобородого Саваофа, сотворившего весь мир земных существ, Микеланджело представил подобие художника, творца. Древний миф о человеке, покорившем воздушную стихию, приобретает здесь художественную наглядность. Саваоф несет мимо полумесяца обнаженного мужчины, еще безжизненного. Старец коснулся рукой его пальца — и словно электрическая искра пробегает через обе фигуры, единая трепетная волна объединяет тело летящего Саваофа с сотворенным им человеком.

Или изгоняемый из рая Адам, рукой отстраняющий от себя ангела. В этом движении тела и рук Адама выражено и его самосознание и обреченность, и мужество, и готовность сносить свое горе, и всепобеждающая сила его телесной красоты. Образы женщины также обретают свое человеческое достоинство. В сивиллах — мощь, неукротимое бунтарство, вдохновение и прозорливость. В откинутой голове Евы, в ее взгляде, в изгибе ее могучей шеи выражение всего ее существа, она обращена к соблазнительно — змью, протягивающему ей яблоко.

На краях плафона изображены мыслители, мудрецы, прорицатели, сивиллы и пророки, также полные силы и волнения. Многие из них погружены в раздумья, охвачены сомнениями, порой настоящим отчаянием. На плечах Иеремии лежит бремя его тяжелых жизненных невзгод, несчастья родного города, горести мира. Раздумье, печаль человека в этих фресках получили такое возвышенное выражение, что плафон Сикстинской капеллы можно считать апофеозом красоты и творческой энергии человека. Люди здесь наделены героической мощью. Это люди сильных характеров и сильных страстей.

В «Страшном суде» — колоссальной фреске (алтарная стена Сикстинской капеллы) — звучит тема мировой катастрофы: люди, овеянные мятежным духом, предстают уже не хозяевами судьбы, а жертвами возмездия.

В начале XVI века, когда Флорентийской республике грозила опасность порабощения Римом, Микеланджело получил заказ — изваять статую святого. Но республиканским идеалам не соответствовал бы углубленный в себя богомолец, а нужен был доблестный гражданин, борец. Микеланджело обратился к библейскому герою Давиду. В библейской легенде говорится о том, как

¹ Искусство. Книга для чтения. М., 1961, стр. 102.

древних иудеев покорили их извечные враги — воинственное и жестокое племя филистимлян, среди которых был коварный и сильный великан Голиаф. Однажды Голиаф был побежден иудейским юношей, невысоким и щуплым Давидом, во имя свободы своего народа вступившим в бой с Голиафом. Образ Давида давал возможность Микеланджело выразить идеи гражданского мужества, самоотверженности, свободолюбия. Микеланджело изваял гигантскую статую Давида. Давид — это гордый исполин. Отважный юноша, гигант — символ свободолюбия и сопротивления в борьбе, символ эпохи Возрождения, эпохи титанов мысли и дела.

День установки Давида (16 мая 1504 года) стал национальным праздником Флоренции. Это было событие настолько важное, что многие вели от него счет времени, а в письмах того времени можно было увидеть: «Что случилось через столько-то лет после установки Гиганта»¹.

Атеистическими и отрицающими религию являются действия народа, направленные на сооружение памятников, вопреки воле религии и церкви.

Воздвигая памятники ученым, философам, всем борцам за утверждение науки, за свободу народа, осужденным инквизицией и отлученным от церкви, народ утверждал торжество науки и разума. Так, в 1889 году на месте сожжения Джордано Бруно, на площади Цветов в Риме на средства прогрессивных людей всего мира был воздвигнут памятник, несмотря на протесты церковников. Почти во всех городах Франции установлены памятники героине французского народа Жанне д'Арк (Орлеанской Деве), под руководством которой французские войска в ходе Столетней войны сняли 8 мая 1429 года осаду английских войск с г. Орлеана. Напуганные успехами девушки из народа, феодалы выдали ее англичанам. По приказу последних католическая церковь приговорила ее к сожжению на костре, объявив ведьмой. Жанна д'Арк казнена 30 мая 1431 года в Руане.

Католическая церковь воспрепятствовала похоронам Галилея в фамильном склепе и не разрешила сделать на могиле даже надписи, а о надгробии или памятнике и говорить нечего. Могила Галилея осталась неизвестной. Но народ воздвиг памятники другим жертвам инквизиции — Лючилю Ваннини, Мигель Сервету, Уриелю Акоста.

Церковники предлагали публично, «под виселицей, руками палача» сжечь сочинения М. Ломоносова, самого ученого направить в Синод «для увещевания и исправления». Великому светочу науки и культуры М. В. Ломоносову русский народ воздвиг памятник в Москве и на его родине — в Холмогорах.

---

¹ Варшавский А., Бродский Б. Века. Скульпторы. Памятники. Стр. 107.

Русский народ воздвиг памятник великому русскому физиологу И. М. Сеченову, отлученному от церкви священным Синодом русской православной церкви за научный труд «Рефлексы головного мозга». Церковь ходатайствовала перед правительством о том, чтобы сослать «господина Сеченова для смирения и исправления» в Соловецкий монастырь.

Патриарх и высшее духовенство прокляли руководителей крестьянских восстаний Ивана Болотникова, Степана Разина, Кондратия Булавина. Синод предал анафеме Пугачева и всех его сподвижников, одному из которых, Салавату Юлаеву, башкирский и русский народы в наше время поставили памятник в столице Башкирии — Уфе.

Известно, что царские войска долгое время не могли взять осажденный восставшими крестьянами лод руководством Ивана Болотникова город Тулу. Тогда боярин Василий Шуйский поклялся на Евангелии отпустить на свободу И. Болотникова и других крестьянских вождей — Илейку Муромца и Федора Нагибу, в случае, если крестьяне сдадутся. Когда же, поверив ему, руководители крестьянского восстания сдались, царское правительство казнило Муромца и Нагибу, а Болотникова сослало в Каргаполь, где ему выкололи глаза, а затем утопили, и все «по милости господней». На Крепостной стене в Туле установлена мемориальная доска — знак народной памяти о восстании под руководством И. Болотникова.

Вот что писал К. Маркс о казни Степана Разина: «Царь был вне себя от радости по этому поводу, и по его приказу агнец божий московский патриарх предал анафеме Стеньку (бунт его, конечно, был направлен и против попов!). И все попы торжественно провозгласили: анафему вору и богоотступнику и обругателю святой церкви Степану Разину со всеми его единомышленниками»¹.

Сооружение памятника Степану Разину предусматривалось в первом декрете Совнаркома «О снятии памятников в честь царей и их слуг и выработке проектов памятников, достойных Социалистической революции». Торжественное открытие временного памятника Степану Разину состоялось в Москве на Лобном месте (место казни Степана Разина 6 июня 1671 года). На митинге, посвященном этому событию, 1 мая 1919 года с речью выступил В. И. Ленин. Его «Речь с Лобного места на открытии памятника Степану Разину» получила широкую известность.

Памятник жертвам 9 января 1905 года², воздвигнутый в Ленинграде в 1931 году, выражает отношение советского народа к произволу царского правительства, расстрелявшего мирное шествие петербургских рабочих к царю. Шествие к Зимнему

¹ Маркс К. Стенька Разин.— «Молодая гвардия», 1926, январь, стр. 124—125.

² Авторы памятника — М. Г. Манйзер и В. А. Витман.

Дворцу было организовано с провокационными целями агентом царской охранки попом Гапоном с тем, чтобы потопить в крови разраставшееся рабочее движение. День 9 января вошел в историю как «Кровавое воскресенье».

Крест — символ религии, в искусстве стал символическим выражением жестокости, мракобесия, эксплуатации, беззакония. Так, в 1932 году, в Лос-Анжелесе, величайшим мексиканским художником Альфаро Сикейросом выполнена огромная (30×20 м) настенная роспись, заказанная хозяином художественной галереи на тему: «Тропическая Америка». «В представлении хозяина, — как вспоминает Сикейрос, — «Тропическая Америка» была «райским местом», где люди ведут беззаботное существование среди пальм и попугаев и где спелые плоды сами падают в рот блаженным смертным». Художник изобразил гигантскую фигуру распятого на кресте индейца, заполнившую всю центральную часть стены. Формы его тела — монолитные, словно высеченные из огромного камня, говорят о его силе. Запрокинутая голова индейца напоминает воинов, которые за несколько веков до нашей эры создали из камня скульптуры племени ольменов. Индеец Сикейроса — воплощение потомков древних индейцев, коренных жителей Латинской Америки, теперь скованной и распятой, как изображенный им человек.

За эту фреску Сикейрос был изгнан из США, но фреска сделала свое дело. «Она была произведением мексиканского художника, — говорит Сикейрос, — сражавшегося за революцию и стремившегося не к тому, чтобы запечатлеть трепет своих переживаний, а к тому, чтобы выполнить великий долг: дать в образной форме выражение революционной идеологии. Я изобразил на своей фреске человека, распятого на кресте, на котором восседает орел, такой же, как на американском долларе»¹.

Атеистические устремления русского трудового народа, проявившиеся буквально в первые дни Советской власти, особенно в отношении памятников, воздвигнутых в честь царей, богов и святых, являются выражением отрицания религии.

Надо сказать, что русский народ никогда не был фанатически религиозным. Даже в условиях феодально-крепостнического строя, когда религиозная идеология господствовала в умах всех слоев общества, в сознании народа вместе с религиозной верой содержался элемент скептицизма и равнодушия к религии. Это было результатом ясного ума, здравого смысла и трезвого понимания окружающей действительности. Еще в письме к Н. В. Гоголю В. Г. Белинский отмечал, что русский народ — «глубоко атеистический народ»².

Действия рабочих и крестьян Советской России были явно

¹ Каретникова И., Давид Альфаро Сикейрос. М., 1960, стр. 15.

² Белинский В. Г. Избранные философские сочинения. Т. 2, 1948, стр. 516.

антирелигиозными: они снимали памятники, не представляющие ни художественной, ни исторической ценности, поставленные в честь царей и их слуг, в честь богов и святых, и на их месте устанавливали памятники борцам за Советскую власть, героям гражданской войны.

Восприняв традиционные формы монументов, памятников, мемориальных досок, надгробий, рабочие и крестьяне в эти формы вносили новые элементы: крест заменяли звездой, к лавровому венку добавляли изображение серпа и молота, изменяли не только церковно-славянский язык, но и содержание надписей, которые делались на надгробиях, памятниках и других мемориальных сооружениях. Если прежние надписи были религиозны, пессимистичны, выражали просьбу о смирении и покое, то новые — прославляли смелых, сильных и призывали к борьбе.

Атеистичность рабочих и крестьян Советской России проявлялась в характере сооружаемых ими памятников на Южном Урале. Так, в 1919 году, на братской могиле сорока революционеров, жертв белогвардейского террора, рабочие Миасса воздвигли мраморный обелиск «Борцам за дело Великого Октября». На мемориальной доске сделали надпись: «Не померкнут в веках славные имена героев Великого Октября!»

Накануне освобождения Златоуста от Колчака (12 июля 1919 года) белогвардейцы расстреляли 27 революционеров-подпольщиков. На другой день рабочие и части Пятой армии бережно с воинскими почестями перенесли их останки в братскую могилу (городской сад). Через год над этой могилой вознесся стройный обелиск, высоко поднявший рубиновую звезду — символ борьбы и побед революционного народа. Это одна из первых рубиновых звезд, электрифицированных и зажженных в СССР после победы Октября. Памятник очень оптимистичен. Белый мрамор светится, как клинок меча, много бронзы. На литом чугунном пояске виден отчетливо текст: «Павшим борцам за свободу». Траурная лента переплетена бронзовой лавровой ветвью, на которой золотыми буквами написаны имена двадцати семи героев-революционеров. На мемориальных чугунных досках пьедестала отлиты пафосные слова из «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса о коммунизме, о новой силе капиталистического мира — пролетариате.

В то же время рабочие Кусы установили два памятника жертвам колчаковщины. Первый напоминает куб, переходящий в фигурный столб, опоясанный четырьмя пластинами и увенчанный звездой. На столбе надпись: «Борцам, погибшим за свободу, на слава!» Второй памятник воздвигнут на братской могиле, на надгробии которой выложена звезда. По бокам надгробия укреплены четыре чугунные мемориальные доски с текстом. Вот эти надписи: «Только пролетариат и коммунистическая революция может вывести человечество из тупика, созданного империализ-

мом», «Каковы бы ни были трудности, жертвы войны и контр-революции, окончательная победа пролетариата неизбежна», «Одна жертва руки палача родит тысячи новых борцов за диктатуру пролетариата», «Товарищи красногвардейцы, вечная память вам. Мы не забудем, что вы убиты проклятой белогвардейской рукой».

Памятники воздвигались по инициативе народа и на его средства. Открытие их выливалось в народные празднества с музыкой, флагами и транспарантами, с пением революционных песен. В этом проявлялась атеистическая настроенность народа, его отход от церковных молебнов.

Целям атеистического воспитания служат безрелигиозные обряды, совершаемые у памятников и других мемориальных сооружений. Сила их эмоционального воздействия велика.

Значительные события, важные моменты в жизни человека требуют глубоко прочувствованного эмоционального выражения. Человек часто испытывает потребность в обрядах, ритуалах, праздниках, где проявлялись бы его эмоции. Издавна у людей складывались многие обряды и традиции. С возникновением религии еще в глубокой древности обряды получали религиозную окраску. Церковь увидела в обрядности дополнительное средство религиозного воспитания и под ее руководством издавна разрабатываются яркие, выразительные, празднично-торжественные, эмоционально насыщенные обряды, как действия, связанные с выполнением предписаний религии или бытовыми традициями (похороны, крещение, свадьбы). Своей эмоциональностью церковные обряды привлекали множество людей. С помощью их церковь осуществляет управление всей жизнью своих верноподданных: со дня их рождения и до смерти.

Но многие обряды, совершаемые у памятников, монументов, мавзолеев, пантеонов, храмов и других сооружений, освобожденные от религиозной окраски, сохраняя силу эмоционального воздействия, становятся при другом идейном содержании вполне важным средством атеистического воспитания.

В чем суть эмоционального воздействия обряда на психику, на чувства человека?

Во-первых, обстановка, создаваемая обрядом, способствует тому, что каждый из участников становится активно-действующим лицом, и чувствует себя одновременно и актером и зрителем. Выполняя ритуал, каждый участник ощущает связь с коллективом, с обществом, с его традициями, нравами, обычаями.

Ощущение активности, коллективности, связи с обществом — это то, что делает природу обряда отличной от других форм воздействия на духовный облик человека. Обряд непременно включает воспитательный, атеистический заряд. В обстановке обрядового действия создаются условия для выражения челове-

ком чувства собственного достоинства, проявления своей общественно-социальной, собственно человеческой сущности, а одновременно и для формирования у человека больших чувств.

Психологической основой процесса воздействия обряда на формирование чувств является ритуал. При всей условности последний воспринимается участниками как естественная необходимость, вполне соответствующая их эмоциональному настроению. Этот настрой естественно раскрывает внутренний мир чувств и переживаний, связанных с близким, дорогим каждому событием. Активно участвуя в церемонии, каждый искренне верит в необходимость выполнения им всего обрядового ритуала и переживает как непосредственную действительность всю условную последовательность обрядового действия.

Обряды тесно связаны со всем общественным строем, с жизнью и бытом народа, определяются его жизненной потребностью. Становление в СССР безрелигиозных обрядов проходит с учетом вековых традиций русского и других народов.

О том, как рождался, например, обряд открытия памятника, рассказывает скульптор С. Т. Коненков — автор первого революционного памятника на Сенатской башне Московского Кремля.

Когда шла подготовка к первой годовщине Октябрьской революции, В. И. Ленин предложил Московскому Совету ознаменовать эту историческую дату установкой мемориальной доски на Сенатской башне Кремля.

Настал момент открытия памятника. Доска укреплена на Сенатской башне. Торжественный красный занавес скрыл ее широкими складками.

С утра 7 ноября 1918 года Красную площадь начали заполнять делегации заводов и фабрик, красноармейских частей. Владимир Ильич шел пешком к Сенатской башне. Началась церемония открытия. К стене была приставлена небольшая подставка, на которую должен был взойти Владимир Ильич, чтобы разрезать ленточку, соединяющую полотнища занавеса. Ленточка была запечатана.

«Я держал в руке,— пишет С. Т. Коненков,— специально сделанную мной ко дню открытия живописную шкатулку, в которой лежали ножницы и выполненная мною деревянная печатка. На ней значилось «М. С. РКД» (Московский Совет Рабоче-Крестьянских Депутатов).

— А ведь это надо сохранить. Ведь будет же у нас свои музеи,— сказал Владимир Ильич, внимательно рассматривая печатку. Он взял шкатулку из моих рук и передал одному из товарищей, который стоял рядом: — «Передайте в Моссовет»,— сказал он.

Я передал ножницы Владимиру Ильичу. Он разрезал красную ленту. Когда раскрылся занавес, заиграл военный духовой ор-

кестр и хор исполнил специальную кантату, написанную композитором Иваном Шведовым на слова Есенина, Клычкова и Герасимова.

Спите, любимые братья!
Снова родная земля
Неколебимые рати
Движет под стены Кремля.

Под звуки кантаты все собравшиеся у Кремлевской стены внимательно рассматривали мемориальную доску. Крылатая фантастическая фигура Гения, олицетворявшая собой Победу. В одной руке темно-красное знамя на древке с советским гербом; в другой — зеленая пальмовая ветвь. У ног фигуры — полуманья сабли и ружья, воткнутые в землю. Они перевиты траурной лентой. А за плечами надмогильного стража восходит солнце, в золотых лучах которого написано: «Октябрьская 1917 революция». На мемориальной доске начертаны слова: «Павшим в борьбе за мир и братство народов». Только замолкли оркестр и хор, как Владимир Ильич поднялся на трибуну и произнес речь: «Товарищи! Почтим же память октябрьских борцов тем, что перед их памятником дадим себе клятву идти по их следам, подражать их бесстрашию, их героизму»¹.

Постепенно складывались и другие обряды, совершаемые у памятников. С построением Мавзолея В. И. Ленина разработана церемония почетного караула. Ритуал смены почетного караула неизменно привлекает внимание каждого, кто находится в этот момент на Красной площади.

Очень древним является обычай, связанный с зажжением огня славы в честь памяти героических событий.

Сооружая памятники борцам революции и гражданской войны, рабочие и крестьяне России возродили этот обычай. Впервые вечный огонь Славы был зажжен на Марсовом поле в Ленинграде.

Неизгладимое впечатление производит торжественно-траурный ритуал похорон национальных героев, выдающихся деятелей партии и государства, деятелей науки и культуры, проводимый государством у величайшего народного памятника, у Кремлевской стены. Похороны сопровождаются торжественно-траурным маршем. Гроб, украшенный цветами и красным с черным крепом, устанавливается на пушечном лафете. Как это было в России, эскортируемый вонями, идущими торжественно-церемонным шагом, лафет медленно движется к Мавзолею. У Мавзолея гроб переносится на специально оборудованный постамент. На трибуну Мавзолея поднимаются руководители ЦК КПСС и Советского правительства, члены правительственной комиссии по организации похорон. Открывается митинг. Захоронение проводится под орудийные залпы — последние почести герою, оказы-

¹ Коенков С. Т. Слово к молодым. М., 1959, стр. 60—61.

ваемые народом. Устанавливается мемориальная доска — знак вечной памяти героя.

Торжественная церемония возложения венков к мавзолею, пантеону, другим памятникам, воздвигнутым национальным героям, борцам за мир и свободу, деятелям науки и культуры, совершаемая в скорбном молчании, является возрождением народной традиции.

После Великой Отечественной войны 1941—1945 годов введен новый безрелигиозный обряд — День памяти, который проводится у памятников, воздвигнутых всем, кто отдал свою жизнь за Родину, за социализм. Такие дни проводятся накануне празднования дня Победы, в день танкистов, день Советской Армии и революционные праздники — 1-е Мая, 7-е ноября. Памятники любовно украшаются цветами, гирляндами, портретами героев. Устанавливается торжественная вахта, которую несут воины, пионеры, представители трудящихся. Проводятся митинги, встречи с ветеранами. Заканчивается церемония торжественным возложением венков. Церемония сопровождается музыкой, песнями, стихами. Весь этот ритуал придает дню памяти ту эмоциональную силу, которая воздействует на чувства, просветляет и возвышает их, побуждая людей к глубоким раздумьям о смысле жизни, о прошлом, настоящем и будущем.

Причиной восстановления этого древнего русского обряда на новой, безрелигиозной основе явилась Великая Отечественная война, принесшая в каждую семью горе, связанное с потерей родных и близких. Жертвы, принесенные во имя победы, — все народное горе. И такое горе не убывает, не повергает душу в тоску и безнадежность. Люди понимают, что в сложившихся исторических условиях жертвы принесены не напрасно, а были вызваны необходимостью. Поэтому не чувство жалости и безысходной тоски приводит советских людей к монументам, к скромным стеллам, обелискам, воздвигнутым в честь победителей чуть ли не в каждом селе, поселке, городе, а чувство восхищения и благоговения перед подвигом, совершенным народом, во имя справедливости. Они держат в памяти погибших, чтобы сделать свою жизнь достойной этой памяти, достойной бессмертия, чтобы утверждать веру в будущее. День памяти стал выражением оптимизма нашего народа.

В период строительства коммунизма религия не перестала играть реакционной роли. В СССР еще некоторая часть населения — люди верующие, и стихийно они не перестанут верить в бога, не станут атеистами. Коммунистическая партия использует многообразные средства научно-атеистической пропаганды в целях коммунистического воспитания трудящихся. В ряду этих средств монументальному искусству принадлежит активная роль.

СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ НЕОБХОДИМОСТИ И СЛУЧАЙНОСТИ В УПРАВЛЯЕМЫХ ПРОЦЕССАХ

1. Необходимость, случайность и управление

Категории необходимости и случайности, наряду с другими, прежде всего, возможностью и действительностью, причиной и следствием занимают важное место в системе категорий детерминизма. При анализе их соотношения обнаруживается, что содержание и место категорий необходимости и случайности в структуре причинно-следственной связи может быть выяснено только с учетом того, в каком взаимодействии находятся они с категориями возможности и действительности. Необходимость и случайность это две стороны, два обуславливающих друг друга момента в связи взаимодействия и его результата, выражающие соответственно однозначность этой связи, как связи определенной возможности в единстве с условиями ее существования с действительностью и многозначность ее (обусловленную существованием многих возможностей в структуре взаимодействия).

Понимание же причины как структурного отношения взаимодействия, как определенной возможности в единстве с условиями осуществления, обычно не совпадающей по своей структуре со структурой взаимодействия, позволяет представить и причинную связь, как связь взаимодействия и его результата, в единстве обоих противоречивых моментов.

Проблема специфики проявления необходимости и случайности в различных формах детерминизма имеет две стороны. **Первая** отражает особенности структуры и взаимодействия объектов, которые, проявляясь в диалектике возможности и действительности, обуславливают не одинаковое соотношение необходимости и случайности в разных типах причинных связей. Отсюда отличающиеся друг от друга типы причинности и закономерности: однозначный, динамический и вероятностный, статистический.

Формы детерминизма находятся в соответствии с различающимися по структуре материальных объектов формами движения, взаимодействия. Эти формы движения в широком плане можно отнести к трем основным группам: неживой, живой и социально-организованной материи. При их сравнении обнаружи-

ваются, что существуют такие формы взаимодействия материальных объектов, которые непосредственно не связаны с одним материальным субстратом, а характеризуют некоторые структурные особенности материальных систем различных областей действительности.

К этой категории относится свойство управления, которое позволяет выделить особый класс материальных систем различной природы — систем управления.

Как предполагает Л. А. Петрушенко, наиболее общим выражением противоречивой природы движения материи является наличие в нем двух противоречивых тенденций: с одной стороны, к неопределенности и дезорганизации, с другой — к сохранению и повышению относительной и временной устойчивости, к новообразованию и дифференциации материи. Последняя из тенденций проявляется в свойстве авторегуляции, которое наблюдается во всех формах движения материи, в том числе в процессах неживой природы, но только на определенном структурном уровне (живая природа и общество) выступает как основанное на обратной связи управление¹.

Из этого следует, что особенности проявления необходимости и случайности в существующих формах детерминизма можно рассматривать с учетом типов детерминизма, стихийных и управляемых процессов, а также в связи с теми противоречиями детерминации, которые на определенной ступени развития материи привели к необходимости опосредования всех процессов взаимодействия материальной системы деятельностью механизмов управления.

Вторая сторона проблемы специфики проявления необходимости и случайности в различных формах детерминизма касается различия управляемых и неуправляемых, стихийных процессов в таких широких областях действительности, как неживая, живая природа и общество. Понятие стихийности означает, что способ взаимодействия факторов детерминации, обуславливающей направленность изменения и развития, осуществляется без участия каких-либо механизмов управления и регуляции. Вследствие этого каждый из факторов внешней и внутренней детерминации складывается относительно независимо, направленность изменения и развития выступает как равнодействующая случайных взаимодействий, разнонаправленных изменений и процессов, а результат их действия оказывается чисто вероятностным. Таким образом, выбор возможностей взаимодействия и связанная с этим направленность опосредуется не целенаправленной деятельностью систем управления, а только действием общих и специфических законов сохранения.

Для области неживой природы характерно стихийное, чисто

¹ Петрушенко Л. А. Принципы обратной связи. М., 1967, стр. 259.

вероятностное проявление всех процессов взаимодействия. Поэтому-то понятие вероятности распространяется на связь и проявление необходимости и случайности во всех механических, физических и химических процессах. Однако развитие материи, вызванное структурным усложнением вещества, особенно на уровне макромолекулярных соединений, приводит к образованию систем со сложными, опосредованными зависимостями элементов, структурой нескольких уровней — к увеличению их зависимости от внешних условий.

Усложнение структуры ведет к повышению ее организации, к включению случайности во внутренние связи системы для сохранения ее устойчивости в изменяющейся среде. Как отмечает Г. Клаус, «каждая реальная система всегда вплетена в диалектическое единство необходимости и случайности. Она может сохранить в себе свойство устойчивости только тогда, когда она несет в себе единство необходимости и случайности»¹. Но это предполагает выбор возможностей, обусловленных как внутренним взаимодействием элементов системы, так и ее взаимодействием со средой. В неживой природе этот выбор осуществляется стихийно, в результате случайного сочетания возможности, соответствующей устойчивому состоянию системы с соответствующими внутренними и внешними условиями.

Устойчивость неорганических систем, вовлеченных в многообразные взаимодействия, является статической. Она достигается за счет того, что энергия внутренних связей системы значительно превышает энергию внешних воздействий на нее. Всякое возмущение, нарушающее внутреннее равновесие системы, порождает своей энергией процессы, уравнивающие его и возвращающие систему в прежнее состояние статического равновесия, если это возмущение не выходит за определенные границы.

На определенном уровне организации материальных систем этого способа сохранения устойчивости оказывается недостаточным. В процессе указанного выбора возможностей должно включиться действие механизма, способного извлекать информацию из результатов внутреннего и внешнего взаимодействий системы и использовать эту информацию для сохранения ее (системы) устойчивого состояния, которое в данном случае будет являться динамическим. Эта ступень в развитии материи характеризуется возникновением самоуправляющихся систем.

Переход к системам с подобной организацией совершается с появлением жизни и на этой основе различного рода биологических систем. На уровне живой природы во все процессы взаимодействия включается основанное на биологической целесообразности действие биологических механизмов регуляции. На уровне же общества, где материальное взаимодействие выступает как

¹ Клаус Г. Кибернетика и философия. М., 1963, стр. 184.

взаимодействие субъекта и объекта, в него включается действие общественных систем управления, основанных на сознательной цели субъекта.

С возникновением кибернетики выяснилось, что управление и регуляция более широкое свойство материального мира, чем сознательное общественное управление. Процессы управления в природе (а частично и в обществе) не связаны с сознательно поставленной целью. В связи с этим нужно отметить, что в общем объеме понятий стихийность противостоит управлению, особой и высшей формой которого является общественное управление на основе сознательной цели.

Однако управление нельзя считать всеобщим свойством материи, как это делают некоторые ученые на основе отождествления управления с всеобщим свойством движения, проявляющимся в тенденции к упорядоченности и сохранению устойчивости. Дело в том, что упорядоченность и сохранение устойчивости в неживой природе достигаются на качественно иной основе, хотя в отдельных процессах способность к авторегуляции проявляется отчетливо, например, установление подвижного равновесия в обратимой химической реакции. Для того, чтобы подчеркнуть генетическую связь подобных процессов в неживой природе с управлением в живой природе, технике и обществе, Л. А. Петрушенко, например, предлагает характеризовать их термином «квазиуправление». Собственно же управление существует на основе механизмов обратной связи, различие в деятельности которых определяет различие управления и регуляции, хотя эти понятия часто употребляются в одном значении.

Управление — объективный процесс, который проявляется во взаимодействии двух частей системы — управляющей и управляемой. В результате происходит перевод системы в одно из возможных, определенных программой управления состояний, способных обеспечить ее устойчивость относительно некоторых конкретно сложившихся условий. Этот процесс совершается на основе обратной связи, постоянного обмена информацией между управляющей и управляемой системами.

Управляющая система оказывается способной накапливать информацию о результатах всех взаимодействий системы в целом, преобразовывать и использовать ее и на этой основе сохранять или повышать уровень организации системы. При этом в программе управления как итоге переработки информации содержатся сведения о возможных допустимых состояниях системы, вследствие чего она определяет направленность в определенных пределах результатов всех взаимодействий в соответствии с потребностями системы. Этим самым управление ограничивает стихийность.

Определяемое программой управления конкретное состояние системы в связи с наличными условиями выступает как цель из-

менений последней. Поведение же ее относительно этой совокупности условий становится целесообразным. Очевидно, что задаваемое программой управления состояние системы, представляющее цель изменений, и направленность ее лишь приблизительно совпадает всегда с действительным состоянием, в котором оно реализуется. Это обусловлено многими факторами. На основе такого постоянного несовпадения и строится вся деятельность систем управления.

В соответствии с различием программ управления, процессов сравнения действительного и заданного состояния системы на основе обратной связи можно показать отличие регулирования и собственно управления. Управление следует рассматривать как результат развития механизмов регуляции, высшую форму регулирования, существующую на его основе и включающую его в способ своего действия. Процесс регулирования всегда совершается на основе постоянной программы. Сравнение же заданного и действительного состояний системы происходит только в момент начала и конца действия механизмов регуляции.

Программа регулирования рассчитана на строго постоянную последовательность условий, их качественные и количественные характеристики. Поэтому процесс, совершающийся на основе подобного регулирования, оказывается во всех звеньях жестко детерминированным. При качественном изменении условий регулирование будет уже неспособным выполнять свои функции, изменить программу и перевести систему в новое состояние. В этом смысле можно сказать, что регулирование просто отрицает изменение условий, связанную с этим случайность и не включает их в способ своего действия.

Многие процессы, совершающиеся в живом организме, связанные с обменом веществ, ростом, развитием, находятся под контролем подобных механизмов регуляции и совершаются как авторегуляционные. Таковы механизмы поддержания всех физиологических констант организма: температуры, давления и состава крови и т. д. В определенных в качественном и количественном отношении условиях происходит включение в обменные процессы определенных ферментов, обеспечивающих необходимую направленность химических реакций, при изменении условий — выключение их из взаимодействия. Аналогичные процессы происходят и в технических устройствах, действующих на основе механизмов регуляции.

Собственно же управление всегда совершается с учетом изменения условий и на основе постоянной обратной связи способно изменять цель, программу управления и обеспечивать существование системы в изменяющихся условиях. Процессы управления предполагают более четкую дифференциацию структуры системы, выделенность в ней механизмов получения, переработки, хранения и использования информации. Поэтому управление не

просто отрицает изменение условий, другие из многих возможностей взаимодействия, но отрицает их диалектически, отвечая на изменение условий таким изменением состояния системы, которое обеспечивает ее существование в новых условиях. Отсюда следует, как отмечает Г. Клаус, что в системе управления с обратной связью царит диалектика необходимости и случайности, связи ее элементов несут в себе объективное единство последнего.

Но между управлением и регулированием всегда существует единство и взаимопроникновение. Поэтому в высокоорганизованных системах регулирование составляет момент и основание управления. Например, системы управления живого организма имеют иерархическую структуру соответственно структуре самого организма. В них действие биологических регуляторов, ферментов, гармонов всегда совершается под контролем высших уровней управления.

Управление и осуществляемая на его основе деятельность системы всегда связаны с выбором возможностей. Аналогичный выбор происходит во взаимодействии и в неживой природе, но там он связан со стихийностью. В неживой природе факторы детерминации непосредственно действуют на систему, результат их взаимодействия с ней предварительно не соотношен на основе анализа информации с теми возможностями, которые обеспечивают сохранение ее существования. Поэтому объекты неживой природы влияют на совокупную детерминацию только фактом своего наличного существования.

Живой же организм, например, активно, в соответствии со своими потребностями, а значит в определенных пределах целесообразно изменяет соотношение элементов детерминации. На это рассчитаны все функции организма, и его реакция на изменение условий всегда имеет характер опережающего отражения действительности. Из этого следует, что опосредование процессов взаимодействия деятельностью систем управления создает неравнозначность возможностей и внутреннего взаимодействия системы и целесообразную, в соответствии с потребностями, направленность его результата. При этом наличие управляющей системы влияет не просто как дополнительное условие детерминации, создающее неравноценность возможностей, различную степень их детерминированности (как, например, катализатор в химической реакции). Эта неравнозначность создается в соответствии с потребностями системы и потому выступает как целесообразная.

На основе анализа информации о состоянии внешней и внутренней среды изменяется соотношение факторов детерминации, проявление внешней и внутренней случайности в ней, поскольку вся она оказывается ориентированной на те возможности и результаты, которые соответствуют отраженным в цели, программе управления потребностям системы.

Однако осуществляемый на основе управления выбор возможностей в соответствии с потребностями системы, обнаруживающийся как ее целесообразное поведение, не разрывает объективное единство необходимости и случайности, а использует его. Имеется и ряд других возможностей, обусловленных и внутренней структурой системы, и внешними факторами их проявления в других условиях. Управление лишь исключает осуществление в данных условиях неблагоприятных для системы возможностей. Конечно, этот контроль над условиями относителен и всегда существует в определенных пределах.

Управление всегда есть ограничение стихийности, но не абсолютное, а включающее в себя момент относительности, потому что оно всегда связано с некоторой конкретной совокупностью условий. Поэтому стихийное и управляемое никогда не совпадают по объему, управление никогда не перекрывает все стихийные процессы. Это связано с различными основами на различных уровнях развития самоуправляющихся систем, в частности в живой природе и обществе. В каждой из этих областей соотношение стихийного и управляемого проявляется различным образом. В обществе, где управление совершается в связи и на основе сознательных целей, оно является элементом такого взаимодействия, в котором активно на основе практики преобразуются сами условия в соответствии с потребностями людей. Поэтому здесь возникают неограниченные возможности в преодолении стихийности, тогда как в природе этого нет.

Рассмотрим в этой связи особенности проявления необходимости и случайности во взаимоотношении стихийного и управляемого на уровне живой природы и общества.

2. Необходимость, случайность и процессы управления в живой природе

Формирование первых самоуправляющихся систем в развитии материи связано с переходом к биологической форме движения. Содержание ее составляют различные процессы, проходящие на разных уровнях структурной организации: макромолекулярном, клеточном, популяции и вида, биоценоза, взаимосвязанных друг с другом.

Значение и роль механизмов управления, определяющих биологическую целесообразность и направленность всех процессов, обнаруживается уже при рассмотрении фундаментальных уровней живого — макромолекулярного и клеточного, прежде всего в связи с протекающим в живой клетке обменом веществ. Все процессы, связанные с обменом веществ, имеют строго упорядоченный и согласованный характер. Но эта упорядоченность достигается не за счет полного ограничения возможностей.

В биологическом обмене веществ, связанных с ним физиче-

ских и химических процессах, всегда участвуют сложные органические соединения. Поэтому в каждом конкретном взаимодействии его структура не совпадает со структурой причины, определяющей тот или иной результат, а содержит возможности различных причинных связей. Постоянные условия взаимодействия ограничивают лишь внешнюю случайность, внутренняя, связанная с непосредственным взаимодействием случайность, сохраняется. Отсюда ясно, что упорядоченность процессов может быть достигнута только за счет целесообразного выбора возможностей и создания соответствующих условий их реализации.

Это и достигается деятельностью биологических механизмов регуляции клетки. Программа же управления заложена в структуре молекул ДНК. Их отсутствие и взаимодействие в процессе функционирования с молекулами разных видов РНК, ферментами приводит к тому, что связанные с обменом веществ химические реакции объединяются в организованную последовательность, хотя каждая из них связана со своими специфическими условиями. Весь процесс синтеза белка в клетке оказывается строго упорядоченным в пространстве и во времени. Поэтому-то с точки зрения обычного, чисто вероятностного подхода, применяющегося при изучении стихийных процессов и рассматривающего любое событие как случайный выбор из статистической совокупности, процессы обмена в клетке кажутся «невероятными» и «невозможными».

В действительности же все дело в том, что «переход от течения реакции на основе статистического, вызванного тепловым движением сталкивания беспорядочно распределенных в пространстве молекул к реагированию молекул, пространственно закрепленных на матрице, не только обеспечивает строго направленное протекание реакции образования необозримо длинной цепи макромолекулы, но и в миллиарды, а может быть, в тысячи миллиардов раз повышает скорость синтеза»¹.

Еще более сложными по своей структуре и по назначению оказываются процессы управления на уровне живого организма. Именно на основе их деятельности достигается целесообразное приспособление организма к условиям существования, что является зачастую лишь относительной формой ограничения стихийности. В эволюционном развитии этот процесс связан с повышением уровня организации самого организма, для которого приспособление, а не изменение в соответствии с потребностями условий является формой господства над внешней средой и ограничения стихийности. Изменения же, производимые живым организмом в среде в силу его присутствия в ней и жизнедеятельности, имеют в основном характер стихийного взаимодействия.

В закрепленных в безусловных рефlekсах и передаваемых по

¹ Энгельгардт В. А. Химия исследует живое. М., 1966, стр. 5.

наследству приспособительных, целесообразных относительно некоторых условий реакций организма выражается факт его приспособления к постоянным и периодическим воздействиям внешней среды. При этом оказывается, что только один начальный фактор из всей цепи взаимосвязанных в прошлом воздействий уже в данной новой ситуации вызывает в организме целый ряд последовательно развивающихся под контролем механизмов управления реакции.

Именно данная особенность делает ответное поведение организма опережающим отражением действительности. Эта особенность, как отмечает П. К. Анохин, лежит в основе деятельности всех организмов, начиная от простейших и кончая высшими¹.

Вся деятельность живого организма всегда связана с анализом и переработкой в определенных формах информации о данной ему ситуации и направлена на активное разрешение противоречия организма и среды. Живой организм сам создает это противоречие в процессе своей жизнедеятельности и в ней же активно разрешает его. Основой этой активности является то, что программа, в которой определены цели деятельности организма, есть результат переработки информации и представляет из себя, как отмечает А. А. Бернштейн, «модель потребного будущего». Эта модель формируется и на основе анализа полученной в историческом развитии и закрепленной в генетических механизмах наследственной информации, и на основе анализа полученной в историческом развитии и закрепленной в генетических механизмах наследственной информации, и на основе анализа морфофизиологической информации, то есть учитывает результаты не только видового, но и индивидуального опыта.

Сами системы биологического управления, имеющие несколько уровней организации, чрезвычайно сложны. В общем плане возможны два способа формирования высших уровней управления: структурный и статистический. В высоко развитом организме, например, вся структура системы управления физиологическими процессами может быть представлена в виде трех ступеней². Деятельность низших уровней контролируется и направляется со стороны центральной нервной системы, механизмов мозга. При этом принцип централизации управления обеспечивает функциональное единство всего организма. Но эта централизация сочетается с относительной автономностью низших регулирующих систем, что обеспечивает надежность управления в целом. Поэтому в целом сам организм и системы его управления функционируют как сложная вероятностная динамическая система. Регуляция индивидуального развития организма, например, в

¹ Анохин П. К. Опережающее отражение действительности.— «Вопросы философии», 1962, № 7, стр. 105.

² См. Брайнес С. Н., Свечинский В. Б. Элементы общей теории управления в организме.— «Экспер. хирургия и анестезиология», 1963, № 5.

определенных пределах жестко детерминирована программой, заданной наследственным материалом (генотипом). Но она при этом допускает разные возможности осуществления, дополняясь морфофизиологической информацией соответственно конкретным условиям взаимодействия организма и среды, что и отражается в фенотипе.

В соответствии с действием разнообразных механизмов управления в живой природе ясно проявляется тенденция к ограничению роли связанных со стихийностью неблагоприятных случайностей. Эта особенность биологической эволюции отмечается рядом авторов¹. Биологическая эволюция имеет своим результатом выработку механизмов регуляции и управления, снижающих действие отрицательной случайности, связанной со всеми взаимодействиями, встречающимися в историческом развитии вида популяции, элементом которого является отдельная особь.

На уровне же популяции и вида регуляция всегда осуществляется за счет статистических механизмов. Роль этих механизмов особенно велика на низших ступенях развития живого мира. Высшие же животные обладают более совершенными внутренними механизмами управления. Однако это преодоление случайности и освобождение от влияния отрицательной случайности на основе деятельности механизмов управления не означает уничтожения объективного единства необходимости и случайности во всех связях. Это единство прежде всего заложено в структуре самого взаимодействия. Преодоление случайности означает отрицание ее не в метафизическом, а диалектическом смысле. Оно предполагается за счет перекрытия деятельностью систем управления возможности совпадения неблагоприятной причины и условий ее действия. Результат же любого взаимодействия в чистом виде отражает наличие других возможностей. Он всегда есть единство внутренней и внешней случайности.

Роль биологических механизмов управления в преодолении стихийности и связанной с ней отрицательной случайности весьма ограничена и на уровне организма, и на уровне популяции и вида. Процесс биологической эволюции проходит на уровне популяции и вида, которые являются ее основными элементами. Однако эти надиндивидуальные системы функционируют на основе статистических механизмов регуляции и не способны выйти за эти пределы внутри биологической формы движения материи.

В статистических механизмах регуляции популяции и вида программа регуляции, на основе которой происходит их приспособление к среде, формируется во многих отношениях стихийно. С одной стороны, вне их контроля складываются сами

¹ См. Шмальгаузен И. И. Факторы эволюции. М.—Л., 1946; Завадский К. М. К пониманию прогресса в органической природе.— В кн.: Проблемы развития в природе и обществе. М.—Л., 1958 и др.

условия существования, с которыми взаимодействует вид в процессе своего исторического развития, и результаты взаимодействия, с которыми закрепляются в программах управления. С другой стороны, программа функционирования, жизнедеятельности самой популяции есть результат статистического взаимодействия генотипов отдельных особей.

Естественно, что на основе этого статистического обмена информацией, не контролируемого центральной системой управления, которая бы могла соотноситься с требованиями наличных в данное время условий, в программу включается вся информация, полученная в результате исторического развития вида, даже если она не соответствует больше этим условиям. Поэтому исключение этой информации, заключенной в генотипах отдельных особей, происходит под контролем стихийно складывающихся условий среды, что и представляет собой процесс естественного отбора.

«Цели», на основе которых регулируется процесс биологической эволюции, «предвидят» только постоянные условия, в которых в прошлом происходило историческое развитие вида, и не способны «предвидеть» изменение этих условий. По своей природе, таким образом, они рассчитаны только на приспособление к условиям, но не на изменение их. Отсюда такая особенность биологической эволюции как «принцип максимального приспособления» в данный момент, который нередко приходит в противоречие с конечной приспособленностью к данным и изменившимся условиям, что заводит в тупик развитие целых групп видов. Поэтому в целом в биологической эволюции преобладает стихийность и связанная с ней отрицательная случайность. Для ее преодоления нужно перейти к качественно иной форме взаимодействия, которая бы выражалась не только в приспособлении к условиям, но прежде всего в их изменении в соответствии с потребностями системы. Но такой способ взаимодействия предполагает и качественно иные формы использования информации. Именно эти особенности взаимодействия и характеризуют человеческое общество.

3. Управление общественными процессами и особенность проявления необходимости и случайности в обществе

С появлением человеческого общества возникает качественно новая форма взаимодействия (а значит, и детерминизма) — взаимодействие субъекта и объекта. Общество — это такая материальная система, в которой обязательным моментом и взаимодействием ее элементов, и взаимодействия с природой становится сознательная постановка и реализация в практическом действии цели.

Практика представляет основу жизнедеятельности человеческого общества. Она материальный и в то же время сознательно целенаправленный процесс взаимодействия субъекта и объекта. Средства практической деятельности субъекта, с помощью которых преобразуются природа и общественные отношения — суть создаваемые людьми орудия труда, техника.

Любое взаимодействие на уровне общества опосредуется сознанием, которое как высшая форма отражения действительности связано и с особыми средствами получения, хранения, преобразования и использования информации. Субъектом практического и на его основе познавательного отношения к миру выступает общество в целом, в единстве всех своих элементов и отношений. В качестве объекта выступает та часть материального мира, которая стала предметом практической и познавательной деятельности людей. Субъект-общество обладает развивающейся материальной структурой, то есть он не просто приспосабливается к условиям своего существования, а преобразует их в соответствии с человеческими потребностями. Поэтому-то развитие общества в отличие от живой природы становится прогрессом в достижении свободы.

Из сказанного следует, что в обществе стихийность противостоит не просто управлению, а управлению на основе сознательной цели. Сознательность же связана с гносеологическим содержанием тех форм мышления, в которых эта цель выражается. Степень сознательности определяется адекватностью отражения в ней наличной ситуации и направления ее изменения в соответствии с потребностями субъекта.

В обществе, в отличие от живой природы, деятельность всех уровней управления всегда в какой-то мере объединяется деятельностью центральных систем управления, роль которых в классовом обществе выполняет государство. Поэтому понятие сознательности по отношению к разным уровням общественной структуры и механизмам их управления имеет различное значение. Например, элементарная единица общественной системы — отдельный индивид действует сознательно в пределах данной ему ситуации, но сознательные действия отдельных индивидов не означают сознательного развития общества в целом.

Понятие сознательности в общественном развитии нужно рассматривать прежде всего в связи с сознательной деятельностью систем управления обществом в целом, в связи с ролью субъективного фактора — сознательной и организованной деятельности людей в лице государства, класса, партий. Деятельность этого субъективного фактора становится обязательным моментом механизма действия законов развития общества, которые собственно и есть законы сознательной практической деятельности людей. Практическая деятельность людей всегда является в определенных пределах сознательной, что отражается

в ее цели. Но между целью деятельности и результатом ее, деятельностью, как между возможностью и действительностью всегда стоит сама деятельность субъекта, направляемая этой целью. Она определяет выбор и реализацию возможностей взаимодействия и их превращение в действительность, то есть содержание проявляющейся закономерной связи.

В соответствии с этим возникает вопрос о соотношении стихийности и сознательной деятельности в реализации законов развития общества. Понятие сознательности в общественном развитии нужно рассматривать прежде всего в связи с деятельностью общественных систем управления. При этом следует учесть, что противоположность стихийного и сознательно управляемого не тождественна противоположности субъективного и объективного. Свойством объективности обладают как стихийные, так и сознательно управляемые процессы, поскольку понятия субъективного и объективного отражают гносеологическую противоположность образа и объекта.

Стихийным по отношению к обществу следует рассматривать любой неуправляемый им на основе сознательной цели процесс, любую сторону процесса, которые могут быть источником отрицательных случайностей и связанных с ними событий. Это относится не только к области взаимодействия с природой, но и к неподдающимся контролю со стороны общества общественным процессам.

Однако подобные процессы нельзя рассматривать как полностью неуправляемые. Они контролируются деятельностью локальных систем управления того структурного уровня, к которому относятся. Но по отношению ко всему обществу они направляются только статистическими механизмами регуляции.

Вместе с тем стихийность сама входит в механизм функционирования статистических регуляторов, в способы, которыми они обеспечивают устойчивость системы. Таков механизм действия закона стоимости в условиях товарного производства при капитализме. Но и здесь его действие протекает в некоторых границах, контролируемых капиталистическим государством, которое всегда сознательно регулирует высший уровень производственных отношений — отношения собственности.

Таким образом, ограничение стихийности связано с развитием систем общественного управления, условий их совершенствования и научности тех целей, программ, которые направляют их действие. Это затрагивает, с одной стороны, вопрос о социальных основах возможности создания и деятельности центральных систем управления всеми областями жизни общества, прежде всего экономики, с другой, вопрос о познаваемости объективных закономерностей, о диалектике абсолютной и относительной истины в системе общественного знания.

Преодоление стихийности в обществе, и в процессах взаимо-

действия с природой, и внутри общественной структуры связано с его историческим развитием, прежде всего развитием материального производства и на этой основе систем общественного управления. Чем шире границы преодоления стихийности, подчинения всех процессов сознательному контролю общества, тем выше уровень общественной свободы.

В этом качественное отличие действия законов капитализма от законов социализма. В свое время Маркс говорил о стихийном развитии капиталистического общества, не подчиненном общему плану свободно объединившихся индивидов. Современный государственно-монополистический капитализм намного расширил границы общественного регулирования, в том числе и процесса производства. А применение современных технических и кибернетических средств сделало во многих отношениях совершенной организацию производства внутри отдельных монополий. Однако частная собственность монополий делает невозможным переход к системе управления в масштабе капиталистического государства, что отрицательно сказывается на решении многих проблем общественного развития, сохраняет стихийность и связанную с ней отрицательную случайность во всех областях общественной жизни. Тут не помогают и современные кибернетические методы. Необходимо само изменение структуры общественных отношений.

Социализм создает широкие возможности общественного управления всеми областями жизни и научного характера определения целей этого управления. Все это связано с возрастанием роли субъективного фактора в механизме действия законов социализма, в том числе и экономических законов, что качественно меняет соотношение стихийности и сознательности в общественном развитии. В решениях XXIII съезда КПСС обращено особое внимание на разработку проблем научного управления обществом и наряду с этим осуждены крайности субъективизма в управлении.

Однако и в условиях социализма частично сохраняются стихийность, а отсюда и случайность во взаимодействии общества и природы, отдельных элементов общественного производства и т. д. Это прежде всего связано с существованием, хотя и на другой основе в условиях социализма, товарного производства, а также с невозможностью, а зачастую и отсутствием необходимости, охвата всех связей и отношений различных структурных уровней общества непосредственно деятельностью центральных систем управления.

Можно предположить в связи с этим, что статистические механизмы регуляции и отдельные элементы стихийности будут сохраняться очень долго. Это обусловлено сложностью самой системы «общество», которая имеет сложную вероятностную структуру, и постоянно связанной с процессом познания гносеоло-

гической ограниченностью (даже в некоторых отношениях) содержания целей общественного управления.

Вместе с тем и сознательно регулируемый процесс не исключает, как уже отмечалось, объективного единства необходимости и случайности. Он может быть действительно целесообразно организован только на основе этого единства. Поэтому тезис об ограничении сферы действия случайности при социализме нельзя понимать упрощенно. Речь может идти прежде всего об ограничении такого проявления случайности, которое связано со стихийными процессами. Но контроль общества над условиями своего существования достигается диалектически организованной системой общественного управления и самого общества с учетом единства необходимости и случайности во взаимоотношении всех элементов и уровней общественной структуры. Случайность не уничтожается, а становится, как и связанная с ней необходимость, под контроль общества.

Управление путем создания соответствующих условий исключает превращение в действительность нежелательной для общества возможности. Сама же заменяемость условий во взаимодействии, превращающая реальную возможность в абстрактную, говорит о единстве необходимости и случайности в управляемом процессе. Поэтому свободу нельзя рассматривать как новую форму проявления необходимости (наряду со случайностью), возникающую при социализме, что иногда делается. Она лишь результат сознательного контроля общества над законами своего развития, что предполагает диалектическое единство необходимости и случайности в механизме действия этих законов.

Проблема научной организации общественного управления принимает особо важное значение, главным образом, со стороны взаимодействия общества и природы, в связи с предполагаемым выходом человечества в условия космоса. Это расширит возможности и условия существования общества по сравнению с земными условиями, что предполагает относительную бесконечность прогресса человечества на уровне космических коммунистических цивилизаций. Одновременно процесс выхода человечества в космос требует учета и оценки всех возможностей и связанных с ними случайностей во взаимодействии общества с такими широкими по границам и объему природными условиями и создания надежной системы управления и контроля над ним. Только на такой основе и может осуществиться возможность бесконечного прогресса человечества в условиях коммунизма.

*В. С. КОЛПАКОВА,
М. М. ТЕСИС*

ИЗ ОПЫТА ПРОВЕДЕНИЯ СЕМИНАРОВ ПО МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Формирование научного мировоззрения у всех трудящихся — одна из основных задач коммунистического строительства. Значительное место в ее решении отводится преподаванию общественных наук в высших учебных заведениях. Поэтому Коммунистическая партия проявляет постоянную заботу о повышении идейного содержания и действенности преподавания марксистско-ленинской философии, научного коммунизма, истории КПСС, политэкономии. Это нашло свое яркое подтверждение в Постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве».

Известно, что качество лекций и семинарских занятий обеспечивается преподавателями, обладающими не только глубокими знаниями предмета, но и в совершенстве владеющими научной методикой.

Являясь самостоятельной областью знания, методика находится в органическом единстве с изучаемым предметом. От специфики той или иной науки зависит соответствующая ей методика изучения. Систематически углубляя и расширяя свои знания, преподаватели в значительной степени должны заботиться об улучшении методики проведения лекций, семинаров, консультаций, экзаменов, помогать студентам в самостоятельной работе над овладением предметом.

Методика охватывает различные способы и приемы преподавания. Она вырабатывалась вместе с возникновением и становлением наук и непрерывно обогащалась крупицами нового.

Рассмотрим методику проведения семинаров по диалектическому и историческому материализму.

Семинары — это важная форма изучения философии. На них отводится почти 45 процентов учебного времени.

В чем значение семинаров? Тщательно подготовленные семинары способствуют успешному осуществлению учебного процесса. Прежде всего, они служат целям воспитания студентов. На семинаре в процессе дискуссий и творческого обсуждения вопросов у студентов формируется научное мировоззрение, вырабаты-

вается коммунистическая убежденность. Семинары способствуют углубленному усвоению предмета студентами, расширению их знаний, так как именно здесь имеется возможность рассмотреть подробно и конкретно те вопросы, которые из-за ограниченности времени в лекции были изложены кратко, а также при помощи преподавателя выяснить сложные вопросы, с которыми встретится студент в процессе самостоятельной подготовки темы. Здесь проверяется глубина понимания и степень усвоения ими изучаемого материала, создается возможность тесного общения преподавателя с каждым студентом.

Подчеркивая большое значение семинаров, нельзя, однако, согласиться с точкой зрения В. И. Разина, что «семинар является основной формой обучения в вузе» и что провести его хорошо, с максимальной пользой «...труднее, чем прочитать лекцию»¹.

Для вуза, где лекции и семинары — это две стороны единого учебного процесса, на наш взгляд, незакономерно отводить лекции второстепенное место, преуменьшать сложность и трудность подготовки и чтения, а тем более противопоставлять одну форму обучения другой.

Практика подтверждает, что без лекций немислим учебный процесс и что лектор помимо глубоких знаний должен обладать ораторским искусством, способностью эмоционально воздействовать на слушателей и т. д. Не случайно поэтому к чтению лекций привлекается наиболее квалифицированная часть преподавателей.

Успех семинара обеспечивается его хорошей подготовкой. Вот почему на кафедре философии Челябинского института механизации и электрификации сельского хозяйства этой стороне дела уделяется большое внимание. Задолго до начала учебного года разрабатываются примерные планы семинаров по всему курсу диалектического и исторического материализма, научного атеизма. Планы изданы отдельными брошюрами и выданы каждому студенту. В них перечислены вопросы семинарских занятий, которые отнюдь не дублируют планы лекций, основная и дополнительная литература с указанием страниц, а также отдельных слов и понятий из философского словаря по каждому вопросу, на последних страницах брошюры содержится список научно-популярной и художественной литературы для внеучебного чтения.

Хорошо подготовленные планы, хотя они и единые для всех групп, дают возможность студентам и преподавателям продуманно готовиться к семинарам, проводить их творчески. Практически на занятиях по одной и той же теме в одной группе в центре обсуждения оказываются одни вопросы, в другой — другие. Естественно, от искусства руководителя семинара зависит при таком характере дискуссии не упускать из поля зрения главные

¹ Рази н В. И. Методика преподавания философии в вузах. 1965, Изд. МГУ, стр. 44.

проблемы. Рекомендации Г. М. Штракса о необходимости проводить семинарские занятия в разных группах по различным планам¹ мы не поддерживаем. Важно лишь, чтобы планы семинаров постоянно совершенствовались, дополнялись новыми материалами. На кафедре философии института такого рода работа ведется ежегодно.

Большое значение преподаватели кафедры придают знакомству со студентами еще тогда, когда они обучаются на первом курсе. Одни из преподавателей прикрепляются к отдельным группам первого курса для ведения воспитательной работы, другие — поддерживают контакты с руководителями семинаров по истории КПСС, которая изучается студентами на первом курсе.

Такая предварительная работа сокращает сроки знакомства преподавателя с группой и дает ему возможность организованно приступить к семинарским занятиям по философии на втором году обучения студентов в вузе. Это, в частности, подтверждается опытом доцента Г. Н. Затевахиной, ассистентов З. Г. Мешковой, Б. В. Емельянова.

Завершающим этапом в процессе подготовки к семинарам является методическое занятие на тему: «Как конспектировать произведения классиков марксизма-ленинизма». Конечно, одного занятия недостаточно, но оно полезно. Эту работу мы продолжаем вести на протяжении всего учебного года на консультациях во время проверки конспектов и собеседований со студентами.

Высокий уровень семинаров зависит от подготовленности как преподавателей, так и студентов. Поэтому преподаватели тщательно готовятся к каждому семинару. Прежде всего повторяется материал темы, составляется рабочий план, формулируются дополнительные вопросы дискуссионного характера, подбираются яркие примеры, пояснения непонятных терминов, распределяется примерное время, необходимое для обсуждения вопросов.

Семинар — это многосложный процесс обучения, имеющий свои особенности и оттенки. Поэтому не может быть предложена единая схема его проведения. Каждый элемент семинара имеет немаловажное значение. Возьмем к примеру такой, на первый взгляд, простой вопрос: выступать ли студенту с места или выходить к столу и, обратившись лицом к аудитории, говорить. Некоторые преподаватели за то, чтобы студент выступал с места. Мы не разделяем подобную точку зрения. На наш взгляд, студент должен выходить и выступать перед аудиторией. При этом повышается ответственность самого студента и к его выступлению больше привлекается внимание всей группы. Кроме того, у выступающих таким образом активнее вырабатываются навыки ораторского мастерства, искусство лектора, пропагандиста.

¹ Штракс Г. М. Особенности марксистской философии и методика ее преподавания. — В кн.: Вопросы методики преподавания марксистско-ленинской философии в вузах, 1967, Изд. МГУ, стр. 11.

Или другой вопрос. Можно или нельзя пользоваться конспектом во время выступления. С нашей точки зрения, хорошо подготовленный студент должен уметь излагать свои мысли свободно, прибегая к конспекту лишь тогда, когда необходимо зачитать цитату или восстановить последовательность выступления.

Важный элемент семинарского занятия — выяснить степень усвоения темы каждым студентом. Для этого следует четко и ясно ставить вопросы перед группой и заставить всех участников семинара думать. Нецелесообразно вначале называть фамилию студента, а затем ему одному задавать вопрос. Таким образом фактически отключаются остальные студенты от активного участия в обсуждении.

Выступления студентов необходимо регулировать, сочетая добровольный принцип и вызов.

Метод добровольных выступлений применим для большей части, но отнюдь не для всех студентов. Это объясняется различными причинами. Отдельные студенты, хорошо подготовившись к семинару, зачастую не «осмеливаются» добровольно выступать. Их обязательно надо вызывать. Других же «устраивает» принцип добровольности, потому что они предпочитают готовиться не по всей теме, а лишь по одному вопросу и поджидать, когда начнется его обсуждение. Бывает и так, что студенты предварительно распределяют между собой вопросы для подготовки. Конечно, это касается немногих студентов, тем не менее такие случаи следует предотвращать.

Заслуживает внимания форма проведения семинара. На наш взгляд, в первой четверти учебного года семинарские занятия следует проводить методом собеседования при активном участии всей группы. Это необходимо для того, чтобы студенты приобрели навыки изучения философии.

В последующий период обучения по отдельным темам мы слушаем и обсуждаем доклады. Эта форма занятий более сложна и требует серьезной подготовительной работы преподавателя, докладчика и всей группы. При ней, с одной стороны, важно, чтобы помощь преподавателя не лишала самостоятельного творчества докладчика, а с другой, эта помощь не должна быть настолько мала, чтобы пострадал уровень доклада. Если доклад получится не интересным, он не вызовет активного обсуждения. Семинар пройдет на низком уровне.

Мы в своей практике оказываем помощь докладчику в подборе литературы, составлении плана. За два дня до семинара совместно с ним детально просматриваем текст, чтобы в оставшееся время внести необходимые дополнения и исправления.

Если сопоставить две формы проведения семинара — слушание докладов и собеседование, то можно высказаться в пользу последнего. Дело в том, что студенты второго курса в массе своей не обладают еще необходимыми навыками для

подготовки докладов и активного участия в их обсуждении. На беседе же разворачивается дискуссия, и изучаемая тема усваивается значительно лучше.

Главное, конечно, состоит в том, чтобы рабочий план и избранная форма проведения семинара принесли максимальную пользу.

Преподаватели кафедры философии каждое семинарское занятие начинают вступительным словом. В нем кратко излагается цель изучения темы, устанавливается связь с предыдущей, выделяются главные проблемы. Затем начинаются выступления студентов. Мы стремимся к тому, чтобы обсуждение проходило содержательно, живо, интересно. И лишь те семинары отличаются активностью и творческим накалом, к которым хорошо подготовились и преподаватели и студенты. Много зависит от умения преподавателя направлять обсуждение таким образом, чтобы оно переросло в дискуссию по отдельным проблемам. Ведь в процессе дискуссии повышается активность, оттачивается мысль студентов, они углубляют и расширяют свои знания, выясняют непонятные вопросы.

Преподаватель обязан внимательно слушать выступления каждого студента, стараясь не прерывать его, не бросать реплик, а затем кратко подвести итог по обсуждаемому вопросу, и если возникает необходимость, то сделать поправки к ошибочным высказываниям и определить правильную точку зрения в возникшей дискуссии по какому-либо положению. После изучения темы делаются общие краткие выводы и даются советы к следующей теме.

Практика показывает, что на семинаре у отдельных студентов возникают вопросы, непосредственно не связанные с изучаемой темой, как правило, по текущим событиям внутренней и международной жизни.

Мы считаем, что на такие вопросы надо кратко отвечать и, где возможно, объяснить то или иное событие с позиций марксистско-ленинской философии. В таких случаях нельзя ссылаться на то, что поставленный вопрос к теме не относится. Следует всегда помнить: мы преподаватели и воспитатели. Студенты это прекрасно понимают и поэтому обращаются к ним. Само собой разумеется, что ответы на подобные вопросы не должны поглощать много времени.

Большое значение мы придаем проведению семинара по первой теме: «Возникновение марксистско-ленинской философии». Это объясняется как ее сложностью, так и особой ответственностью преподавателя за содержательное и интересное проведение первого занятия.

Не секрет, если даже опытному преподавателю не удалось с первого занятия вызвать интерес и заслужить уважение у студентов, то в дальнейшем потребуется для этого много труда. На

первом занятии преподаватель держит экзамен перед группой, и он обязан его выдержать по меньшей мере на «хорошо». В свою очередь, и для студентов первое занятие ответственно. Они должны показать умение правильно, логично излагать свои мысли, глубину понимания изучаемого материала.

Успешному проведению семинаров и лучшему усвоению студентами изучаемой темы способствует использование наглядных пособий.

За последнее время преподаватели кафедры философии подготовили наглядные пособия по темам: «Сознание, его происхождение и сущность», «Методы и формы научного познания», «Материальное производство — основа общественного развития», «Классы и классовые отношения» и др.

Важным условием повышения активности студентов на семинаре является выставление зачета тем, кто на протяжении всего семестра принимал деятельное участие в обсуждении вопросов, показывая при этом глубокие знания, имея конспекты по рекомендованным произведениям классиков марксизма-ленинизма. С остальными студентами проводятся дополнительные беседы по темам семинаров. Поощрительный зачет объявляется в присутствии всей группы и используется как стимул для всех студентов проявлять больше старательности и ответственности при подготовке к каждому занятию.

Проявляя постоянную заботу о повышении идейного содержания и методического уровня семинаров, кафедра философии периодически обсуждает итоги их проведения, организует взаимные индивидуальные и коллективные посещения. Например, мы посетили занятие в группе кандидата философских наук А. М. Багина. Обсуждение итогов занятия принесло пользу и ему, как руководителю семинара, и другим преподавателям. С целью обмена опытом на семинары приглашаются преподаватели кафедр истории КПСС, политэкономии.

Практикуется заслушивание сообщений отстающих студентов на заседаниях кафедры, где им, наряду с предъявлением соответствующих требований, разъясняется, какую конкретную помощь они могут получить. Проводятся совместные заседания кафедры и комитета ВЛКСМ, на которых обсуждается успеваемость студентов на семинарах.

Кафедра внедряет в учебный процесс решение задач по диалектическому материализму.

С целью выявления недостатков в организации учебного процесса по философии кафедра провела анкетный опрос студентов. В числе других ставился вопрос о качестве семинарских занятий, их недостатках и путях эффективного использования этой формы обучения в целях повышения марксистско-ленинской закалки студенчества. Анализ ответов окажет нам существенную помощь в устранении имеющихся недочетов.

К сожалению, не все семинарские занятия проводятся на высоком идейном и методическом уровне. В ряде случаев это вызывается недостатками субъективного характера, которые, несомненно, могут быть сведены до минимума при условии постоянной углубленной работы преподавателей над повышением своего теоретического уровня и совершенствования методического мастерства. Но есть причины, не зависящие от преподавателя. Мы считаем, что для улучшения изучения марксистско-ленинской философии необходимо разработать программу этого курса для технических вузов, рассчитанную на 90 часов, и издать учебник, соответствующий программе. Семинарские группы сформировать не более чем по 15 человек. При теперешнем составе — от 21 до 27 человек — очень трудно использовать семинарские занятия и для выявления знаний студентов в период, предшествующий экзаменам, и для того, чтобы по-настоящему развернуть дискуссии, творческую работу со студентами.

Учитывая, что основной контингент студентов в настоящее время составляют выпускники школ, не имеющие достаточного жизненного опыта и навыков самостоятельной работы над книгой, целесообразно перенести изучение марксистско-ленинской философии на третий год обучения их в институте.

ПОВЫШЕНИЕ ДЕЙСТВЕННОСТИ РАДИОПЕРЕДАЧ ДЛЯ ТРУЖЕНИКОВ СЕЛА

Важнейшей задачей построения коммунистического общества в нашей стране является ликвидация культурно-бытовых различий между городом и деревней. Это и одна из наиболее сложных задач, поскольку различия эти — следствие длительного исторического развития деревни в отрыве от передовой культуры города. Ленин считал необходимым сделать сокровища науки и искусства *«доступными всему народу, чтобы уничтожить ту отчужденность от культуры миллионов деревенского населения, которую Маркс так метко назвал «идиотизмом деревенской жизни»*¹. Ленин писал: *«...В настоящее время... нет ровно никаких технических препятствий тому, чтобы сокровищами науки и искусства, веками скопленными в немногих центрах, пользовались все население, размещенное более или менее равномерно по всей стране»*².

Важнейшими средствами реализации поставленной Лениным задачи являются радио и телевидение. Огромные возможности радио и телевидения в формировании духовной культуры трудящихся села несомненны. Сельский житель по сравнению с жителем города имеет меньшие возможности в потреблении духовных ценностей. Социальные же условия в настоящее время способствуют росту культурных потребностей жителей села. Радио и телевидение помогают устранению несоответствия между растущими культурными потребностями сельского населения и возможностями их удовлетворения. Роль этих средств массовой информации будет по-настоящему действенной, если каждая передача будет иметь точный адрес с учетом вкусов, потребностей, интересов адресата. Для этого необходимо знание аудитории, ее структуры. Очень важно изучение ее вести систематически, ибо аудитория эта находится в постоянном движении, соотношение составляющих ее структурных элементов меняется, меняются интересы, вкусы, потребности слушателей и зрителей.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 150.

² Там же, стр. 151.

Чтобы учесть это в работе радио и телестудий, необходима постоянная обратная связь со слушателями и телезрителями. Один из способов ее осуществления — опрос аудитории.

В основу данной статьи положены материалы социологического опроса, проведенного в Челябинской области. Обработаны результаты анкетирования около полутора тысяч жителей села. На каждый вопрос анкеты предлагалось несколько возможных вариантов ответа, и заполняющий анкету выбирал тот из них, с которым был согласен. При подведении итогов мы разделили всю опрошенную аудиторию на три социально-демографические группы. Основой деления были приняты возраст, образование и пол.

Как будет показано ниже (табл. 1), такое деление на группы является достаточно обоснованным, поскольку исследование выявило существенные различия в восприятии тех или иных передач представителями разных групп. Хотя эти группы не являются в строгом смысле однородными, вследствие присущих людям индивидуальных психологических различий, результаты являются объективными характеристиками, учитывающими ограниченное число параметров.

Как показывает таблица, различные социально-демографические группы проявляют различный интерес к отдельным разделам программы радио. Политическая информация, как правило, пользуется меньшей популярностью у женщин. Интерес к этим передачам растет с ростом образования слушателей. Так, в группах со средним специальным и высшим образованием различие в отношении к обществено-политическим передачам среди мужчин и женщин уже незначительно. Телевидению, как источнику музыкальной информации, жители села отдают предпочтение в сравнении с радио. Тем не менее музыкальные радиопередачи также пользуются большой популярностью. По степени популярности музыкальные передачи распределяются следующим образом:

1. Эстрадные концерты.
2. Народные песни.
3. Оперетты.
4. Оперы.
5. Симфонические произведения.
6. Камерная музыка.

На отношение слушателей к различным жанрам значительное влияние оказывает их образование. Наименьшей популярностью пользуются музыкальные передачи, требующие высокой культуры восприятия (симфоническая и камерная музыка). Интерес к ним увеличивается с ростом образования. Распространенное мнение, что молодежь увлекается только эстрадной музыкой, а серьезная музыка ее не интересует, результатами исследования не подтвердилось. Из общего числа 53% слушающих симфони-

Таблица популярности отдельных разделов радиопередач

Тематические разделы программы	Популярность в зависимости от			образованная
	Место по степени популярности	пола	возраста	
Последние известия	1	Менее популярна среди женщин	Уменьшается с возрастом	Увеличивается с ростом образования
Эстрадные концерты	2	Более популярна среди женщин	Популярна у всех возрастных групп	Увеличивается с ростом образования
Народные песни	3	В равной степени популярна	Некоторая тенденция увеличения с возрастом	Не зависит от образования
Программа «Маяк»	4	Несколько большая популярность среди мужчин	Наибольшая популярность в группе 20—25 лет	Не зависит от образования
Литературные передачи	5	В равной степени популярна	Имеет тенденцию увеличения с возрастом	Уменьшается с ростом образования
Спортивные передачи	6	В равной степени популярна	Зависимость от возраста не обнаруживается	Уменьшается с ростом образования
Оперетты	7	Значительно большая популярность среди мужчин	Наибольшая популярность в группе 20—25 лет	Увеличивается с ростом образования
Общественно-политические	8	Более популярна среди мужчин	Очень малая популярность в группе 26—30 лет	Не зависит от образования
Оперы	9	Более популярна среди женщин	Не зависит от возраста	Резко увеличивается с ростом образования
«Глобус»	10	Более популярна среди женщин	Тенденция уменьшается с возрастом	Не зависит от образования

Тематические разделы программы	Популярность в зависимости от			образования
	Место по степени популярности	пола	возраста	
Симфоническая музыка	11	Менее популярна среди мужчин	Уменьшается с возрастом	Увеличивается с ростом образования
Человек, коллектив, производство	12	Очень низкая популярность среди мужчин	Уменьшается с возрастом	Не зависит от образования
Радиоуниверситет культуры	13	Более популярна среди женщин	Не зависит	Увеличивается с ростом образования
Ленинский университет миллионеров	14	Непопулярна среди женщин	Не зависит	Увеличивается с ростом образования
«Юность»	15	Более популярна среди женщин	Популярна у всех возрастных групп	Зависимость от образования не обнаруживается
Камерная музыка	16	Непопулярны среди мужчин	Более популярны у 20-25 лет Резко снижается после 25 лет	Незначительное увеличение с ростом образования

ческую музыку и 72%, слушающих камерную музыку, относятся к возрастной группе 20—25 лет.

Передачи, адресованные труженикам сельского хозяйства, пользуются у них большой популярностью. В то же время оказалось, что 25% опрошенных не слушает «Дневную программу для работников сельского хозяйства», 23% — программу «Сельское утро», 22,5% — программу «Люди уральских сел». Исследование показало, что это связано не столько с содержанием этих передач, сколько с неудачно выбранным временем их трансляции.

Все большую популярность завоевывает на селе телевидение. Удачно сочетая свойства радио, кино и театра, телевидение имеет большие возможности в формировании духовной культуры трудящихся села.

В ходе исследования было установлено, что труженики села, в первую очередь, видят в телевидении источник культурной информации. Наибольшей популярностью пользуются у телезрителей музыкальные передачи (86% опрошенных), кинофильмы (84%), концерты и спектакли (80%).

Отношение к общественно-политическим передачам противоречиво. Телезрители проявляют к ним значительный интерес. Однако форма передач не всегда их удовлетворяет. Этот вывод был сделан на основании анализа ответов на последний вопрос анкеты «Что бы Вы еще хотели сказать?» Телезрители с большим интересом смотрят те передачи, которые не только комментируют события, но и показывают их.

В результате исследования установлено, что самыми активными являются следующие группы телезрителей:

по возрасту — группа 21—25 лет;

по полу — мужчины;

по образованию — имеющие неполное среднее и среднее образование.

Приведенные результаты опроса, если они будут учтены при подготовке радиопередач для села, могут способствовать повышению их действенности.

О МЕТОДИКЕ ПРОВЕДЕНИЯ ЗАЧЕТОВ И ЭКЗАМЕНОВ ПО МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Изучение марксистско-ленинской философии завершается проведением зачетов и экзаменов. Они являются составной частью учебного процесса, действенной формой проверки знаний студентов и имеют большое воспитательное значение.

В период подготовки к зачетам и экзаменам студенты повторяют пройденный материал, получают необходимые консультации, закрепляют все знания. Для преподавателей прием зачетов и экзаменов — это ответственная и напряженная сторона педагогической деятельности. Экзаменационная сессия представляет собой важный этап учебного процесса как для преподавателей, так и для студентов. В методической литературе вопросам проведения зачетов и экзаменов отводится большое место. Отдельные авторы, в частности В. П. Рожин, подмечают как положительную, так и отрицательную сторону системы зачетов и экзаменов. Негативная сторона заключается в том, что подготовка к ним и проведение их отнимают около 20 процентов учебного времени. «В это время, — пишет В. П. Рожин, — нормальный учебный процесс уступает место «штурмовщине» и перегрузке памяти студентов». (Рожин В. П. Методика преподавания марксистско-ленинской философии. ЛГУ, 1967, стр. 58). Далее автор утверждает: «Многие признают, что подобная система контроля малоэффективна и отнимает слишком много времени». Выход из этого В. П. Рожин видит в том, чтобы «усовершенствовать процесс проведения зачетов и экзаменов, сократить отводимое на них время». (Там же, стр. 58).

Бесспорно, методика проведения зачетов и экзаменов нуждается в совершенствовании, но нельзя согласиться с автором, что они нарушают учебный процесс. На наш взгляд, неправомерно противопоставлять зачеты и экзамены учебному процессу. Фактически это органическая часть последнего, завершающий этап его.

Рассмотрим методику проведения зачетов. Зачеты, как правило, проводятся по одному или нескольким разделам курса и имеют своей целью проверку знаний и подготовку к экзамену студентов. По зачетам, как правило, не ставятся дифференци-

ванные оценки. Знания проверяются методом собеседования преподавателя со студентом и, разумеется, не столь глубоко и всеобъемлюще, как на экзаменах.

Этим, с нашей точки зрения, принципиально отличаются зачеты от экзаменов. Между тем некоторые авторы методических разработок основное отличие этой формы проверки (то есть зачетов) от экзаменов видят в том, «что на зачете нет билетов». (Разин В. П. Методика преподавания философии в вузах. Изд. МГУ, 1965, стр. 75). Нет нужды доказывать, что такое понимание дела ведет к отождествлению методики проведения зачетов и экзаменов, не позволяя отличить формы от содержания.

Для приема зачетов по марксистско-ленинской философии наша кафедра не выделяет специального времени. Учитывая, что 44 процента учебного времени занимают семинары, мы практикуем прием зачетов по каждой теме в процессе проведения их. Для этого студенту необходимо соответствующим образом подготовиться — законспектировать основную рекомендованную литературу и выступить глубоко и содержательно. Если на протяжении всего семестра выполняются эти требования, тогда студент получает так называемый автоматический зачет. И лишь нерадивые студенты, которые не готовятся к семинарским занятиям, сдают зачет в специально отведенное время. Поскольку преподаватели кафедры в начале семестра разъясняют студентам методику проведения зачетов, то такая система стимулирует их регулярную подготовку к занятиям на протяжении всего учебного года. Наряду с разъяснительной работой, кафедра осуществляет систематический контроль за текущей учебной работой студентов. Отдельные из них вызываются на собеседование к преподавателю, а некоторые — на заседание кафедры. Кафедра систематически заслушивает информации преподавателей о текущей успеваемости студентов. Пять дней в неделю проводятся консультации и принимаются зачеты по семинарским темам.

Значительно труднее осуществлять систематический контроль за учебной работой заочников. Им предоставляется право либо писать контрольные работы, либо сдавать устный зачет. Многие избирают первое и на практике получается так, что значительная часть контрольных работ механически списывается студентами из учебников, либо методических пособий, в целом же содержание темы студентами-заочниками не усваивается. Нам представляется более целесообразным отказаться от письменных контрольных работ и перейти на прием устных зачетов у всех студентов. Кафедра философии уже обязала студентов-заочников, живущих в городе и отдаленных районах, сдавать устные зачеты по диалектическому и историческому материализму.

Сложной и ответственной формой проверки знаний студентов

являются экзамены. Кафедра уделяет много внимания организации и проведению их.

Уже начиная чтение курса, преподаватели знакомят студентов с задачами изучения марксистско-ленинской философии, подчеркивая ее мировоззренческий характер. Студентам разъясняется, что полученные философские знания должны стать их личным убеждением, руководством в повседневной жизни и деятельности, и что на экзаменах будут учитываться как теоретическая подготовленность, так и активное участие их в общественно-политической работе. Это содействует стремлению студентов участвовать в деятельности общественных организаций.

Важную роль играет методика проведения экзаменов. В результате анализа и обобщения практики предыдущих лет коллектив кафедры убедился в нецелесообразности экзаменовывать студентов по билетам. Ведь при билетной системе вся подготовка к экзаменам сводится к составлению ответов на вопросы. Это делается в предэкзаменационный период и во время экзаменационной сессии. Ответы на вопросы, содержащиеся в билетах, торопливо, несвязно выписывают и зубуривают, упуская основное — повторение и закрепление знаний по всем темам учебной программы в полном объеме и строгой логической последовательности. Кафедра отказалась от билетной формы экзаменов и вот уже третий год проводит их по учебным программам.

Учебные программы студентам выдаются в самом начале учебного года с твердым напоминанием о том, что экзамены будут сдаваться по ним. В программе каждая тема делится на разделы, которые для удобства очерчены рамкой. Когда начинается экзамен, примерно 40 экземпляров программ помещаются в специальном ящичке. Они пронумерованы от № 1 до № 40 и на каждой из них указаны определенные страницы. Взяв программу и открыв соответствующие страницы, студент видит разделы из двух тем, которые он должен раскрыть в своем ответе.

Такая форма проведения экзаменов устраняет элемент зубрежки и нацеливает на всеобъемлющее усвоение и закрепление учебной программы.

Кафедра уделяет большое внимание консультированию студентов накануне экзаменов. Установочные консультации мы стараемся по возможности проводить для потока, а за день до экзамена — для каждой группы. Почему консультации проводятся именно накануне, а не раньше? Это обусловлено тем, что на подготовку к экзамену у студента имеется не более 3—4 дней. Естественно, что 2—3 дня он должен самостоятельно готовиться, и лишь накануне, когда определились неясные вопросы, он может получить по ним исчерпывающие разъяснения.

Немаловажное значение имеет обстановка на экзамене. В большинстве случаев на экзамене преподаватель встречается со студентом в рабочей обстановке последний раз. Поэтому следу-

ет, соблюдая деловое настроение, этому моменту придать определенную торжественность. В аудитории должен быть порядок, стол накрыт скатертью, заготовлены чистая бумага, карандаши.

Преподавателю надлежит встречать студента с естественной приветливостью, стараться своим спокойным видом придать ему спокойствие. Ведь не секрет, что студенты подмечают все нюансы в поведении и настроении экзаменатора. Порой из-за плохого настроения преподавателя они считают рискованным идти к нему на экзамен. И нельзя преподавателю такими «мелочами» пренебрегать.

Экзамен требует от преподавателя большого физического и морального напряжения. Наша кафедра ввела такой порядок, при котором преподаватель за день принимает экзамены не больше чем у 12—13 студентов, то есть в одной группе экзамен принимают лектор и ассистент, ведущий в ней семинарские занятия. Такая практика уменьшает физическую нагрузку преподавателя и студентов. Время проведения экзамена в группе сокращается с 8—9 до 4—4,5 часа. Экзаменатор получает больше возможности объективно оценивать знания студентов. А это очень важно. Ведь оценка знаний студента влечет за собой как моральные, так и материальные последствия.

Благоприятная, спокойная обстановка позволяет студенту показать подлинные знания предмета, а преподавателю объективно и справедливо оценить их, не допуская при этом либерализма или снижения требовательности.

Необходимо внимательно слушать ответы студента, стараться не прерывать его, не проявлять признаков удивления, неудовольствия, нетерпения. На практике бывает, что студент освещает те или иные положения не в такой последовательности, как нам этого хотелось бы. Если прервать выступление, тогда студент в силу нервного напряжения может сбиться, потерять нить и окажется не в состоянии вразумительно завершить свой ответ. Лишь в исключительных случаях, если студент на продолжительное время отвлекся от основного содержания вопроса, можно его прервать и помочь уяснить вопрос, либо задать наводящий.

Случается, студенты в своих ответах допускают неточности и ошибки. Сделав краткие заметки, преподаватель по окончании ответа должен исправить их. Некоторые преподаватели считают, что экзамен — это не консультация и на этом основании не исправляют ошибки, допущенные студентом на экзамене. Такой подход, на наш взгляд, неправильный. Ведь если вовремя не указать на допущенную ошибку, студент может ее повторить и впредь. К тому же целесообразно вообще вести краткие записи о ходе экзаменов и на основе их анализа и обобщения вносить необходимые дополнения и коррективы в лекционный курс и планы семинарских занятий.

Завершающим и наиболее ответственным элементом экзаменов является оценка знаний студента. В равной степени важно, чтобы и преподаватель и студент не сомневались в правильности ее. В интересах объективности не следует перед выставлением оценки «изучать» зачетку. Оценку надо вначале записывать в экзаменационную ведомость, а затем в зачетку. Это и педагогично и справедливо.

Принципиально важным является вопрос о том, как на экзамене по философии выявить идейно-политическую зрелость студента, степень сознательности и творческого уяснения марксистско-ленинской теории.

В речи на торжественном Пленуме ЦК ВЛКСМ, посвященном 50-летию ВЛКСМ, Л. И. Брежнев, определяя задачи изучения общественных наук, подчеркивал: «...Когда партия говорит о политической учебе молодежи, об овладении марксистско-ленинской теорией, то имеется в виду не механическое зазубривание тех или иных положений, тех или иных книжек, а овладение самим существом марксистско-ленинского мировоззрения. Это значит, что наши молодые граждане должны не просто хорошо знать основные положения марксистско-ленинской теории, а должны учиться находить в этой теории, в работах классиков марксизма-ленинизма, в документах партии основу, ключ, самый правильный метод для решения тех вопросов, которые ставит на повестку дня наша сегодняшняя жизнь. Речь, следовательно, идет о выработке настоящей глубокой марксистской убежденности, четкого классового подхода ко всем явлениям общественной жизни, о том, чтобы научиться творчески применять богатство теории марксизма-ленинизма»¹.

Таким образом, изучение марксистско-ленинской философии должно содействовать выработке у студентов научного мировоззрения, коммунистической убежденности. Марксистско-ленинское мировоззрение — это сплав глубоких знаний, идейной убежденности и активных действий. Преподаватель призван не только вооружить студентов глубокими знаниями, но быть их воспитателем. Поэтому вполне правомерно на совещании заведующих кафедр общественных наук, состоявшемся весной 1968 года, была принята рекомендация о том, чтобы при оценке деятельности кафедр и отдельных преподавателей общественных дисциплин учитывались общие результаты обучения и воспитания учащейся молодежи в духе марксистско-ленинских идей, повышения коммунистической идейности, политической активности, развитие интересов к общественным наукам, к жизни и деятельности партии. Кафедрам общественных наук необходимо добиваться, чтобы получаемые студенческой молодежью знания марксизма-ленинизма становились их внутренним убеждением.

¹ «Правда», 1968, 26 октября.

Работа эта сложная и требует много энергии и кропотливого труда преподавателей, партийных и комсомольских организаций. Но ею надо заниматься повседневно.

Задача выработки коммунистической убежденности у студентов должна решаться на основе всей системы довузовского обучения и воспитания. Следует иметь в виду, что нынешние наши студенты лишь недавно учились и воспитывались в школе и семье. Большинство из них вступили в комсомол. Занимаясь подготовкой высококвалифицированных инженеров сельскохозяйственного производства, закаляя их идейно, мы должны вести обучение и воспитание студентов — вчерашних школьников с учетом возрастных изменений, новых интересов и запросов.

Идейная убежденность студентов формируется в процессе осуществления продуманной системы мер, включающих содержательные лекции, интересные семинары с дискуссией, обсуждение принципиальных вопросов на комсомольских собраниях, добросовестное выполнение заданий учебной практики, активное участие в работе общественных организаций и пропаганде марксистско-ленинских идей, в быту и на литературном диспуте и т. д.

Немаловажное значение имеет внеучебная воспитательная работа. Чтобы знать студентов на экзамене, необходимо с ними встречаться и работать на протяжении всего учебного года. В плане работы нашей кафедры предусмотрен ряд мероприятий, направленных на усиление воспитания студентов.

Вот уже пять лет преподаватели кафедры принимают активное участие в деятельности факультета общественных профессий. Только в 1968/69 учебном году на отделении атеизма и пропагандистов теории научного коммунизма к занятиям приступило 260 студентов второго и четвертого курсов. Каждый из них готовит лекцию по избранной теме, чтобы затем выступить с ней в группах, а также перед сельским населением во время практики.

Лекторы, подготовленные на этом факультете, уже прочитали около 150 лекций и провели большое количество бесед. Студенты привлекаются к работе в научном студенческом обществе. Свыше 50 студентов занимались исследованием влияния телевидения на повышение культурного уровня трудящихся села, собирали сведения о памятниках боевой славы советского народа. Многие студенты участвовали в областном конкурсе научных работ по общественным дисциплинам и получили поощрения.

Хорошей практикой стали выступления преподавателей перед студентами в часы курсовых мероприятий о боевых соратниках В. И. Ленина: Я. М. Свердлов, Ф. Э. Дзержинском, Н. К. Крупской, А. В. Луначарском. Кафедра подготовила и провела ряд студенческих конференций и вечеров, посвященных 50-летию Ок-

тября, достижениям космонавтики СССР. Три преподавателя кафедры прикреплены к группам для ведения воспитательной работы. В общежитии состоялись встреча студентов с директором Челябинского театра оперы и балета, литературная конференция по книге В. Титова «Всем смертям назло», вечера вопросов и ответов. Преподаватели бывают на комсомольских собраниях и курсовых мероприятиях, в общежитиях беседуют со студентами, интересуются их участием в общественной работе.

Большое значение в формировании эстетических взглядов и воспитании нравственных норм поведения играют факультативные курсы по эстетике и этике. Их наши студенты регулярно и охотно посещают.

Внеучебная воспитательная работа повышает общественную активность студентов, их идейную убежденность.

Зная студентов, их отношение к учебе, общественной работе и трудовой деятельности, каждый преподаватель получает возможность объективно оценивать с учетом идейно-политической зрелости их знания.

Студенты, показавшие отличные знания по диалектическому и историческому материализму, награждаются книгами с памятной надписью.

В соревновании вузов города в честь 50-летия ВЛКСМ наш институт вышел на первое место. В этом крупная заслуга преподавательского коллектива нашей кафедры.

Путь, который избрала кафедра, позволяет ей активно и широко сочетать обучение и воспитание студентов, добиваться наилучших результатов в формировании научного мировоззрения. А критерий знаний студентов — это глубокое усвоение марксистско-ленинской философии и высокая идейная убежденность.

ОБ ЭТАПАХ СБЛИЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП ПО УРОВНЮ КУЛЬТУРЫ

Процесс становления общества социальной однородности в условиях строительства коммунизма предполагает ликвидацию существенных различий не только между городом и деревней, умственным и физическим трудом, но также ликвидацию различий в культурном уровне различных социальных групп.

В процессе ликвидации различий в культурном уровне различных социальных групп происходит их сближение.

В этой связи представляется важным показать некоторые аспекты процесса сближения социальных групп по уровню культуры.

Сближение социальных групп по уровню культуры не есть механическое приближение социальных групп друг к другу. Предполагаются такие изменения внутри самих социальных групп, которые свидетельствуют об образовании общих черт, общих свойств у рассматриваемых социальных групп. Общие черты, общие свойства характеризуют в данном случае весь коллектив, всю социальную группу, а не отдельных ее членов. В той или иной социальной группе всегда можно найти человека или несколько человек, которые имели бы общие черты, соответствующие чертам некоторого количества членов другой социальной группы. В этом случае представляется возможным говорить о сближении определенных частей социальных групп, но не самих социальных групп.

Очевидно, сближение социальных групп по уровню культуры — есть образование и формирование таких общих черт и свойств в рамках социальной группы, которые являются общими для нее и для другой социальной группы.

«Сближение»¹, если его рассматривать с позиций элементов и структуры, означает такое изменение элементов в рамках структуры, которое ведет к изменению самой структуры, ведет к новому качественному состоянию. Новое качественное состояние будет общим для рассматриваемых социальных групп.

Диалектика «сближения» такова, что по мере внутренних из-

---

¹ Здесь и в дальнейшем выражение «сближение социальных групп по уровню культуры» мы будем именовать термином «сближение».

менений в социальных группах происходит устранение (ликвидация) различий между социальными группами. «Сближение» в этом аспекте представляет собой такой процесс в развитии социальных групп, в результате которого снимаются качества, отделяющие друг от друга социальные группы, ликвидирующие разрыв, то значительное расстояние, которое отделяет социальные группы друг от друга.

Вместе с тем сближение социальных групп по уровню культуры может представлять собой взаимный или односторонний процесс:

а) сближение взаимное, т. е. у каждой социальной группы в равной мере образуются и формируются черты и свойства, общие с чертами и свойствами другой социальной группы;

б) некоторые черты и свойства у одной социальной группы образуются интенсивнее, чем такие же черты и свойства у другой социальной группы, вследствие чего одна социальная группа быстрее движется навстречу другой социальной группе.

В этом случае представляется важным вопрос о причинах одностороннего, а точнее замедленного сближения: соответствует ли такой процесс объективным возможностям или из-за локальных причин сближение происходит медленнее возможных темпов.

В качестве вывода можно сказать, что «сближение», будучи сложным, многогранным диалектическим процессом, может характеризоваться несколькими указанными аспектами, что зависит от места и времени.

Известное своеобразие процесса «сближения» наблюдается при анализе его с позиций категорий качества и количества.

На наш взгляд, к количественным изменениям можно отнести накопление, рост информации, сведений, знаний, расширение кругозора, углубление познаний в определенной области, ослабление одних и усиление других убеждений, привычек, навыков, интересов и т. п., а также изменение числа их.

К качественным изменениям можно отнести смену одних интересов, привычек, убеждений и т. п. другими, получение качественно новой информации, овладение новыми сторонами культуры, приобретение таких привычек, навыков, черт, которых до сих пор не было у данной социальной группы или они существовали, но лишь в начальной стадии.

Таким образом, постепенные количественные изменения могут привести к глубоким качественным изменениям.

Чрезвычайно многогранным представляется сам процесс сближения социальных групп по уровню культуры:

а) «сближение» может происходить по ряду направлений, другие же направления (черты), общие для социальных групп, еще не образовались. На данном этапе для их появления создаются лишь предпосылки;

б) «сближение» вместе с тем может происходить вследствие образования и формирования у одной социальной группы таких черт и свойств, которые уже сформированы у другой социальной группы, и наоборот, т. е. образование и формирование у последней таких черт и свойств, которые у нее отсутствуют, но которые есть у другой социальной группы.

Не трудно видеть, что и в данном случае «сближение» представляет собой процесс становления качества, присущего обоим социальным группам.

С позиций системного подхода сближение социальных групп свидетельствует об образовании единой системы с присущими ей общими и едиными, характеризующими всю систему качествами. В этом смысле «сближение» представляет собой распространение некоторых черт и свойств отдельных частей (социальных групп) на всю систему. Правомерно считать в этом случае «сближение» как появление единого качества в рамках системы.

При подходе к вопросу о сближении социальных групп по уровню культуры мы исходим из положения В. И. Ленина о том, что необходимо «в вопросе общественной науки... не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹.

Вот почему мы полагаем, что весь процесс сближения социальных групп по уровню культуры условно можно разделить на три этапа: первый этап, как начало «сближения» и как создание объективных и субъективных предпосылок для интенсивного «сближения»; второй этап, как главный, основной этап интенсивного сближения социальных групп по уровню культуры и третий этап, конечный, завершающий, характеризующийся полным слиянием социальных групп по уровню культуры, как закономерный и конечный результат сближения.

Такой подход, на наш взгляд, позволяет смотреть на явления общественной жизни конкретно исторически и, в известной мере, гарантирует от возможных ошибок.

Представляется важным вопрос о том, когда начинается процесс сближения социальных групп по уровню культуры? Можно ли говорить о том, что в условиях антагонистического общества начинается сближение социальных групп по уровню культуры?

На наш взгляд, сближение социальных групп по уровню культуры возможно только в условиях социализма.

В условиях капитализма, когда существует противоположность между городом и деревней, умственным и физическим трудом, когда производство культурных благ и пользование ими, а

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 67.

также управление единством и целостностью производств, государству-
ющих классов, а тяжелейший финансовый труд правительством
угнетенных классов, нет и не может быть единственной движущей
группы по уровню культуры.

Поэтому, прежде чем начинать единение социальную группу
по уровню культуры, общество должно ликвидировать в первую
главным образом, антагонистические противоречия и условия,
которые препятствуют осуществлению этого процесса. Именно
этому кладет социалистическая революция.

В. И. Ленин говорил, что «...у нас политическая и социальная
переворот оказался предшествующим тому культурному пере-
вороту, той культурной революции, перед которой культура еще
таким образом стоим»¹.

Своеобразие Октябрьской социалистической революции
давшей политическую власть в руки рабочих, и следовательно,
согласно Ленину — в том, что она явилась не формальной,
предпосылкой создания материальных и культурных основ со-
циалистического общества...

С ликвидацией старой политической системы и уничтожением
частной собственности на основные средства производства в
СССР и странах социалистического содружества ликвидация по-
литическая и экономическая основы для привилегий и пре-
пятствующих к культуре, для превращения всех значительных элементов
культурной культуры в достояние широких народных масс. Именно
этого времени начинается длительный процесс «сближения»
«сближения» социальных групп. Можно ли считать всеобщим, т. е.
слои социалистического общества, а не только рабочих и крестьян,
быть только рабочими и крестьянами, а не интеллигенцией,
классе и крестьянстве, а не интеллигенцией, а не интеллигенцией,
жизне и культурной жизни, а не интеллигенцией, а не интеллигенцией,
и интеллигенцией, а не интеллигенцией, а не интеллигенцией,
речь не о «сближении», а об уменьшении разрыва между
уровне этих социальных групп.

В осуществлении «сближения» большое значение имеют
объективные, так и субъективные предпосылки. Среди
них можно отнести осознание каждым членом каждой
группы необходимости повышения образованности и культуры
Ленин обществом, овладения ценностями культуры.

Таким образом, на первом этапе устранения разрыва
создаются предпосылки для сближения социальных групп по
уровню культуры, уменьшается разрыв в уровне культуры
ду некоторыми социальными группами при осуществлении
жизне других социальных групп.

Если на первом этапе создавались предпосылки для сближения

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 377.

социальных групп по уровню культуры и вместе с тем началось «сближение» между некоторыми социальными группами, а для «сближения» других социальных групп складывались лишь условия, то на втором этапе, с победой социализма, начинается интенсивный всеохватывающий процесс сближения социальных групп по уровню культуры.

Такой процесс в условиях социализма является необходимостью, закономерностью. Рост культурного уровня всего населения — объективная потребность социалистического общества.

К таким объективным потребностям общества можно отнести: необходимость привлечения широких народных масс к управлению, создание социалистической дисциплины, потребности научно-технического прогресса, наконец, необходимость приобщения широких народных масс к овладению достижениями мировой культуры. Важная роль в повышении культурного уровня всего населения принадлежит научно-техническому прогрессу, комплексной механизации и автоматизации производства, внедрению новых технологических процессов и методов контроля за ними. Это ведет:

а) к изменению содержания и характера труда и условий его существования (физический труд поднимается до уровня инженерного труда);

б) к неуклонному росту рабочих высшей квалификации;

в) к росту общеобразовательной подготовки.

Таким образом, развитие социалистического общества по пути к коммунизму объективно связано с ростом культуры всех социальных групп, а это, на наш взгляд, и является объективной предпосылкой для сближения социальных групп по уровню культуры.

Современный этап сближения социальных групп по уровню культуры характеризуется тем, что он является всеохватывающим, т. е. «сближение» происходит во всех слоях и классах социалистического общества.

Процесс «сближения» характеризуется как все более и более интенсивный. Степень интенсивности этого процесса зависит как от объективных, так и от субъективных факторов.

К числу объективных факторов «сближения» можно отнести рост материальных ценностей культуры, рост школ, театров, библиотек и т. д., повышение жизненного уровня населения, увеличение свободного времени и т. п.

К субъективным факторам, на наш взгляд, можно отнести необходимость осознания социальными группами повышения культурного уровня и в этой связи стремления к «сближению».

Важное значение имеют взаимоотношения между социальными группами; насколько внутренняя культура социальных групп используется ими для взаимного влияния и обогащения, насколько интенсивно и глубоко используются дружественные отношения

в социалистическом обществе. Сам процесс сближения социальных групп по уровню культуры характеризуется как сознательный и добровольный, ибо в создании общечеловеческой культуры коммунизма широкие народные массы участвуют сознательно и добровольно.

Было бы ошибкой считать, что «сближение» у различных социальных групп происходит в равной мере интенсивно. Рост культурного уровня рабочего класса происходит интенсивнее, чем крестьянства.

К числу направлений, по которым происходит сближение социальных групп по уровню культуры, на наш взгляд, можно отнести рост образовательного уровня, повышение общественной активности, участие в творческой культурной деятельности и т. д. Эти направления в жизни тесно связаны между собой и взаимно обусловлены. Например, подъем рационализаторской и изобретательной работы среди рабочих глубоко связан с повышением уровня образования.

Таким образом, на втором этапе происходит интенсивный процесс сближения социальных групп по уровню культуры и даже слияние некоторых частей у некоторых социальных групп по некоторым направлениям. Например, появление рабочих-интеллигентов, которые ничем, по существу, не отличаются от инженерно-технических работников.

Третий этап сближения социальных групп по уровню культуры является конечным, завершающим. На этом этапе «сближение» достигает своего логического конца: наступает полное слияние социальных групп по уровню культуры.

В нашей литературе по этому вопросу было высказано иное мнение. С. П. Гоголюхин считает, что в нашем обществе происходит сближение социальных групп, но слияния этих групп не происходит¹. Очевидно, в данном случае речь идет о сближении в период строительства коммунизма, но вряд ли такая точка зрения будет правильной в будущем, так как по мере становления социальной однородности общества происходит сначала сближение, а потом и слияние социальных групп по уровню культуры.

Но что такое слияние, чем оно отличается от нивелирования, о котором так любят говорить на Западе. Слияние социальных групп по уровню культуры предполагает такие изменения в культуре социальных групп, которые ведут к появлению общих черт, общих качеств у различных социальных групп. Образование единых качеств культуры у различных социальных групп и есть их слияние. Иными словами, изменения в культурном уровне социальных групп настолько глубоки, что социальные группы, по существу, ничем друг от друга не отличаются.

¹ См. ст. С. П. Гоголюхина в кн.: «Классы, социальные слои и группы в СССР», М., 1968, стр. 79.

Но слияние социальных групп по уровню культуры вовсе не исключает расцвета индивидуальных культурных качеств членов социальных групп, а наоборот, предполагает всесторонний расцвет культурного облика индивидуума.

Таким образом, сближение социальных групп по уровню культуры, как закономерность социалистического строительства, начинается с момента победы социалистической революции и заканчивается с построением коммунизма. Длительный сложный процесс «сближения» заканчивается слиянием социальных групп в результате построения общества социальной однородности.

«Сближение» происходит на основе глубоких изменений в материальной и духовной жизни общества. Необходимость и желательность этого процесса несомненны, поэтому важное значение приобретает субъективный фактор и, в частности, осознание этого процесса широкими народными массами, их стремление к повышению культурного уровня, что будет способствовать быстрейшему продвижению нашего общества к коммунизму.

Указанные в статье условные этапы в сближении социальных групп по уровню культуры не отделены один от другого неподвижной гранью, все грани относительны и диалектичны. Единство и связь различных этапов в процессе сближения обеспечиваются единством объективного развития нашего общества, единством великой цели.

Содержание

<i>Н. А. Бабинцев.</i> О численности механизаторских кадров и рациональном использовании их рабочего времени	3
<i>Л. П. Сашенкова.</i> Подъем промышленности и рост рядов рабочего класса Урала на завершающем этапе восстановления народного хозяйства	24
<i>Л. П. Сашенкова.</i> Коммунисты в борьбе за повышение трудовой и общественно-политической активности рабочего класса Урала в конце восстановительного периода (1924—1925 гг.)	45
<i>В. А. Пономарев.</i> Создание заводов Челябинского электрометаллургического комбината	65
<i>Е. С. Белогловский, Я. Ш. Белогловский.</i> Опыт социологического исследования развития рационализаторского движения на социалистическом предприятии (1959—1965 гг.)	81
<i>С. Г. Ливищ, Е. С. Белогловский.</i> Роль стран Антанты в установлении диктатуры Колчака в Сибири	84
<i>Б. В. Емельянов.</i> Русская философия второй четверти XIX века и источники ее изучения	106
<i>В. Н. Веселовский.</i> О сущности обменных процессов живой природы	122
<i>В. Н. Веселовский.</i> О специфическом характере и сущности биологического отражения	135
<i>С. М. Уколова, М. М. Тесис.</i> Объективное и субъективное и их соотношение в механизме действия законов социализма	150
<i>К. Н. Суханов, Я. З. Хайкин.</i> Логический анализ юридической формы выражения некоторых отношений собственности	162
<i>А. М. Багин.</i> Об общих и специфических законах развития общества и их взаимоотношении	181
<i>В. С. Колпакова.</i> Использование средств монументального искусства в атеистическом воспитании	194
<i>С. И. Уколова.</i> Специфика появления необходимости и случайности в управляемых процессах	210
<i>В. С. Колпакова, М. М. Тесис.</i> Из опыта проведения семинаров по марксистско-ленинской философии	225
<i>Э. Г. Мешковая.</i> Повышение действенности радиопередач для тружеников села	232
<i>М. М. Тесис.</i> О методике проведения зачетов и экзаменов по марксистско-ленинской философии	237
<i>А. И. Абрамов.</i> Об этапах сближения социальных групп по уровню культуры	244

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ЭКОНОМИКИ И ФИЛОСОФИИ. Отв. ред. И. Е. Ульман.
Челябинск, Южно-Уральское кн. изд., 1970. 251 с. (Челяб. ин-т мех. и электриф. с. х.
Труды. Вып. 49).

Редактор издательства П. П. Шабанова. Техн. редактор И. А. Кудричев. Переплет
Я. Н. Мельника. Корректор С. М. Калюшникова.

Сдано в набор 21/1-1970 г. Подписано к печати 2/VI-1970 г. ФБ07596. Формат бумаги
60×90/16—15,75 печ. л., 16,1 уч.-изд. л. Тираж 600 экз. Бумага № 1. Изд. № 2828.
Южно-Уральское книжное издательство, г. Челябинск, пл. Революции, 2. Областная
типография Челябин. обл. управления по печати, г. Челябинск, ул. Творческая, 127.
Заказ № 745.

Цена 1 руб. 01 коп.
Переплет 15 коп.

Печатается по заказу ЧИМЭСХ

1 р. 16 к.

ЮЖНО-
УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЧЕЛЯБИНСК
1970